ИСТОРИЯ РОССИИ
(ДО КОНЦА XVII ВЕКА)
ХРЕСТОМАТИЯ

Ижевск
2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра истории России

ИСТОРИЯ РОССИИ
(до конца XVII века)

Хрестоматия

Ижевск
2026

УДК 94(47)"653"(075.8)
ББК 63.3(2)4я73-3
И907

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензенты: канд. ист. наук, доцент каф. философии Удмуртского государственного аграрного университета **С. В. Козловский,** канд. ист. наук, доцент каф. философии и гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного университета **Д. В. Репников.**

Составители: Долгов В. В., Котляров Д. А.

И907 История России (до конца XVII века) : хрестоматия / сост.: В. В. Долгов, Д. А. Котляров. – Ижевск : Удмуртский университет, 2026. – 212 с.

ISBN 978-5-4312-1344-1

Хрестоматия содержит тексты источников, необходимых для самостоятельной работы студентов в процессе подготовки к семинарским занятиям по дисциплине «История России до XX века». Источники расположены в соответствии с темами практических занятий в рабочей программе курса. Издание адресовано студентам 1 курса бакалавриата, обучающимся по направлению подготовки «История», всем интересующимся отечественной историей.

УДК 94(47)"653"(075.8)
ББК 63.3(2)4я73-3

ISBN 978-5-4312-1344-1 © Долгов В. В., Котляров Д. А., сост., 2026
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2026

Оглавление

Введение 6

Тема 1. Восточные славяне в древности 8
Из сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» 8
Из «Стратегикона» 8
Из «Войны с готами» Прокопия Кесарийского (VI в.) 10
Из «Церковной истории» Иоанна Эфесского 12

Тема 2. Образование Киевской Руси 13
Константин Багрянородный «Об управлении империей» 13
Из «Бертинских анналов» 15
Ибн Хордадбех (IX век) 16
Ибн Фадлан о русах на Волге 17
«Повесть временных лет» о славянах и варягах 24

Тема 3. Крещение Руси 30
Повесть временных лет о крещении Руси 30

Тема 4. «Русская правда» 38
«Русская Правда» 38

Тема 5. Внешняя политика Киевской Руси в X–XII вв. 55
Из сборника саг «Гнилая кожа». 55

Тема 6. Социально-политическое развитие Руси во второй половине XI–XII вв. 57
Слово о князьях. Неделя 18 по всѣхъ святыхъ 57
Из «Жития Феодосия Печерского» 59

Тема 7. Особенности развития русских земель в XI – начале XIII вв.: географическое положение, социально-экономическое развитие, политический строй 64
Любечский съезд по «Повести временных лет» 64

Тема 8. Борьба русского народа за независимость в XIII в. 64
Из Лаврентьевской летописи 64
Из Тверской летописи 75

Из «Жития Александра Невского» 89
Старшая ливонская рифмованная хроника о Ледовом побоище 94

Тема 9. Псковская земля в XIII–XV вв. 102
Псковская судная грамота 102

Тема 10. Крупное привилегированное землевладение в XIII–XVI вв. 116
Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю о крестьянских повинностях (1391 г.) 116

Тема 11. Внутренняя и внешняя политика Ивана III. 118
Судебник 1497 г. (Судебник Ивана III) 118

Тема 12. Россия в первой половине XVI века 129
Герберштейн о власти Московского государя 129
Из «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского 133

Тема 13. Внутренняя политика Ивана IV в 60–70-х годах XVI в. . 137
Из переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским 137
Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году 151

Тема 14. Присоединение народов Поволжья, Урала и Западной Сибири к России. 155
Из «Казанской истории» 155

Тема 15. Закрепощение крестьян во второй половине XVI в. 157
Указ 1597 года о пятилетием сроке сыска беглых крестьян 157
Приговор о служилых холопах (из Указной книги Приказа Холопьего суда). 1597 г. 158

Тема 16. Гражданская война начала XVII века. 162
Из «Сказания Авраамия Палицина» 162

Тема 17. Соборное уложение 1649 г. 198
Соборное Уложение 1649 г. 198

Вопросы и задания для самостоятельной работы 202

1. Объясните, что в Уложении понимается под честью государя? 202

2. Какие наказания по Уложению применялись к преступникам, покушавшимся на честь государя? 202

3. Что означала отмена урочных лет? Какие категории крестьян по Уложению она затрагивала? 202

Тема 18. Социальные движения в России середины – второй половины XVII в. 202
Отписка головы московских стрельцов В. Лаговчина 202
«Прелестные Грамоты» С. Т. Разина и его сподвижников 203
Отписка полкового воеводы П. Урусова о боях Ю. Барятинского под Симбирском 204
Отписка полкового воеводы Ю. Долгорукова о распространении восстания в Поволжье и смежных областях 205
Грамота из приказа Казанского дворца кадомскому воеводе с извещением о выдаче Разина и расправе с разинцами 206

Тема 19. Социально-экономическое положение России во второй половине XVII в. 208
Грамоты боярина Морозова приказчикам 208

Список сокращений 212

Введение

История России, начиная с древнейших времён и вплоть до конца XVII века, представляет собой сложный и многогранный процесс становления государства, формирования культурных традиций и социальных институтов, складывание основ российской цивилизации. Этот период охватывает зарождение первых государственных образований восточных славян, их взаимодействие с соседними народами, принятие христианства, борьбу за независимость от внешних угроз и укрепление централизованной власти. Для понимания этих процессов крайне важно изучать письменные источники – документы, летописи, хроники, законодательные акты и другие письменные памятники, сохранившиеся до наших дней.

Хрестоматия, которую вы держите в руках, содержит ключевые тексты, освещающие различные этапы развития Древней Руси и Русского государства с до конца XVII столетия. Эти источники позволяют увидеть события глазами современников, проникнуть в мир их мыслей, представлений о мире и моральных ценностей. В них отражены важные моменты политической, социальной и культурной жизни страны, такие как образование Киевской Руси, правление князей Рюрика, Олега, Игоря и Ольги, крещение Руси при князе Владимире Святославиче, монгольское завоевание и ордынское иго, объединение русских земель вокруг Москвы и становленине единого Русского государства в эпоху Ивана III, сложные процессы, протекавшие в России XVI столетия и бурные события «бунташного века».

Включение в хрестоматию таких текстов, как «Повесть временных лет», «Русская Правда», «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» и других памятников, позволит внимательному и вдумчивому читателю погрузиться в атмосферу эпохи, ощутить её дух и глубже понять процессы, происходившие на территории современной России в далёком прошлом.

Изучение курса отечественной истории студентами 1курса бакалавриата направления 46.03.01 «История» является основой их теоретической подготовки. Важной составляющей подготовки студентов, только приступающих к изучению актуальных проблем истории России, является обучение навыкам самостоятельного

источниковедческого анализа, умению раскрывать содержание текста исторического источника, находить необходимую информацию.

Дисциплина «История России до XX века» нацелена на формирование у студентов следующих компетенций: ОПК-1: Способен осуществлять отбор, критический анализ и интерпретацию исторических источников, исторических фактов, исторической информации при решении задач в сфере своей профессиональной деятельности; ОПК-2: Способен применять знание основных проблем и концепции в области отечественной и всеобщей истории; заниматься интерпретацией прошлого в историографической теории и практике.

В. В. Долгов, д.и.н. профессор кафедры истории России ИИиС УдГУ
Д. А. Котляров, к.и.н. доцент кафедры истории России ИИиС УдГУ

Тема 1. Восточные славяне в древности

Из сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов»

Историк готов Иордан жил в VI в., но его история захватывает время с IV столетия, причем опирался он не только на предания, но и на предшествующие письменные сочинения.

Текст печатается по изд.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getika) / СПб., 1997. С. 67, 83–84, 86, 107–108, 110–113. Пер. Е. Ч. Скржинской.

В Скифии первыми с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия; с юга же эту область отсекает сам великий Данубий, а с востока – Флютавзий; стремительный и полный водоворотов, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра и на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих племен – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину <...>

Из «Стратегикона»

«Стратегикон» представляет собой выдающийся памятник византийской военной мысли VI в. Автором пособия по стратегии и тактике признается император Маврикий (582–602).

Текст печатается по изд.: Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I. М., 1991. С. 369–375.

Как должно приспосабливаться к склавам и антам и им подобным.

Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать

рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много с разных сторон выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки. Они опытнее всех других людей и в переправе через реки и мужественно выдерживают пребывание в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лежа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счет никакого подозрения. Но даже если тростинки окажутся заметными снаружи, неопытные посчитают их растущими из-под воды. Поэтому опытные в этом деле, распознав тростинки по срезу и положению, либо пронзают им рты с их, тростинок помощью, либо, выдернув тростинки, поднимают их из воды, поскольку они оказываются не в состоянии оставаться дольше в воде. Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами,

крепкими, но трудноперенос имыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом, которое оказывает действие, если пораженный им заранее не намазался соком тириака или другими средствами, известными врачебным наукам, либо если тотчас же не вырезал рану, чтобы отрава не распространилась на все тело. Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах. Ведь нередко, неся добычу, они, при малейшей тревоге пренебрегая ею, убегают в леса, а когда нападающие сгрудятся вокруг добычи, они, набрасываясь, без труда наносят им вред. Они стремятся различными способами и преднамеренно проделывать это с целью заманивания своих врагов.

Из «Войны с готами» Прокопия Кесарийского (VI в.)

Текст печатается по изд.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 265–267, 297–298, 438–442

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченные ли болезнью или на войне попавшие в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою

душу; избегнув смерти они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они

Рис. 1. Учебная картина по истории для средних школ: «Хозяйство и быт древних славян». 1970- гг. СССР

в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но, по существу, они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и тоже. В древности оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю, потому что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками.

Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки.

Из «Церковной истории» Иоанна Эфесского

Иоанн Эфесский – сирийский автор VI в. В своем произведении касался и борьбы Восточно-Римской империи с варварами.

Текст печатается по изд.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I. М., 1994. С. 279.

<...> В третьем году по смерти Юстина царя и правления победительного Тиверия вышел народ лживый – славяне. И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей; они опустошали и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха, в продолжение четырех лет.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Охарактеризуйте отношение к славянам авторов известий. Объясните его.
2. В чем особенности общественной жизни славян в эпоху, к которой относятся сообщения авторов источников?
3. Опишите военную организацию славян.

Тема 2. Образование Киевской Руси

Константин Багрянородный «Об управлении империей»

Приписываемое византийскому императору Константину Багрянородному (908–959) сочинение «Об управлении империей» было составлено в 948–952 гг. Создано оно было для юного наследника престола, будущего императора Романа II (прав, в 959–963), и предназначалось для его личного пользования. Текст печатается по изд.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45–51. Перевод М. Г. Литаврина .

Да будет известно, что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-русски и по-славянски «Не спи». Порог этот столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий и страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на

какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая ее шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-россски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же – четвертый порог, огромный, нарекаемый по-россски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-россски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-россски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-россски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог».

(…) Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдья, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают их и отправляются в Романию.

Из «Бертинских анналов»

Первое упоминание латинских средневековых источников о народе «рос» содержится в Бертинских анналах под 839 г. Эти анналы, охватывающие 830–882 гг., являются продолжением франкских королевских анналов и получили название от аббатства св. Бертина. Сообщение о росах относится ко второй части анналов, написанной придворным капелланом Пруденцием (Галиндо). Анналист, видимо, был очевидцем описанных им событий.

Печатается по изд.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288–289. Перевод А. В. Назаренко.

<Феофил> прислал также <...> некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король

Рис. 2. Цата. Москва, конец XIV – начало XV вв. Золото, драгоценные камни, перламутр; чеканка, скань. Музеи Московского Кремля.

(гех) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему <Феофилу. – Сост.>, как они уверяли, ради дружбы. Он <Феофил. – Сост.> просил... чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться на родину, так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости

исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав цели их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он не замедлил <...> сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь им; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить.

Ибн Хордадбех (IX век)

«Худуд ал-Алам» («Пределы мира») о народах Восточной Европы

Абу-ал-Касим Убайдуллах ибн Абдаллах Ибн Хордадбех (род. ок. 205/820 г.) происходил из знатной иранской семьи, получил хорошее образование и состоял при дворе халифа; некоторое время заведовал государственной почтой в провинции ал-Джибал (Северо-Западный Иран) и имел доступ к правительственному и частным архивам.

§ 44. Описание страны русов и их городов.

На восток от страны русов – горы печенегов, на юг – река Ruta[5], на запад – славяне, на север – необитаемые земли севера. Это огромная страна, и обитатели ее плохого нрава, непристойные, нахальные, склонны к ссорам и воинственны. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов (Rus-khaqan). Страна эта изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа мороват (muruwat)[5]. Знахари у них в почете. Ежегодно они платят 1/10 добычи и торговой прибыли государю (sultan). Среди них есть группа славян, которая им служит. Они шьют шаровары приблизительно из 100 гязов хлопка, которые надевают и заворачивают выше колена. Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка. Мертвого хоронят

со всем, что ему принадлежало из одежды и украшений. Они еще кладут в могилу с мертвыми еду и питье.

KUYABA (?) – город (земля?) русов, ближайший к мусульманам. Это приятное место и есть резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи.

S. LABA (?) – приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной Булгар.

URTAB (?) – город, где любого чужеземца убивают. Там производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму.

Ибн Фадлан о русах на Волге

Ибн Фадлан – мусульманский миссионер, побывавший в Волжской Булгарии в 921/922 гг. по просьбе правителя булгар (названного «царем славян», просившего у халифа ал-Мук-тадира (908–932) помощи в борьбе с Хазарией и обещавшего принять ислам.

Книга... является своеобразным отчетом о проведенном посольстве и содержит массу этнографических наблюдений о народах, встреченных путниками по пути к «царю славян» и в самой Волжской Булгарии.

Текст печатается по изд.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С.141–146. Пер. А. П. Ковалевского.

Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. Я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, <но носит> какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них имеется секира и меч и нож, и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы сейчас упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтей кого-либо их них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений и тому подобного. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или меди, или золота, в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого

кольца – коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них (женщин) (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них (русов) – это зеленые бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они (русы) заключают (торговые) контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен. Они грязнейшие из тварей Аллаха – (они) не очищаются от испражнений, ни от мочи, и не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие ослы. Они пребывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая <река>, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать, – меньше и (или) больше, и у каждого своя скамья, на которой он сидит, и с ними сидят девушки – восторг для купцов...

И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собой хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (деревяшки) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит всего, что привез с собою из своих товаров – «и я пришел к тебе с этим даром»; потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяшкой, – «и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу». Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому

изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это жены нашего господина и дочери его и сыновья его...» Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревяшки, воткнутые в землю...

Рис. 3. Г. И. Семиградский «Похороны знатного руса в Булгаре». 1883. Государственный исторический музей. Москва.

И если они поймают вора или грабителя, то они ведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

И (еще прежде) говорили, что они делают со своими главарями при их смерти (такие) дела, из которых самое меньшее – сожжение, так что мне очень хотелось присутствовать при этом, пока не дошло

до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания. А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мертвого) в него и сжигают его (корабль), а для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети – треть для его семьи, треть, чтобы для него на нее скроить одежды, треть, чтобы приготовить на нее набиз, который они будут пить до того дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набизу, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них умирает, держа чашу в своей руке.

И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает (так), – девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я». Итак, поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы с нею, где бы она не ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись они (родственники) за его дело – кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему.

Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль. И вот он уже вытащен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева хаданга и другого (дерева) и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов из дерева. Потом (корабль) был протащен, пока не помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью, для меня непонятной. А он (мертвый) был в своей могиле, они (еще) не вынимали его.

В середину этого корабля они ставят шалаш из дерева и покрывают этот шалаш разного рода «кумачами». Потом они принесли скамью и поместили ее на корабле и покрыли ее стеганными матрацами и парчей византийской и подушками из

парчи, и пришла старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье подстилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма большая и мрачная.

Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева и удалили в сторону дерево и извлекли его в изаре, в котором он умер, и вот я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набиз и (некий) плод и тунбур. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета. Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и хафтан парчевый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку из парчи, соболевую. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку, которая на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками, и принесли набиз и плод, и благовонное растение и положили его вместе с ним. И принесли хлеба и мяса и, луку, и оставили это перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним (букв, к его боку). Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом разрезали их обеих мечем и бросили их мясо в корабле, потом привели двух быков и разрезали их также и бросили их обоих в нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в нем (корабле).

Собирается много мужчин и женщин, играют на сазах, и каждый из родственников умершего ставит шалаш поодаль от его шалаша>. А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин данной юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: право же, я сделал это из любви к тебе». Когда же пришло время после полудня, в пятницу, привели девушку к чему-то, что они (уже раньше) сделали наподобие обвязки ворот, и она поставила обе свои ноги на ладони мужей, и она поднялась над этой обвязкой (обозревая окрестность) и говорила (нечто) на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй раз, причем она совершила то же, что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и швырнула ее. Они взяли эту

курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли, – вот я вижу моего отца и мою мать, – и сказала во второй (раз), – вот все мои умершие родственники сидящие, – и сказала в третий (раз), – вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему». И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, а она та, которая убивает ее. И она (девушка) сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые обе (перед этим) служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти.

Потом ее подняли на корабль, но еще не ввели ее в палатку, и пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревяшки, и подали ей кубком набиз, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его, и чтобы войти в палатку, в которой находится ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в палатку, но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее (голову) в палатку и вошла вместе с ней (девушкой), а мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, причем взволновались бы другие девушки и перестали бы искать смерти со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей <из (числа) родственников ее мужа> и совокупились с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложила старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку с расходящимися концами, и дала ее двум (мужам), чтобы они тянули ее, и она подошла, держа (в руке) кинжал с широким лезвием, и вот начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время, как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом подошел ближайший родственник умершего, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим <к людям>; в одной своей руке он держал зажженную деревяшку, а другую на заднем проходе, будучи голым, пока не зажег сложенных деревяшек, бывших под кораблем. Потом

подошли люди с кусками дерева для подпалки и дровами, и с каждым из них <была палка, которую он зажег>, чтобы бросить ее в эти куски дерева (подпал). И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку и мужа, и девушку, и все, что в ней находилось, подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его (огня).

И был рядом со мной некий муж из русов, и вот я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он сказал: «Право же, он говорит: «Вы, о арабы, глупы». <Я же спросил его об этом>. Он сказал: «Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю), съедают его прах <насекомые> и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас». Тогда я спросил об этом, а он сказал: «По любви господа его к нему (вот) уже послал он ветер, так что он унесет его за час». И вот действительно, не прошло и часа, как превратился корабль и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в мельчайший пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга, написали на ней имя мужа и имя царя русов и удалились.

Он (Ибн Фадлан) сказал: «К порядкам царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке находятся четыреста мужей из богатырей, его сподвижников, и (находящиеся) у него надежные люди из них умирают при его смерти и бывают убиты (сражаясь) за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему и моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которую он употребляет как наложницу. И эти четыреста мужей сидят под его ложем (престолом). А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет как наложницу одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы упомянули. И он не спускается со своего ложа, так что, если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к его ложу, так что он садится на нее верхом с него (ложа). А если он захочет сойти (с лошади), то подводится его лошадь (к ложу) настолько, чтобы он сошел со своей лошади. У него есть заместитель,

который управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных».

«Повесть временных лет» о славянах и варягах

По мнозехъ же времянехъ сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И отъ техъ Словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Морава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася. А се ти же Словени: Хорвате Белии, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словени на Дунайския и седшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесехъ; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле, и нарекошася Северъ. И тако разидеся Словеньский языкъ, темже и грамота прозвася Словеньская.

Поляномъ же жившимъ особе по горамъ симъ, бе путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по томуже морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити в Понтъ море, въ неже втечеть Днепръ река. Днепръ бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полъдне, а Двина ис тогоже леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское; ис того же леса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двине въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечет в Понетьское море жереломъ, еже море словеть

Руское, по немуже учил святый Оньдрей, братъ Петровъ, яко-же реша. (…)

Въ лето 6367 (859). Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенехъ, на Мери и на всехъ Кривичехъ, а Козари имаху на Полянехъ и на Северехъ, на Вятичехъ, имаху по белей веверице от дыма.

Въ лето 6370 (862). Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в нихъ правды, и въета родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ Варягом, к Руси; сице бо тин звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Реша Руси Чюдь и Словени, и Кривичи и вси: «земля наша велика и обидна, а наряда в ней нетъ, да пойдете княжитъ и володети нами». И избрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собе всю Русь, и придоша к Словеномъ первое и срубиша го-родъ Ладогу, и седе в Ладозе старей Рюрикъ, а другий, Синеусъ, на Белеозере, а третий въ Йзборьсте, Труворъ. И отъ техъ Варягъ прозвася Руская земля. Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска, преже бо беша Словени. По двое же лету Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И прия всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Йлмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новъгород, и седе ту княжа раздал волости и городы рубити, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новегороде Словене, въ Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома, и теми всеми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ, и поидоста по Днепру, и идучи мимо и узреста на горе градокъ, и упрошаста и реста: «Чий се градокъ?». Они же реша: «была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градокось, и изгибоша, и мы седимъ, платяче дань Козаромъ». Асколдъ же и Диръ остаста въ граде семь, и многи Варяги съвокуписта, и начаста владети Польскою землею. Рюрику же княжащу в Новегороде.

(…) Въ лето 6387 (879). Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руце, Игоря, бе бо детескъ вельми.

Въ лето 6390 (882). Поиде Олегъ поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словени, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои. И придоста къ горамъ хъ Киевьскимъ, и уведа Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вой въ лодьяхъ, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря детьска. И приплу подъ Угорьское, похорони вой своя, и посла ко Асколду и Дирови, глаголя: «Яко гость есмь, и идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича, да прилета к намъ к родомъ своимъ». Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочий изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы неста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олъминъ дворъ; на той могиле поставилъ церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И седе Олегъ княжа въ Киеве, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И беша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ.

Въ лето 6391 (883). Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучив а, имаше на нихъ дань по черне куне.

Въ лето 6392 (884). Иде Олегъ на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легъку, и не да имъ Козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

Въ лето 6393 (885). Посла къ Радимичемъ, рька: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте Козаромъ, но мне дайте». И въдаша Ольгови по щьлягу6, якоже и Козаромъ даяху. И бе обладая Олегъ Поляны и Деревляны, и Северяны, и Радимичи, а с Уличи и Теверци имяше рать.

(…) лѣто 6453. Ркоша дружина Игореви: «Отроци Свенделжи изоделеся суть оружьемь и порты, а мы нази. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примысляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. И возмя дань и поиде въ свой городъ. Идущю же ему въспять, размысли, рече дружине своей: «Идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожю еще». И пусти дружину свою домови,

с маломъ же дружины възвратися, желая болшая именья. Слышавше же древляне, яко опять идеть, съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще ся въвадить волкъ въ овце, то относить по единой все стадо, аще не убьють его; тако и сий, аще не убьем его, то вси ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси вьсю дань». И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростеня противу древляне и убиша Игоря и дружину его, бе бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоростиня города в Деревехъ и до сего дни.

Ольга же бяше в Киеве съ сыномъ своимъ детьском Святославомъ, и кормилець бе его Асмудъ, и воевода бе Свинделдъ, – то же отець Мьстишинъ. Ркоша же деревляне: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ». И послаша деревляне лучьшии мужи свои, числомъ 20, в лодьи къ Ользѣ. И приставша подъ Боричевом въ лодьи. Бе бо тогда вода текущи возле горы Киевьскыя, и на Подоле не седяхуть людье, но на горе. Городъ же бяше Киевъ, идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ кьняжь бяше в городе, идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чюдинь, а перевѣсище бе вне города. Дворъ теремный и другый – идеже есть дворъ демесниковъ за святою Богородицею, надъ горою. Бе бо ту теремъ каменъ. И поведаша Олзе, яко деревляни придоша, и възва Ольга к собе и рече имъ: «Добре, гостье, приидоша?» И ркоша древляне: «Придохомъ, княгини». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте семо?» И ркоша деревляни: «Посла ны Деревьская земля, ркущи сице: мужа твоего убихомъ, бяшеть бо мужь твой яко волкъ, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю, да иди за нашь князь за Малъ» – бе бо ему имя Малъ, князю деревьскому. Рече же имъ Олга: «Люба ми есть речь ваша, уже мне своего мужа не кресити, но хощю вы почтити наутьрея пред людми своими, а ныне идете в лодью свою и лязьте в лодьи величающеся. Азъ утро пошлю по вы, вы же речете: “Не едемъ ни на конехъ, ни пеши идемъ, но понесете ны в лодьи”, и възьнесуть вы в лодьи». И отпусти я в лодью. Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на двор теремьскомъ вне города. И заутра Ольга, седящи в тереме, посла по гости, и приидоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же ркоша: «Не едемъ ни на конехъ, ни на возех, ни пешь идемъ,

но понесите ны в лодьи». Ркоша же кияне: «Намъ неволя: князь нашь убитъ, а княгини наша хощеть за вашь князь», и понесоша я в лодьи. Они же седяху в перегбех въ великихъ сустогахъ гордящеся. И принесоша я на дворъ къ Ользе, и, несъше я, и вринуша въ яму и съ лодьею. И приникши Олга и рече имъ: «Добьра ли вы честь?» Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повеле засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Олга къ деревляном, рече: «Да аще мя право просите, то пришлите къ мне мужи нарочиты, да въ велице чести поиду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьсции». Се слышавше, древляне изъбраша лучьшая мужи, иже держать Деревьскую землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшим, повелѣ Олга мовницю створити, ркущи сице: «Измывшеся, придета къ мне». Они же пережьгоша мовницю, и влезоша древляне и начаша мытися, и запроша мовницю о них, и повеле зажечи я от дверий, и ту изгореша вси.

И посла къ деревляном, ркущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды мьногы у города, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю моему». Они же, слышавше, свезоша меды многы зело. Олга же, поемши мало дружине и легъко идущи, приде къ гробу его и плакася по мужи своемъ. И повеле людем съсути могилу велику, и, яко съспоша, повеле трызну творити. Посем седоша деревляне пити, и повелѣ Олга отроком своимъ служити передъ ними. И ркоша деревляне къ Олзе: «Кде суть друзе наши, ихъже послахомъ по тя?» Она же рече: «Идуть по мне съ дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повеле отрокомъ своим пити на ня, а сама отиде прочь и потомъ повеле отроком сѣчи я, и исъсѣкоша ихъ 5000. А Ольга възвратися къ Киеву и пристрои воя на прокъ ихъ.

Начало княженья Святославьля.

В лето 6454. Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревьскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемъшемася обема полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летевъ сквози уши коневи и удари в ногы коневи, бе бо велми детескъ. И рече Свенгелдъ и Асмудъ: «Князь уже почалъ, потягнемъ, дружино, по князи». И победиша деревьляны. Деревляне же побегоша и затворишася в городехъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко те бяху

убиле мужа ея, и ста около города съ сыномъ своимъ, а деревляне затворишася в городе, и боряху крепько из города, ведаху бо, яко сами убиле князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето цело, и не можаше взяти города, и умысли сице: посла къ городу, ркущи: «Чего хощете доседети? А вси ваши городи передашася мне, и ялися по дань, и делають нивы своя и землю свою, а вы хощете голодомъ измерети, не имучися по дань». Деревляни же рькоша: «Ради быхомъ ся яли по дань, но хощеши мьшати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ уже мьстила есмь мужа своего, когда придоша къ Киеву, и второе, и третьее, еже когда творяхут трызьну мужю моему. А уже не хощю отмщения творити, но хощю дань имати помалу и, смирившися с вами, поиду опять». Ркоша же древляне: «Что хощеши у нас? Ради даемъ и медом и скорою». Она же рече имъ: «Ныне у вас нету меду, ни скоры, но мала у васъ прошю: дайте ми от двора по три голуби и по три воробьи. Азъ бо не хощю тяжькы дани възложити на васъ, якоже мужь мой, но сего у вас прошю мала: изнемогли бо ся есте въ осаде, да вдайте ми се малое». Деревляне же ради быша, събраша же от двора по три голуби и по три воробьи, и послаша къ Ользе с поклоном. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покориле мне и моему детяти, а идете в городъ, а язъ заутра отступлю от города и поиду в городъ свой». Деревьляне же ради быша, вънидоша в город и поведаша людемъ, и обрадовашася людье в городе. Ольга же раздая воемъ комуждо по голуби, а дьругимъ по воробьеви, и повеле къемуждо голубеви и воробьеви привязати черь и, оберътываючи въ платкы малы, нитькою поверьзаючи къ всемъ голубемъ и воробьемъ. И повеле Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробии воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетеша въ гнезда своя, ови в голубникы своя, воробьеве же подъ острехы, и тако загарахуться голубници, и от нихъ клети и одрины. И не бе двора, идеже не горяше, и не бе льзе гасити, вси бо дворе възгорешася. И побегоша людье из города, и повеле Олга воемъ своимъ имати я. И яко взя городъ и пожьже и́, старѣйшины же города изънима и прочая люди овехъ изби, а другия работе преда мужем своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань.

И възложи на ня дань тяжьку, и две части идета Киеву, а третьяя – Вышегороду къ Ользе; бе бо Вышегородъ Ольжинъ город. И иде Олга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и урокы, и суть становища

ея и ловища ея. И приде в городъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославом и, пребывши лето едино, в лѣто 6455 иде Олга Новугороду. И устави по Мьсте погосты и дань, и по Лузе погосты и дань, и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и места и погосты. И сани ея стоять въ Плесъкове и до сего дни, и по Днепру перевѣсища и по Десне, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възвратися къ сыну своему в Киевъ и пребываше с ним въ любви.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Чем различается описание нравов русов в различных по своему происхождению источниках? Объясните это.
2. Сравните погребальные обряды русов в изложении Ибн-Фадлана и автора «Повести временных лет».
3. Сопоставьте известия о Руси Бертинских анналов и сообщения Повести временных лет о призвании варягов.

Тема 3. Крещение Руси

Повесть временных лет о крещении Руси

И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ и постави кумиры на холъму внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а голова его серебряна, а усъ золот, и Хоръса, и Дажьбога, и Стрибога и Сѣмарьгла, и Мокошь. И жряхут имъ, наричуще богы, и привожаху сыны своя, и жряху бѣсомъ, и осквѣрняху землю требами своими. И осквѣрнися требами земля Русская и холмъ тъ. Но преблагый Богъ не хотяй смерти грѣшником: на томъ холмѣ нынѣ церкы есть святаго Василья, якоже послѣдѣ скажем. Мы же на преднее възвратимся.

Володимиръ же посади Добрыню, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумиръ надъ рѣкою Волховомъ, и жряхуть ему людье новгородьстии акы Богу. (…)

–

В лѣто 6494. Приидоша болгаре вѣры бохъмичи, глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смысленъ и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ наш и поклонися Бохъмиту». Рече Володимиръ: «Кака есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити,

и по смерти съ женами похоть творити блудную. Дасть Бохъмить комуждо по семидесятъ женъ красенъ, и избереть едину красну, и всѣхъ красоту възложит на едину, и та будеть ему жена. Здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякый. На семъ же свѣтѣ аще будет кто убогъ, то и тамо, аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо». И ина многа лѣсть, еяже нелзѣ писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блужение многое, и послушаше сладько, Но се бѣ ему не любо: обрѣзание удовъ и о неядении свиныхъ мясъ, а о питьи отинудь рекъ: «Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти». По семъ же придоша нѣмци от Рима, глаголюще, яко «Придохомъ послани от папежа». И ркоша ему: «Реклъ ти папежь: “Земля твоя яко земля наша, а вѣра ваша не акы вѣра наша, вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемъся Богу, иже створи небо и землю, и звѣзды, и мѣсяць и всяко дыхание, а бози ваши – древо суть”». Володимиръ же рече: «Кака есть заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощение по силѣ. Аще кто пьеть или ѣсть, все въ славу Божию, рече учитель нашъ Павелъ». Рече же Володимиръ нѣмцомъ: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше, жидове козарьстии приидоша, ркуще: «Слышахомъ, яко приходиша болъгаре и хрестьяни, учаще тя кождо ихъ вѣрѣ своей. Хрестьяни бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ едину Богу Аврамову, Исакову, Ияковлю». И рече Володимиръ: «Что есть законъ вашь?» Они же рѣша: «Обрѣзатися и свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «То кде есть земля ваша?» Они же рѣша: «Въ Иерусадимѣ». Онъ же рече: «То тамо ли есть?» Они же рѣша: «Разъгнѣвалъся Богъ на отци наши и расточи ны по странам грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестьяномъ». Володимиръ же рече: «То како вы инѣхъ учите, а сами отвѣржени от Бога? Аще бы Богъ любилъ васъ, то не бысте расточнени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прияти?»

По семъ прислаша грѣци къ Володимиру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя приняти вѣру свою. Ихъ же вѣра осквѣрняеть небо и землю, иже суть проклятѣ паче всѣхъ человѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже пусти Богъ камѣнье горущее и потопи я, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели ихъ, егда придеть Богъ судити на землю и погубити вься творящая безаконье и сквѣрны дѣющая. Си бо омывають оходы своя, поливавшеся водою, и въ ротъ вливають,

и по брадѣ мажются, наричюще Бохмита. Тако же и жены ихъ творят ту же сквѣрну и ино же пуще: от совокупления мужьска вкушають». Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима учить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра с нами мало же развращена: служать бо опрѣснокы, рекши оплатъкы, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбом служити, и преда апостоломъ, приимъ хлѣбъ, и рек: «Се есть тѣло мое, ломимое за вы». Такоже и чашю приимъ, рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта. Си же того не творять, и суть не исправилѣ вѣры». Рече же Володимиръ: «Придоша къ мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмьци и грѣци вѣрують, егоже мы распяхом». Философъ же рече: «Воистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорькоша, яко Богу родитися, а другии – распяту быти и третьй день въскреснути и на небеса възити. Они же ты пророкы и избиваху, а другия претираху. Егда же събысться проречение ихъ, сниде на землю, и распятье приятъ, и въскресе и на небеса възиде, а сихъ же ожидаше покаянья за 40 лѣтъ и за 6, и не покаяшася, и посла на ня римляны. Грады ихъ разъбиша, а самѣхъ расточиша по странам, и работають въ странахъ». (…)

Рис. 4. В. М. Васнецов. «Крещение князя Владимира». Фреска Владимирского соборе в Киеве. 1895-1896 гг.

И се рекь, показа ему запону, на нейже бѣ написано судище Господне, показываше же ему одесную праведныа въ веселии предъидуща в рай, а ошуюю – грѣшныа, идущих въ муку. Вълодимер

же, въздохнувь рече: «Добро сим одесную, горе же сим ошуюю». Он же рече: «Аще хощеши одесную стати, то крестися». Вълодимеръ же положи на сердци своем, рекь: «Пожду еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрах. Вълодимер же, сему дары многы въдавь, отпусти съ честию великою.

В лѣто 6495. Съзва Вълодимерь бояры своя и старци градскыа и рече имь: «Се приходиша къ мнѣ болгаре, рекуще: «Приими закон нашь». По сем же приидоша нѣмци, и тые хваляху закон свой. По сих приходиша жидове. Сих же послѣди приходиша и греци, хуляще всѣ законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказующе от начала миру. Суть же хитро сказающе, яко и другый свѣтъ повѣдают быти, и чюдно слышати их: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, станеть, и не умрети ему в вѣки, аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: послављ, испытай когождо ихъ службу, и кто како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ. Избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идете первое в Болгары, испытайте вѣру ихъ и службу». Они же идоша и, пришедше, видиша сквѣрная дѣла ихъ и кланяние вь ропати, и придоша в землю свою. И рече имъ Володимѣръ: «Идете пакы в нѣмцѣ и сглядайте такоже, и оттуду идете въ Грѣкы». Они же придоша в нѣмцѣ и сглядавше церковь и службу ихъ, и придоша к Цесарюграду и внидоша къ цесарю. Цесарь же испыта, коея ради вины придоша. Они же исповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ цесарь и рад бысть, и честь велику створи имъ въ тъ день. Наутрѣя же посла къ патрѣарху, глаголя сице: «Придоша русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего». И си слышавъ патрѣархъ и повелѣ созвати крилось всь, и по обычаю створи празникъ, и кадила вьжгоша, и пѣния ликы составиша. И иде и цесарь с ними во церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковьную, и пѣнья, и службу архиерѣйскы, и предстоянья дьяконъ, сказающе имъ служение Бога своего. Они же въ изумѣньи бывше и удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призвавша я цесаря Василѣй и Костянтинъ, и рѣста имъ: «Идете в землю вашю». И отпустиша я с дары великы и с честью. Они же придоша в землю

свою. И созва князь бояры своя и старца, рче Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече имъ: «Скажите предъ дружиною». Они же рѣша, яко «ходихомъ первое в Болгары и смотрихомъ, како ся кланяють въ храминѣ, рекше в ропатѣ, стояще бес пояса: и поклонившься, сядет и глядить сѣмо и овамо, акы бѣшенъ, и нѣсть веселия у нихъ, но печаль и смрадъ великъ. И нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмцѣ и видихомъ службу творяща, а красоты не видихомъ никоеяже. И придохом же въ Грѣкы, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такоя, недоумѣемь бо сказати. Токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣкы пребываеть, и есть служба ихъ паче всих странъ. Мы убо не можемь забыти красоты тоя – всякъ бо человѣкъ, аще преже вкусить сладка, послѣди же <...> не можеть горести прияти – тако и мы не имамъ сде жити». Отвѣщавъша же боярѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкый, то не бы баба твоя Олга прияла кресщения, яже бѣ мудрѣйши всих человѣкъ». Отвѣщав же Володимѣръ, рече: «То кде кресщение приимемь?». Они же рѣша: «Кдѣ ти любо».

И минувшу лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ с вои на Корсунь, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градѣ. И ста Володимѣръ об онъ полъ града в лимени, вьдале града стрѣлище едино. И боряхуся крѣпко горожанѣ с ними. Володимеръ обьстоя град. И изнемогаху людие въ градѣ, и рече Володимеръ к гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спущимъ, корсуняне, подкопавше стѣну градьскую, крадяху сыплемую перьсть и ношаху к собѣ в град, сыплюще посредѣ града. Вои же присыпаху боле, и Володимеръ стояше. И се мужь именемь Анастасъ корсунянинъ стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: «Кладези, яже суть за тобою от вьстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавше, преимете воду». Володимеръ же, се слыша, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще ся сбудеть, се имамъ креститися». И ту абье повелѣ копати прекы трубамъ, и переяша воду. И людье изнемогаху жажею водною и предашася. И вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимиръ къ цесареви, Василию и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имаете дѣвою, да аще ея не вдасте за мя, то створю граду вашему,

яко и сему створихъ». И се слышавша цесаря, быста печална, посласта вѣсть, сице глаголюще: «Не достоить крестьяномъ за поганыя посягати и даяти. Аще ли ся крестиши, то приимеши се и получиши царство небесное, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можевѣ дати сестры своей за тя». И сѣ слышавъ Володимѣръ и рече посланымъ от цесарю: «Глаголите цесарема тако, яко азъ кресщюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми любъ, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи». И се слышавша цесаря и рада быста, и умолиста сестру свою, именемь Анну, и посласта к Володимеру, глаголющи: «Крестися, тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». И рече Володимиръ: «Да пришедше съ сестрою вашею крестять мя». И послушаста цесаря и посласта сестру свою и сановникы нѣкыя и прозвутеры. Она же не хотяше ити яко в поганыя, и рече им: «Луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить Богъ Рускую землю в покаяние, а Грѣчкую землю избавиши от лютыя рати. Видиши ли колико зло створиша русь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имуть творити намъ». И одва принудиста. Она же, всѣдши в кубару, цѣловавши ужикы своѣ с плачемь, поиде чресъ море. Яко приде ко Корсуню, и излѣзоша корсуняни с поклономъ, и введоша ю въ градъ, и посадиша ю в полатѣ. По Божью же строенью вь се время разболѣлся Володимиръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляше, что створити. И посла къ нему цесариця, рекуще: «Аще хощеши болезни сея избыти, то вьскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаеши избыти сего». И си слышавъ, Володимеръ рече: «Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянескь». И повелѣ крестити ся. И епископъ же корсуньскый с попы цесарицины, огласивъ и, и крести Володимѣра. И яко возложи руку на нь, и абье прозрѣ. Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бога, рекъ: «То первое увидѣхъ Бога истиньнаго». Си же увидивше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святое Софьи, и есть церкви та стояще в Корсуни градѣ, на мѣстѣ посредѣ града, идеже торгъ дѣють корсунянѣ; полата Володимѣря воскрай церкви стоить и до сего дни, а цесарицина полата за олътаремь. По кресщении же приведе цесарицю на обручение.

Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть в Кыевѣ, инии же рѣша – в Василевѣ, друзии же рѣша инако сказающе.

И кресщену же Володимеру в Корсуни (…)

Вдасть же за вѣно Корсунь грѣкомъ цесарицѣ дѣля, а самъ прииде Кыеву. И яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другыя огньви предати. Перуна же повелѣ привязати кь коневи хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемь. Се же не яко древу чююющю, но на поругание бѣсу, иже прильщаше симъ образомъ человѣкы, да возмѣстье прииметь от человѣкъ. «Велий еси, Господи, чюдная дѣла твоя!» Вчера чьстимь от человѣкъ, а днесь поругаем. И влѣкому же ему по Ручаеви кь Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли кресщения. И привлекше, и вринуша̀ и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы-то отрѣвайте его от берега, доньдеже порогы проидеть, тогда охабитеся его», Они же повелѣное створиша. Яко пустиша ѝ, и проиде сквозѣ порогы, извѣрже ѝ вѣтръ на рѣнь, яже и до сего дни словет Перуня рѣнь. По сем же Володимиръ посла послы своя по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, убогь, или нищь, или работенъ – противникъ мнѣ да будеть». И се слышавше, людье с радостью идяху, радующеся и глаголаху: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри прияли». Наутрѣя же изииде Володимѣръ с попы цесарицины и корсуньскыми на Днѣпръ, и снидеся бе-щисла людий, И влѣзоша вь воду и стояху ови до шеѣ, а другии до персий, младѣи же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свѣршении же бродяху, поповѣ же, стояще, молитвы творяху. И бяше видити: радость велика на небеси и на земли, толико душь спасаемых, а дьяволъ стенаше, глаголя: «Увы мнѣ, яко отсюду прогонимь есмь! Здѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть учения апостолскаа, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхуся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣжаемь есмь от невѣгласа сего, а не от апостолъ и мученикъ, и ни имамъ уже царствовать во странах сихъ». Крестившим же ся людемь, идоша когождо в домы своя. Володимѣръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже великый, створивый небо и землю! Призри на новыя люди своя, вдай же имъ, Господи, увѣдити тебе, истеньнаго Бога, якоже увидиша страны

крестьяньскыя, и утверди у нихъ вѣру правую и несъвратну, мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣюся на тя и на твою державу, побѣжаю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церькви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояше кумиры. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумири – Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и людие на кресщение приводити по всемъ градом и селомъ, И, пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти, и даяти на учение книжное. А матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдилѣ вѣрою, но акы по мерьтвѣцѣ плакахуся.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Объясните, почему потерпела неудачу языческая реформа князя Владимира.
2. Как автор «Повести временных лет» описывает выбор религии?
3. Какова была роль киевского князя в принятии новой веры?

Рис. 5. Златник князя Владимира

Тема 4. «Русская правда»

«Русская Правда»

«Русская Правда» считается главным источником для суждения о характере социально-экономических отношений в Древней Руси. Она сохранилась в двух редакциях – краткой и пространной. Первая известна всего в двух списках, что в значительной мере объясняется ее характером. Первая ее часть – грамота Ярослава новгородцам после событий 1016 г. – регулирует отношения княжеской дружины, наемных варягов и колбягов и новгородцев (видимо, «лучших людей», вхожих в княжескую гридницу). Вторая часть – установления для княжеского домена, договоренность о единообразности требований в вотчинах трех Ярославичей («Правда Ярославичей»).

«Пространная Правда» имела значительно большее распространение, поскольку регулировала и отношения в боярской вотчине.

«Русская Правда» в краткой редакции

Текст печатается по изд. Тихомирова М. Н.: Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953. С.75–85, 87–112.

Правда роськая

1. Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будет кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще будет русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь.

2. Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на немъ знамениа никоторого же, то ли прнидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ, либо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривне3; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

4. Аще утнеть мечемъ, не вынемъ а его, либо рукоятью, то 12 гривне за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука, любо усохнеть, то 40 гривенъ. Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

6. Аще ли перстъ утнеть который любо, 3 гривны за обиду.

7. А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

8. Оже кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривну положить.

9. Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе, любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варягъ или колбягъ6, то на роту.

10. Аще ли челядинъ съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривне за обиду.

11. Аще кто поедеть на чюжемъ коне, не прошавъ его, то положите 3 гривне.

12. Аще поиметь кточюжь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

13. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: пойди на сводъ, где еси взялъ; или не поидеть, то норучника за пять днии.

14. Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почneть, то ити ему на изводъ пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдаль будеть достойно ему свои скот, а за обиду 3 гривне.

15. Аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ овому вести, у кого то будеть купилъ, а той ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мне свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоце.

16. Или холопъ ударить свободна мужа, а бежить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господинъ за нь 12 гривне; а за тымъ, где его налезуть уdареный той мужь, да бьють его.

17. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотети деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть приметати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будеть на немъ.

Правда уставлена руською земли, егда ся съвокупиль Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула.

18. Аще убьють огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ убиици, а людемъ не надобе; а в подъездномъ княжи 80 гривенъ.

19. А иже убьють огнищанина в разбои, или убийца не ищоуть, то вирное6 платити, в ней же вири7 голова начнеть лежати.

20. Аже убиють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити въ пса место; а то же поконъ и тивуницу.

21. А въ княже тнвуне 80 гривенъ. А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсе, его же убиле Дорого будьци.

Очевидно, в княжеском хозяйстве разводили журавлей и лебедей.

22. А въ сельскомъ старосте княжи и в ратаинемъ 12 гривне. А в рядовници княже 5 гривенъ.

23. А въ смерде и въ хопе 5 гривенъ.

24. Аще роба кормилица, любо кормиличиць 12.

25. А за княжь конь, иже той с пятномъ, 3 гривне, а за смердей 2 гривне.

26. За кобылу 60 резанъ, а за волъ гривну, а за корову 40 резанъ, а третьякь 15 кунъ, а за лоныцину полъ гривне, а за теля 5 резанъ, за яря ногата, за боранъ ногата.

27. А оже уведеть чужь холопъ, любо робу, платити ему за обиду 12 гривне.

28. Аще же приидеть кровавъ мужь любо синь, то не искати ему послуха.

29. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и тридесять резанъ платити ему; или ихъ будеть 18, то по три гривне и по 30 резанъ платити мужеви.

30. А борти 3 гривне, любо пожгуть, любо изудруть.

31. Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны.

32. А въ гнищанине, и в тивунице, и въ мечници 12 гривне.

33. А иже межу переореть любо перетесъ6, то за обиду 12 гривне.

34. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резанъ, а продажи 60 резанъ.

35. А въ голубе и въ куряти 9 кунъ.

36. А въ утке, и въ гусе, и въ жераве, и въ лебеди 8 30 резанъ; а продажи 60 резанъ.

37. А оже украдуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны.

38. Аще убьють татя на своемъ дворе, любо у клети, или у хлева, то той убитъ; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьють, а люди будуть видели связанъ, то платитивнемъ.

39. Оже сено крадуть, то 9 кунъ, а въ дровехъ 9 кунъ.

40. Аже украдуть овъцу или козу, или свинью, а ихъ будеть 10 одину овьцу украли, да положать по 60 резанъ продажи, а хто изималъ, тому 10 резанъ.

41. А от гривни мечнику куна, а в десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны; а от 12 гривну емъцю 70 кунъ, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен.

42. А се поклонъ вирный: вирнику взяти 7 ведоръ солоду на неделю, тъже овенъ любо полотъ, или две ногате; а в среду резану, въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по кольку могуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день; коне 4 поставити и сути имъ на ротъ, колько могуть зобати; а вирнику 60 гривенъ и 10 резанъ и 12 веверици, а переди гривна; или ся пригоди в говение рьбами, то взяти за рыбы 7 резанъ; тъ всехъ кунъ на неделю, а борошна колько могуть изъясти; до недели же виру сберуть вирници; то ти урокъ Ярославль.

43. А се урокъ мостьниковъ: аще помостивше мостъ, взяти от дела ногата, а от городници ногата; аще же будеть ветхаго моста подтвердити неколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

ПРОСТРАННАЯ РУССКАЯ ПРАВДА
(по Троицкому списку второй половины XIV в.)

Судъ Ярославль Володимеричь

Правда Русьская

1. Аже оубиеть мужъ мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь, любо

купець, любо тивунъ бояръскъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словенинъ, то 40 гривенъ положит и за нь.

2. По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенегъ, Никифоръ,

и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его оуставиша.

О оубиистве

3. Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную (а) платити, въ чьеи же верви голова лежить то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую веру, колико летъ заплатить ту виру, зане же безъ головника имъ платити. Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань к нимъ прикладываеть, того же деля имъ помагати головникоу, любо си дикую веру; но сплати имъ во обчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть. Но оже будеть оубилъ или въ сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирою.

Оже станеть без вины на разбои

5. Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с детми на потокъ и на разграбление.

6. Аже кто не вложиться в дикую веру, тому людье не помогають, но самъ платить.

7. А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведеръ солоду на неделю, же овенъ, любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна же сыръ, а в пятницю тако же; а куръ по двою ему на день; а хлебовъ 7 на неделю; а пшена 7 оуборковъ, а гороху 7 оуборковъ, а соли 7 голважень; то то вирнику со отрокомь; акони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 векшии, а съсадная гривна.

8. Аже будеть вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 векши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

О княжи муже

9. Аже въ княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривенъ.

10. А за тивунъ за огнищныи, и за конюшии, то 80 гривенъ.

11. А в сельскомь тивуне княже или в ратаинемь, то 12 гривенъ. А за рядовича 5 гривенъ. Тако же и за боярескъ.

О ремественице и о ремественице

12. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ.

13. А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

14. А за кормилця 12, тако же и за корми(ли)цю (а), хотя си буди холопъ, хотя си роба.

О поклепней вире

15. Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто инъ, тогда (а). А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведають, ни знають его.

Аже свержеть вироу

16. А иже свержеть виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну; а от виры помечнаго 9 (а).

17. Искавше ли послуха, не налезуть, а истьця начнеть головою клепати, то имъ (а) правду железо. Тако же и во всех тяжахъ, в татбе и в поклепе; оже не будеть лиця, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мне то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то роте ему ити по свое куны.

18. Аже кто оударить мечемь, не вынезъ его, или рукоятию, то 12 гривенъ продажи за обиду.

19. Аже ли вынезъ мечь, а не оутнеть, то гривна кунъ.

20. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылеснию, то 12 гривенъ. Не терпя ли противу тому оударить мечемь, то вины ему в томь нетуть.

21. Аче ли оутнеть руку и отпадеть рука или оусхнеть, или (а) нога, или око, или не оутнеть (б), то полувирье 20 гривенъ, а тому за векъ 10 гривенъ.

22. Аже перстъ оутнеть кии любо, 3 гривны продаже, а самомоу гривна коунъ.

А придеть кровавъ моужь

23. Аже придеть кровавъ мужь на дворъ, или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто будеть почалъ, тому плати 60 кунъ; аче же и кровавъ придеть, или будеть самъ почалъ, а вылезуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

24. Аже оударить мечемь, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна, за рану же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.

25. Аче попъхнеть мужь мужа любо к собе ли от собе, любо по лицю оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на ротоу.

О челяди

26. А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

Аже кто всядеть на чюжь конь

27. Аже кто всядеть на чюжь конь, не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповесть на торгу, а после познаеть въ своем городе, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

29. Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ или оукрадено оу него что и, или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое, но поиди на сводъ, кде есть взялъ; сведитеся, кто будеть виноватъ, на того татба снидеть, тогда онъ свое возметь, а что погибло боудеть с нимь, то же ему начнеть платити.

30. Аще будеть коневыи тать, выдати князю на потокъ; паки ли боудеть клетныи тать, то 3 гривны платити емоу.

О своде

31. Аже будеть во одиномь городе, то ити истьцю до конця того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице; а с лицемь ити до конця своду, а истьцю ждати прока; а кде снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

О татбе

32. Паки ли будеть что татебно купилъ в торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати, оу кого купилъ, то ити по немь темъ видокомъ на роту (а), а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погибло, а того ему желети, а оному желети своихъ кунъ, зане не знаеть оу кого купивъ; познаеть ли на долзе оу кого то купилъ, то свое куны возметь, и сему платити, что оу него будеть погибло, а князю продажю.

Аже познаеть кто челядь

33. Аще познаеть кто челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до 3-го свода; пояти же челядина в челядинъ место, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скотъ, нелзе рчи: оу кого есмь купилъ, но по языку ити до конця; а кде будеть конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити.

34. А князю продаже 12 гривенъ в челядине или оукрадше (а).

О своде же

35. А и своего города в чюжю землю свода нетуть, но тако же вывести ему послухи, любо мытника, передъ кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желети, что с нимь погибло, а оному своих кунъ желети.

О татбе

36. Аже оубиють кого оу клети или оу которое татбы, то оубиють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княжь дворъ; оже ли оубиють и, а ouже боудуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривенъ.

37. Аже крадеть кто скотъ въ хлеве или клеть, то же будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будеть ли их много, всемъ по 3 гривны и по 30 кунъ платит.

О татбе же (а)

38. Аже крадеть скотъ на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будеть ли ихъ много, то всемъ по 60 кунъ.

39. Аже крадеть гумно или жито въ яме, то колико ихъ будеть крало, то всемъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а оу него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь; а за лето возметь по полугривне, паки ли лиця не будетъ.

40. А будеть былъ княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инехъ по 2 гривны.

А се оуроци скоту

41. Аже за кобылу 7 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ; то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю.

Аже будуть холопи татье, судъ княжь

42. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть несвободни, то двоиче платить ко истьцю за обидоу.

Оже кто скота (а) взищеть

43. Аже кто взищеть кунъ на друзе, а онъ ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а онъ возметь свое куны; зане же не далъ ему кунъ за много летъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

44. Аже кто купець купцю дасть куплю в куны (а) или в гостьбу, то купцю пред послухи кунъ не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати.

О поклажаи

45. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то ту послуха нетуть; но оже начнеть большимь клепати, тому ити роте оу кого то лежалъ товаръ: а толко еси оу мене положилъ зане же ему въ бологоделъ и хоронилъ товаръ того.

О резе

46. Аже кто даеть куны в резъ, или наставъ в медъ, или жито во просопъ, то послухи ему ставити, како ся будеть рядилъ, тако же ему имати.

О месячнемь резе

47. О месячныи резъ, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а месячныи резъ погренути. Послуховъ ли не будеть, а будеть кунъ 3 гривны, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кунъ, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставил послуховъ.

Оуставъ Володимерь Всеволодича

48. Володимерь Всеволодичь, по Святополце, созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевьского тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и оуставили до третьяго реза, оже емлеть въ треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти.

49. Аже кто емлеть по 10 кунъ от лета на гривну, то того не 98 отметати.

Аже которыи купець истопиться

50. Аже которыи купець, кде любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо темъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

О долзе

51. Аже кто многимъ долженъ будеть, а пришедъ господь (а) изъ иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товаръ, а опять начнеть не дати гости кунъ, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины коуны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в делъ; аже кто много реза ималъ, не имати тому.

Аже закупъ бежить

52. Аже закупъ бежить от господы, то обель; идеть ли искатъ кунъ, а явлено ходить, или ко князю или къ судиямъ бежить обиды деля своего господина, то про то не робять его, но дати емоу правдоу.

О закупе же

53. Аже оу господина ролеиныи закупъ, а погубить воискии конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, от него же купу (а) емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити.

О закупе ж

54. Аже изъ хлева выведуть, то закупу того не платити; но оже погубить на поли, и въ дворъ не вженеть и не затворить, кде ему господинъ велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

55. Аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его или отарицю (а), то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. Паки ли прииметь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всехъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продаже.

Аже господинъ бьеть закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьянъ, а без вины, то яко же въ свободнемь платежь, такоже и в закупе.

О холопе

56. Аже холопъ обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

О закупе

57. Аже закупъ выведеть что, то господинъ в немь; но оже кде и налезуть, то преди заплатить господинъ его конь или что будеть ино взялъ, ему холопъ обелныи; и паки ли господинъ не хотети начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собе.

А се аже холопъ оударить

58. А се аже холопъ оударить свободна мужа, а оубежить в хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривенъ; а затемь аче и кде налезеть оудареныи тъ своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ был оуставилъ оубити и, но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

О послушьстве

59. А послушьства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инехъ не складывати. А в мале тяже по нужи възложити на закупа.

О бороде

60. А кто порветь бородоу, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривенъ продаже; аже безъ людии, а в поклепе, то нету продаже.

О зубе

61. Аже выбьють зубъ, а кровь видять оу него во рте, а людье вылезуть, то 12 гривенъ продаже, а за зубъ гривна.

62. Аже оукрадеть кто бобръ, то 12 гривенъ.

63. Аже будеть росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя ли платити продажю.

Аже кто борть разнаменаеть

64. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ.

65. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь перегородить межю, то 12 гривенъ продажи.

66. Аже дубъ подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривенъ продаже.

А се наклади

67. А се наклады: 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ехати со отрокомь на дву коню; сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инемь кормомь, что има черево возметь, писцю 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, на мехъ две ногате.

А се о борти

68. Аже борть подътнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево пол гривны.

69. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продаже, а за медъ, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будеть ли олекъ, то 5 кунъ.

70. Не будеть ли татя, то по следу женуть, аже не боудеть следа ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едуть на следъ или отбьются, то темь платати татбу и продажю; а следъ гнати с чюжими людми, а с послухи; аже погубять следъ на гостиньце на велице, а села не будеть, или на пусте, кде же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.

О смерде

71. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ.

72. Аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продаже, а за муку гривна.

73. Аже лодью оукрадеть, то 60 кунъ продаже, а лодию лицемь воротити; а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за челнъ 20 кунъ, а за стругъ гривна.

О перевесехъ

74. Аже кто подотнеть вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.

75. Аже кто оукрадеть въ чьемь перевесе ястрябъ или соколъ, то продаже 3 гривны, а господину гривна.

76. А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за оутовь 30 кунъ.

77. А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ.

78. А въ сене и въ дровехъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногате.

О гумне

79. Аже зажгуть гумно, то на потокъ, на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ проце князю поточити и; тако же, аже кто дворъ зажьжеть.

80. А кто пакощами конь порежеть или скотину, продаже 12 гривенъ, а пагубу господину оурокъ платити.

81. Ты тяже все судять послухи свободными, будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить и его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ялъ и.

82. А железного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а пол гривны детьскому; то ти железныи оурокъ, кто си в чемь емлеть.

Аже иметь на железо по свободныхъ людии речи, либо ли запа на нь будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образомь аже не ожьжеться, то про муки не платити ему, но одино железное, кто и будеть ялъ.

О жене

83. Аже кто оубиеть жену, то темь же судомь судити, яко же и мужа аже будеть виноватъ (а), то пол виры 20 гривенъ.

84. А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оукоръ (а) платити или за робу, а князю 12 гривен продаже.

Аже оумреть смердъ

85. Аже смердъ оумреть, то задницю князю; аже будуть дщери оу него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужемь, то не даяти части имъ.

О заднице боярьстеи и о дружьнеи

86. Аже в боярехъ любо въ дружине, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть.

87. Аже кто оумирая разделить домъ свои детемъ, на том же стояти; паки ли безъ ряду оумреть, то всемъ детемъ, а на самого часть дати души.

88. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати; а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задниця еи мужня не надобе. Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матере своея; любо си на женоу будеть възложилъ, обаче матери своеи возмуть.

89. Аже будеть сестра в домоу, то тои заднице не имати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть.

А се закладаюче городъ

90. А се оуроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на неделю, 7 хлебовъ, 7 оуборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони: имати же ему, донеле городъ срубять, а солоду одину дадять 10 луконъ.

О мостницехъ

91. А се мостнику оуроци: помостивше мостъ, взяти от 10 локотъ по ногате; аже починить моста ветхаго, то колико городне починить, то взяти ему по куне от городне; а мостнику самому ехати со отрокомь на дву коню, 4 лукна овса на неделю, а есть, что можеть.

А се о заднице

92. Аже будуть робьи дети оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ смертию (а).

93. Аже будуть в дому дети мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то кто имъ ближии будеть, тому же дати на руце и с добыткомь и с домомь, донеле же возмогуть; а товаръ дати перед людми; а что срезить товаромь темь ли пригостить, то то ему собе, а истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собе, зане кормилъ и печаловалъся ими; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли будеть ростерялъ, то то все ему платити детемъ тем.

94. Аче же и отчимъ прииметь дети съ задницею, то тако же есть рядъ. А дворъ без дела отень всякъ меншему сынови.

О жене, аже ворчеться седети

95. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за мужь, то платити еи все детемъ. Не хотети ли начнуть дети еи ни на дворе, а она начнеть всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детемъ не дати воли; но что еи далъ мужь, с тем же еи седети, или, свою часть вземше, седети же.

96. А материя часть не надобе детемъ, но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всемъ, а вси розделять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будеть на дворе была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

97. Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онемъ своего отця задниця, а онемъ своего. Будеть ли потерялъ своего

иночима что, а онехъ отця, а оумреть, то възворотить брату, на не же и людье вылезуть, что будеть отець его истерялъ иночимля; а что ему своего отця, то держить.

98. А матери которыи сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

А се оуроци судебнии

99. А се оуроци судебнии: от виры 9 кунъ, а метелнику 9 векошь, а от бортное земли 30 кунъ, а о инехъ о всехъ тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метелнику 6 векошь.

О заднице

100. Аже братья ростяжються передъ княземь о задницю, которыи детьскии идеть их делитъ, то тому взяти гривна коунъ.

Оуроци ротнии

101. А се оуроци ротнии: от головы 30 кунъ, а отъ бортьное земли 30 кунъ бес трии кунъ, тако же и отъ ролеиное земли, а от свободы 9 кунъ.

О холопьстве

102. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самемъ холопомь.

103. А второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомь, то како ся будеть рядилъ, на том же стоить.

104. А се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду, с рядомь ли, то како ся будеть рядилъ, на том же стоить.

105. А въ даче (а) не холопъ, ни по хлебе роботять, ни по придатъце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть.

106. Аже холопъ бежить, а заповесть господинъ, аже слышавъ кто или зная и ведая, оже есть холопъ, а дасть ему хлеба или оукажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

107. Аже кто переиметь чюжъ холопъ и дасть весть господину его, то имати ему переемъ гривна; не оублюдеть ли, то платити ему

4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемь любо городе, а будеть посадникъ не ведалъ его, то, поведавше ему, пояти же ему отрокъ от него и шедше оувязати и, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нетуть; аче оупустить и гоня, а собе ему пагуба, а платить в то никто же, тем же и переима нетуть.

109. Аже кто не ведая чюжь холопъ оусрячеть и, или повесть деeть, любо держить и оу собе, а идеть от него, то ити ему роте, яко не ведалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа в томь нетуть.

110. Аче же холопъ кде куны вложить (а), а онъ будеть не ведая вдалъ, то господину выкупати али лишитися его; ведая ли будеть далъ, а кунъ ему лишитися.

111. Аже пустить холопъ в торгъ, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитися его.

112. Аже кто кренеть чюжь холопъ не ведая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны имати роте ходивше, яко не ведая есмь купилъ, ведая ли будет купилъ, то кунъ ему лиху быти (а).

113. Аже холопъ бегая будеть добудеть товара, то господину долгъ, господину же и товаръ, а не лишатися его.

114. Аже кто бежа, а поиметь суседне что или товаръ, то господину платити за нь оурокъ, что будеть взялъ.

115. Аже холопъ крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимь будеть кралъ, а жене и детемъ не надобе, но оже будуть с нимь крали и хоронили, то всехъ выдати, паки ли а выкупаеть господинъ; аже будуть свободнии с нимь крали или хоронили, то князю въ продаже.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Перечислите социальные категории зависимого населения Древней Руси, упоминаемые в «Русской правде».
2. Проследите, как различаются санкции в зависимости от социального положения людей, нарушивших закон.
3. Опишите судебную процедуру по «Русской правде».

Тема 5. Внешняя политика Киевской Руси в X–XII вв.

Из сборника саг «Гнилая кожа».

«Гнилая кожа» (Morkinskinna) – свод королевских саг, описывающий события норвежской истории с 1030-х годов до второй половины XII века. Написан в Исландии приблизительно в 1220 году.

Публикуется по Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учеб. пособие для студентов вузов / М. Б. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. С. 510.

Мы начнем повесть с того, что Ярицлейв конунг правил в Гардарики и Ингигерд княгиня, дочь Олава конунга Шведского. Она была мудрее всех женщин и хороша собой. Говорится о том, что конунг тот Ярицлейв велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодцов, испытанных в славных делах, утварь и боевую одежду выбрал для них такую, какой они уже раньше оказались достойными, и все находили, что и убранство палаты, и те, кто были в ней, подходят к тому, как она устроена. Она была обтянута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своем высоком месте. Он пригласил к себе многих почетных друзей своих и устроил пышный пир. И вошла в палату княгиня в сопровождении прекрасных женщин, и встал конунг ей навстречу, и хорошо приветствовал ее, и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?»

Княгиня отвечала: «Господин, – говорит она, – в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и столько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах».

Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова, – сказал он, – и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу» – и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разница, – говорит она, – чем я могу, как подобает, сказать словами». Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли и больше не принимать от него такого позора. Друзья ее вступаются в это дело и просят ее успокоиться и смягчиться к конунгу. Она отвечала и сказала, что сначала конунг

Рис. 6. Кадр из телесериала «Викинги». Австралийский актер Трэвис Фиммел в роли викинга Рагнара Лодброка. 2013 г.

тот должен исправить это перед ней. Тогда сказали конунгу, что она хочет уехать, и просят друзья его, чтобы он уступил, и он так и делает, предлагает ей помириться и говорит, что сделает для нее то, чего она попросит. А она отвечала и говорит, что согласна на это, и сразу же сказала: «Ты теперь должен, – говорит она, – послать корабль в Норвегию к Олаву конунгу. Я слышала, что у него есть молодой сын, незаконный, пригласи его сюда и воспитывай его, как отец, потому что правду говорят у вас, что тот ниже, кто воспитывает дитя другого».

Конунг говорит: «Тебе будет то, чего ты просишь, – говорит он, – и мы можем быть этим довольны, хотя Олав конунг больше нас и не считаю я за унижение, если мы воспитаем его дитя». И посылает конунг корабль в Норвегию.

Тема 6. Социально-политическое развитие Руси во второй половине XI–XII вв.

Слово о князьях. Неделя 18 по всѣхъ святыхъ

«Слово о князьях» – литературный памятник второй половины XII века. Приурочен ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба (2 мая). Публикуется по: Слово о князьях (Неделя 18 по всехъ святыхъ. Слово о князьяхъ) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 2000. С. 226–229.

Слышите князи противящеся старѣишей братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на Страшнѣмъ Судищи. Како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганыхъ на свою братию. Нѣколи чающимь израильтяномъ рати халдѣискыя на Иерусалимъ, послаша къ фараону Египеть, помощи просяще, да быша халдѣи не плѣнили Иерусалима. Богъ посла пророка к ызраильтяномъ глаголя: «Понеже не уповасте на Бога създавшего вы, но надежю всю возложивше на егуптяны, халдѣя же отвожду от васъ но от егуптянъ плѣнени будете, на них же уповасте, от тѣхъ погыбнути вы велю», якоже и бысть. Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не имате вѣры межю собою, и могуща вы родити яко пред невѣрныя грядете на судъ собѣ». И еуангелисту Иоанну глаголющу: «Аще кто глаголить, яко Бога люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть». Сам же Господь рече: «О семъ знають вси яко мои есте ученици, аще любовь имате междю собою», познаите князи свое величество и свою честь. Князя дѣда имать святаго Володимера, приведъше къ Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душь праведных. Каку братию имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глѣба. Сима поревнуите, сею образ имѣите, сима накажетеся.

Аще ли Сотона коли вражду ввержеть между братьею, да помяneть сею святою како смерть улюбита паче прияти, нежели вражду удержати. И то кто претерьпить и миръ преже начneть, то сима от Бога равну мъзду прииметь. Скажю же вы притчю о семъ, не в чюже странѣ бывшю. Давидъ Святославичь а Святославъ Ярославичь святаго Бориса и Глѣба братъ, тотъ Давидъ ни с кѣмъ не имѣаше вражды. Аще кто на нь рать въздвигнеть, он же покорениемъ своимъ рать уставляше, княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣстъ цѣловаше, въ весь животь свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлованиа, он же единако исправляше, никого приобидѣ ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княжение его. Егда же изволи Богъ пояти душу его от тѣла и болѣвшу ему недолго, позна епископъ Фектистъ, яко уже князь преставитися хощеть, повѣлѣ пѣти канунъ крѣсту, единою рассѣдеся верхъ теремцю, и вси ужасошася. И влетѣ голубь бѣлъ, и сѣде ему на грудехъ. И князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть. И наполнися храмъ благыа воня. И несоша князя въ Спасъ святыи долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крѣстомъ. Оттолѣ несоша и въ церьковь Бориса и Глѣба създаную от него, звѣзда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Пѣвшу епископу над княземъ гробъ недокончянъ бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходить, заутра похоронимъ и». Всѣмъ сѣдящимъ над княземъ, шедъше въ церковь повѣдаша епископу: «Солнце не заходить но во единомъ мѣстѣ стоить». Епископъ же удивився и похвали Бога. Дондеже камень сровнаша и князя вложиша въ грабъ, тогда солнце заидеть.

Разумѣите чядо, како Богъ прославялетъ своа угодники и ходящая в повелѣниихъ его и сдѣ таковыми чюдесы: аггелъ явися въ голубинѣ образѣ, благоухание от тѣла, явися звѣзда с небеси пришедши, над тѣломъ ста, солнце заити не смѣаше повелѣниемъ Владычьнимъ, дондеже въ гробъ тѣло святое вложено бысть. Каку славу приемлеть на небеси!

Речеть ли кто, яко жены нѣ имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобныи Никола Святоша его сынъ бѣ и ина два сына. Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь Господню исправити

возможе? Многажды бо слышахъ нѣкыя невѣгласы глаголюща: «Съ женою и съ чяды своими не можем спастися». Се бо князь не единъ домъ имѣаше но многи, князь всеи земли Черниговьскои. Завовѣдь Владычню исправи в семъ животѣ своемъ, ни с кѣмъ вражды имѣ. Постыдитеся враждующи на братию свою и на единовѣрникы своя. Въстрепещете, въсплачете пред Богом пакы славы отпадаете за едино злопомнение. Но не даи же вы Господь, се слышавшимъ отпасти славы с сима страстотерпцема, ею же днесь убиениа празднуемъ, ею же чюдеса предъ очима вашима предлежитъ. Сею прославимъ и сею възвеличимъ, сима въспоимъ. Приди, Давиде, и рци: «Радуитеся, праведнии о Господѣ». Воспои, Соломане: «Праведници въ вѣкы живуть и от Гсопода мъзда ихъ». Се бо сам Богъ прославляеть сею святою, глаголя: «Праведници просвѣтятся яко солнце въ славѣ отца ихъ. Идѣ же буду азъ, и ти будуть съ мною». Гдѣ Христос съ Отцемъ на престолѣ и си святая у престола съ архаггелы безъ престани поють пѣснь аггельскую: «Святъ Отец, святъ Сынъ и пресвятый Духъ въ единомъ Божествѣ въ бесконечныя вѣкы».

Из «Жития Феодосия Печерского»

«Житие Феодосия Печерского» – памятник древнерусской литературы, обширное произведение о жизни преподобного Феодосия, одного из основателей и игумена Киево-Печерского монастыря.

Написано монахом того же монастыря преподобным Нестором Летописцем. Подробно рассказывает о святом, начиная от его рождения, прихода в монастырь до игуменства и смерти, и включает как легендарные житийные мотивы, так и действительные факты биографии преподобного

Публикуется по: Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 2000. С. 352–433.

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь, именемь Васильевъ. Въ томь бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крьстияньстѣй живуща и всячьскыимь благочьстиюмь украшена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмый дьнь принесоста и́ къ святителю Божию, якоже обычай есть крьстияномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища и сьрьдьчьныма

очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Феодосиемь того нарицаеть. Таче же, яко и минуша 40 дьний дѣтищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать Божия съ нимь, и Духъ Святый измлада въселися въ нь.

Както исповѣсть милосьрьдие Божие! Се бо не избьра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокыимъ, нъ – да о семь прославиться имя Господне – яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися! О утаения тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятися, оттудуже въсия намъ деньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свьтѣние ея, тещи к ней, вся презрѣвъше, тоя единоя свѣта насытитися. О благости Божия! Еже бо испьрва мѣсто назиаменавъ и благословивъ, пажить створи, на немь же хотяше паствитися стадо богословесьныхъ овьць, донъдеже пастуха избьра.

Бысть же родителема блаженаго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю, паче же реку – Богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, от въстока дьньница възидеть, събирающи окрьстъ себе ины многы звѣзды, ожидающи солнца правьдьнааго, Христа Бога, и глаголюща: «Се азъ, Владыко, и дѣти яже въспитахъ духовьнымь твоимь брашьнъмь; и се, Господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити. Се, о Владыко, стадо богословесьныхъ твоихъ овьць, и имъже мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бъжьствьнѣй твоей пажити, и сия ти приведохъ, съблюдъ чисты и непорочьны». Таче Господь къ нему: «Рабе благый, верьне умноживый преданый талантъ, тѣмьже приими уготованый тебе вѣньць и вьниди въ радость Господа своего». И къ ученикомъ его речеть: «Придѣте, благое стадо, добляаго пастуха богословесьная овьчата, иже мене ради алкавъше и трудивъшеся приимѣте уготованое вамъ царствие от съложения миру».

Тѣмьже и мы, братие, потьщимъся рьвьнителе быти и подражателе житию преподобьнааго Феодосия и ученикомъ его, ихъ же тъгда предъ собою къ Господу посла, да тако сподобимъся слышати, гласъ он, еже отъ Владыкы и вседрьжителя речеться: «Придѣте убо, благословлении Отьца моего, приимѣте уготованое вамъ царствие».

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь Божию, и хожаше по вся дьни въ цьркъвь Божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всѣмь вьниманиемь. Еще же и къ дѣтьмъ играющимъ не приближашеся, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема и́ облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогыхъ. Къ симъ же и датися веля на учение божьствьныхъ книгь единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемь не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся с ним?

Въ то же время отьць его житию коньць приятъ. Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше и́, не велящи ему тако творити, моляше и́ пакы облачитися въ одежю свѣтьлу и тако исходити ему съ съвьрьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко «тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши». Оному о томь не послушающю ея, и якоже многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и́, бѣ бо и тѣлъмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю суща.

Рис. 7. Феодосий Печерский. Икона.

Къ симъ же пакы божьствьный уноша мысляаше, како и кымь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ, идеже Господь нашь Исусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся Богу, глаголя: «Господи Иисусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ!» И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и, аще Богу велящю, хощемъ въспять уже ити. Святый же моляше я, да и́ поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и́ створять съ собою. Они же обѣщашася пояти и́ съ собою и допровадити и́ до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженый Феодосий, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде

Рис. 8. Князь Владимир Мономах. Портрет из «Царского титулярника». Рукопись 1672 г.

въ домъ свой. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ нощию и не вѣдущю никомуже, тай изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, развѣ одежа, въ нейже

хожаше, и та же худа. И тако изиде въслѣдъ страньныхъ. Благый же Богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, егоже и-щрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сей богогласьныихъ овьць назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю, да опустѣеть пажить, юже Богъ благослови, и тьрние и вълчьць въздрастеть на ней, и стадо разидеться.

Тема 7. Особенности развития русских земель в XI – начале XIII вв.: географическое положение, социально-экономическое развитие, политический строй

Любечский съезд по «Повести временных лет»

В лѣто 6605. Приидоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь и братъ его Олегъ, и сняшася Любчи на строенье мира. И глаголаше к собѣ, рекуще: «Почто губимъ Рускую землю, сами на ся котору <...> имуще? А половци землю нашю несуть роздно и ради суть, оже межи нами рать донынѣ. Отселѣ имѣмься въ едино сердце и съблюдѣмь Рускую землю. Кождо держить очьчину свою: Святополку – Киевъ Изяславль, Володимеръ – Всеволожю, Давыдъ и Олегъ, Ярославъ – Святославлю, имьже раздаялъ Всеволодъ городы: Давыдови Володимерь, Ростиславичема – Перемышль Володареви, Теребовлъ <...> Василькови». И на томъ цѣловаша хрестъ: «Да аще отселѣ кто на кого вьстанеть, то на того будемъ вси и честьный крестъ». И рекоша вси: «Да будеть на нь хрестъ честный и вся земьля Руская». И цѣловавшеся и поидоша усвояси.

Тема 8. Борьба русского народа за независимость в XIII в.

Из Лаврентьевской летописи

Лаврентьевская летопись – одна из древнейших русских летописей, созданная в XIV веке. 1 Известна в единственном пергаменном списке 1377 года, написанном монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича.

В начальной части содержит «Повесть временных лет», наиболее раннюю известную русскую летопись, в редакции игумена Сильвестра. Также содержит исторические сведения XII–нач. XIV вв.

Лаврентьевская летопись является основным источником по истории Северо-Восточной Руси. В тексте описываются события, происходившие как непосредственно на славянских землях, так и за их пределами, в том числе в Византии, Европе и Золотой Орде. Печатается по: ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997. 496 с.

В лѣто 6731. Всеволодъ Гюргевич иде из Новагорода къ отцю своему в Володимерь, новгородци же пояша к собѣ Ярослава Всеволодича ис Переяславля княжитъ.

Того же лѣта явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенѣзи. Ини глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьскый епископъ, свѣдѣтельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю встоком и сѣвером. Тако бо Мефодий рече: «Яко къ скончанью временъ явитися тѣм, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять вся землю от встока до Ефранта, и от Тигръ до Понетьскаго моря, кромѣ Ефиопья». Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумно умѣеть. Мы же их не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахом о них памати ради русских князий, бѣды, яже бысть от них.

И мы слышахом, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы, и половець безбожных множество избиша, а инѣхъ загнаша. И тако измроша убиваеми гнѣвом Божьимь и пречистыя его Матере. Много бо зла створиша ти оканнии половци Руской земли. Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы, куманы, яко да отмьстять кровь христьяньску; еже и бысть над ними безаконьными. Проидоша бо ти таурмени всю страну Куманьску и придоша близь Руси, иде же зовется валъ Половечьскый. И слышавше я русстии князи Мстиславъ Кыевьскый, и Мстиславъ Торопичскый, и Черниговьскый, и прочии князи здумаша ити на ня, мняще яко ти поидут к ним. И послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося

помочи у него. Он же посла к ним благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь. А князи русстии идоша, и бишася с ними, и побѣжени быша от них, и мало ихъ избы от смерти; их же остави судъ жити, то ти убѣжаша, а прочии избьени быша. Мьстиславъ старый добрый князь ту убьенъ бысть, и другый Мстиславъ, и инѣх князий 7 избьено бысть; а боляръ и прочих вой много множество. Глаголют бо тако, яко кыянъ одинѣх изгыбло на полку том 10 тысячь.

И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшим сию бѣду. Се же ся зло сключи месяца мая въ 30, на память святаго мученика Еремиа. Се же слышавъ Василко приключьшееся в Руси, възвратися от Чернигова, схраненъ Богомь, и силою креста честнаго, и молитвою отца своего Костянтина, и стрыя своего Георгия. И вниде в свой Ростовъ славя Бога и святую Богородицю. <...>

В лѣто 6745. Благовѣрный епископъ Митрофанъ постави кивотъ в святѣй Богородицѣ зборнѣй над трапезою и украси его златомь и сребром при благовѣрнѣмь князи велицѣмь Георгии. Того же лѣта исписа притворъ святое Богородици.

Рис. 9. Диорама «Героическая оборона Старой Рязани от монголо-татарских войск в 1237 году», созданная народным художником РСФСР Ефимом Исааковичем Дешалытом, находится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Того же лѣта на зиму придоша от всточьныѣ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь, и пожгоша, и князя ихъ убиша. Их же емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ини опакы руцѣ связывахуть. Много же святыхъ церкви огневи предаша, и манастырѣ, и села пожгоша, имѣнья не мало обою страну взяша; потом поидоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внук Всеволожь, противу татаром. И сступишася у Коломны, и бысть сѣча велика. И убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича и иных мужий много убиша у Всеволода, и прибѣжа Всеволодъ в Володимерь в малѣ дружинѣ. А татарове идоша к Москвѣ. Тое же зимы взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную христьянскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева. А люди избиша от старьца и до сущаго младенца,

а град и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше, отидоша.

Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волъгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великый совкупляти воѣ противу татаром, а Жирославу Михайловичю приказа воеводьство в дружинѣ своей.

Тое же зимы придоша татарове к Володимерю, месяца февраля въ 3, на память святаго Семеона, во вторник преже мясопуста за неделю. Володимерци затворишася в градѣ, Всеволод же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичь. Володимерцем не отворящимся, приѣхаша татари к Золотым воротом, водя с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. И начаша просити татарове князя великого Юрья, ест ли в градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣлѣ на Золотая ворота, и по сем рекоша татарове володимерцем: «Не стрѣляйте!» Они же умолчаша. И приѣхаша близь к воротом, и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бѣ бо унылъ лицем. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых воротѣх и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся, зряще Володимера.

А татарове отшедше от Золотых воротъ, и обьѣхаша весь градъ, и сташа станом пред Золотыми враты на зрѣемѣ – множство вои бе-щислено около всего града. Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших»; яко же пророкъ глаголет: «Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы». Створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть нынѣ; но то оставим.

Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, сами идоша взяша Суждаль, и святу Богородицю разграбиша, и дворъ княжь огнемь пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черньци и черници старыя, и попы, и слѣпыя, и хромыя, и слукыя, и трудоватыя, и люди всѣ иссѣкоша, а что чернець уных, и черниць, и поповъ, и попадий, и дьяконы, и жены ихъ, и дчери, и сыны ихъ, то все ведоша в станы своѣ, а сами идоша к Володимерю. В суботу мясопустную почаша наряжати лѣсы, и порокы ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря. В неделю мясопустную по заутрени приступиша к городу, месяца февраля въ 7, на память святаго мученика Феодора Стратилата.

И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженье безаконий наших попусти Богъ поганыя не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣлъ. И сими казньми казнить нас Богъ, нахоженьем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздникы нам наводить Богъ сѣтованье, яко же пророкъ глаголаше: «Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье». И взяша град до обѣда от Золотых воротъ, у святаго Спаса внидоша по примету чересъ город, а сюдѣ от сѣверныя страны от Лыбеди ко Ориниым воротом и к Мѣдяным, а сюдѣ от Клязмы к Волжьскым воротом, и тако вскорѣ взяша Новый град. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша в Печерний городъ.

А епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью, и с снохами, и со внучаты и прочиѣ, княгини Володимеряя с дѣтми, и множество много бояръ, и всего народа людий затворишася в церкви святыя Богородица. И тако огнем безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи Боже силъ, свѣтодавче, сѣдяй на хѣрувимѣхъ, и научивъ Осифа, и окрѣпивъ пророка своего Давида на Гольяда, и въздвигнувый Лазаря четвородневнаго из мертвыхъ, простри руку свою невидимо и приими в миръ душа рабъ своихъ»; и тако скончашася. Татарове же силою отвориша двери церковныя и видѣша овы огнем скончавшася, овы же оружьем до конца смерти предаша.

Святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом, и серебром, и каменьемь драгым, и монастырѣ всѣ

и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книгы одраша, и порты блаженых первых князий, еже бяху повѣшали в церквах святыхъ на память собѣ. То же все положиша собѣ в полонъ, яко же пророкъ глаголеть: «Боже, придоша языци в достоянье твое, осквернишa церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣрем земным, прольяша кровь их акы воду». И убьенъ бысть Пахоми, архимандритъ манастыря Рожества святы Богородица, да игуменъ Успеньскый, Феодосий Спасьскый, и прочии игумени, и черньци, и черници, и попы, и дьяконы от уного и до старца и сущаго младенца. И та вся иссѣкоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразом.

И бѣ видѣти страх и трепетъ, яко на христьяньскѣ родѣ страх, и колѣбанье, и бѣда упространися. Согрѣшихом казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящем милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от мукы. О неиздреченьному ти человеколюбью! И тако подобаеть благому владыцѣ казати. И се бо и азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни; но нынѣ на предреченая взидем.

Татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопийци. И ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерськаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси ни селъ тацѣх рѣдко, иде же не воеваша на Суждальской земли. И взяша городовъ 14 опричь свободъ и погостовъ во один месяць февраль, кончевающюся 45-тому лѣту; но мы на предняя взидем.

Яко приде вѣсть к великому князю Юрью: «Володимерь взятъ, и церкы зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемь скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братом внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идут». Он же, се слышавъ, възпи гласомь великым со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людех (бяше бо милостивъ), нежели собе, и жены, и дѣтий.

И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью?» Новый Иовъ быстьтерпѣньем и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша татарове. Он же, отложивъ всю печаль, глаголя: «Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою». И пакы второе помолися: «Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя». И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю.

Слышав же князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть сѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменникы. И ту убьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ. Се же зло здѣяся месяца марта въ 4 день, на память святою мученику Павла и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь великый Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша. Блаженый же епископъ Кирилъ взя князя мертва, иды из Бѣлаозера и принесе и в Ростовъ. И пѣвъ надъ ним обычныя пѣснь, со игумены, и с клирошаны, и с попы со многами слезами вложиша и в гробъ у святое Богородици.

А Василка Костянтиновича ведоша с многою нужею до Шерньского лѣса, и яко сташа станом, нудиша и много проклятии безбожнии татарове обычаю поганьскому, быти въ их воли и воевати с ними. Но никако же не покоришася ихъ безаконью и много сваряше я, глаголя: «О глухое цесарьство оскверньное! Никако же мене не отведете христьяньское вѣры, аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ. Богу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте бес правды, их же ради мучити вы имать Богъ в бесконечныя вѣкы; истяжет бо Господь душѣ тѣ, их же есте погубили». Они же въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженый же князь Василко помолися, глаголя: «Господи Исусе Христе, помагавый ми многажды, избави мя от сих плотоядець». И пакы помоливъся, рече: «Господи Вседержителю и нерукотвореный цесарю, спаси любящих тя, и прошенья, его же азъ прошю, дажь ми, помози христьяном и спаси рабы твоя: чада моя Бориса и Глѣба и отца моего епископа

Кирила». И пакы 3-ее помолися: «Благодарю тя, Господи Боже мой, кую похвалную память мою вижю, яко младая моя память желѣзом погыбает, и тонкое мое тѣло увядает». И прочее помолися: «Господи Исус Христе Вседержителю, приими духъ мой, да и азъ почию в славѣ твоей»; и се рек абье безъ милости убьенъ бысть.

И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера жена вѣрна, повѣда мужю богобоязниву, поповичю Андрияну. И взя тѣло князя Василка, и понявицею обитъ, реку саваном, и положи его в скровнѣ мѣстѣ. Увѣдѣв же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгыни Василкова, послаша по князя, принесоша и в Ростовъ. И яко понесоша и в град, и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше такого утѣшения. Рыдаху же народа множество правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печалным утѣшенье великое, омрачным звѣзду свѣтоносну зашедшю. На весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшеть ему Богъ очи сердечнѣи, и всѣмъ церковником, и нищим, и печалным яко възлюбленый бяше отець; паче же и на милостыню, поминая слово Господне глаголющее: «Блажении милостивии, яко ти помиловани будут». И Соломонъ глаголеть: «Милостынями и вѣрою очищаются грѣси». Тѣм же и не погрѣши надежи, его же просяше у Бога: «Господи, спаси любящих тя». Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ; кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом и отцомъ Георгием с великим князем. Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ телеси ею; принесоша Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростовѣ, иде же и мати его лежить. Тогда же принесоша голову великаго князя Георгия и вложиша ю в гроб к своему тѣлу.

Бѣ же Василко лицем красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, хоробръ паче мѣры на ловѣх, сердцемь легок, до бояръ ласковъ. Никто же бо от бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ, и дары ималъ, тотъ никако же у иного князя можаше быти за любовь его. Излише же слугы свои любляше, мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣдѣ в доброденьствии на отни столѣ и дѣдни; и тако скончася, яко же слышасте.

В лѣто 6746. Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимери. И бысть радость велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татаръ. И поча

ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: «Боже, суд твой цареви дажь, и правъду твою сынови цесареви – судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд». И потомъ утвердися в своем честнѣмь княжении. Того же лѣта князь Ярославъ великый отда Суждаль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. Того же лѣта было мирно.

В лѣто 6747. Посла Ярославъ князь великий по брата своего Георгия в Ростовъ, и привезоша и к Володимерю, и не дошедше ста. Изидоша из града противу ему епископъ Кирилъ и Дионисий архимандритъ; понесоша и в град с епископомъ, и игумени, и попове, и черноризци. И не бѣ слышати пѣнья в плачи и велици вопли, плака бо ся весь град Володимерь по нем. Ярослав же, и Святославъ, и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею, и множество бояръ и слугъ плакахуся лишения своего князя, убозии кормителя. Пѣвше обычныя пѣсни и положиша и в гроб каменъ в святой Богородици в гробници, иде же лежить Всеволодъ, отець его. Бѣ Юрьи, сынъ благовѣрнаго отца Всеволода, украшенъ добрыми нравы, их же имена вмалѣ повѣмы.

Се бо чюдный князь Юрьи потщася Божья заповѣди хранити и Божий страх присно имѣя в сердци, поминая слово Господнее, еже рече: «О семь познают вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга. Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всякъ зломыслъ его прежемѣненыя безбожныя татары отпущаше одарены. Бяхуть бо преже прислали послы своѣ злии ти кровопийци, рекуще: «Мирися с нами». Он же того не хотяше, яко же пророкъ глаголет: «Брань славна луче есть мира студна». Си бо безбожнии со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напастми различными, да явяться яко злато искушено в горнилѣ – христьяном бо многыми напастми внити в царство небесное. Сам бо Христосъ Богъ: «Нужно е царство небесное, и нужници въсхытают е». Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывъся страданья ти! Аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове. Всякый бо держася добродѣтели, не может безъ многих враг быти.

Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово Господне: «Блажении милостиви, яко ти помиловани будут». Тѣмь и не щадяше имѣния своего, раздавая требующим; и церкви зижа и украшая

иконами безъцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новъгородъ вторый постави на Волзѣ усть Окы, и церкы многы созда и манастырь святыя Богородица Новѣгородѣ. Чтяшет же излиха чернечьскый чинъ и поповьскый, подая имъ еже на потребу. Тѣм и Богъ прошения его свершаше, исполни лѣт его в доброденьствии. И посѣдѣ в Володимерѣ на отни столѣ лѣт 20 и 4, а на 5-е убьенъ бысть от безбожных и поганых татаръ. Се же все сдѣяся грѣх ради наших.

Но не предай же нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас молитвою святыя Богородица и блаженаго епископа Кирила. Не презрѣ Господь молитвы его и слезъ, иже приношаше Господеви, моляся день и нощь, абы не оскудѣла правовѣрная вѣра христьяньская. Еже и бысть: сдѣя Господь спасенье велико князем нашим, избавилъ есть от враг наших; «очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ». Гониша по них татарове и не обрѣтоша. Яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от рукы иноплеменник, благочестиваго и правовѣрнаго великого князя Ярослава с благородными своими сыны. Бѣ же ихъ 6: Олександръ, Андрѣй, Костянтинъ, Офонасий, Данило, Михайло. А Святославъ с сыном с Дмитрием, Иванъ Всеволодичь, Володимеръ Костянтинович, Василковича 2 – Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичь Василий, – си вси схранени быша Божьею благодатью; но мы на предреченая взидем.

Того же лѣта татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа убиша, и люди избиша, и град пожьгоша огнем, и люди, и полона много вземше, отидоша. Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменець, а княгыню Михайлову со множьством полона приведе в своя си. Того же лѣта священа бысть церкы Бориса и Глѣба в Кидекшии великым священьем на праздник Бориса и Глѣба священымъ епископомъ Кириломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры; а град пожегше, и люди избише, и манастырѣ пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ;[35] а сами идоша в станы своѣ. Того же лѣта Ярославъ иде Смолиньску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си. Того же лѣта на зиму взяша татарове Мордовьскую землю, и Муром пожгоша,

и по Клязьмѣ воеваше, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогды же бѣ пополохъ золъ по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжить.

В лѣто 6748. Родися Ярославу дщи и наречена бысть в святомь крещении Марья. Того же лѣта взяша Кыевъ татарове и святую Софью разграбиша и манастыри всѣ. И иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем. Си же злоба приключися до Рожества Господня на Николинъ день.

В лѣто 6749. Родися Ярославу сынъ и нареченъ бысть въ святомь крещении Василий. Того же лѣта татарове побѣдиша угры. Того же лѣта татарове убиша Мстислава Рыльского.

Из Тверской летописи

Тверская летопись (Тверской сборник) – русская летопись XVI века, включающая значительные фрагменты тверского летописания конца XIII – конца XV веков.

Известна в трёх западнорусских списках XVII века: Погодинском, Забелинском и Толстовском.

Составлена в 1534 году уроженцем Ростовской области, который при работе использовал тверскую летопись конца XV века.

Печатается по: ПСРЛ Т. 15 : Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб. : Типография Леонида Демиса, 1863. 504 с.

Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ рускыхъ, и о храбрыхь 70. Въ лѣто 6732. По грѣхомь нашимъ приидоша языци незнаеми, безбожнии моявитяне, их же никто же добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыидоша, и что языкь ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татари, а инии глаголють таурмени, а друзии печенѣзи. Инии же глаголють, яко сии суть, о нихъ же Мефодий, епископь Паторомский, свѣдительствуетъ, яко сии суть вышли ис пустыня Ефровскиа, сущи межи въстока и сѣвера. Тако бо глаголеть Мефодий: «Яко въ скончание времени явитися имъ, их же загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду, поплѣнятъ всю землю отъ востока до Ефранта, и отъ Тигра до Понетскаго моря, кромѣ Ефиопиа». Богь же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыидоша,

премудрии мужи вѣдятъ я добрѣ кто книгы разумѣетъ. Мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но и здѣ написахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ.

Но не сихъ же ради сие случися, ко гордости ради и величаниа рускыхъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящеся своею храбростию съдѣловающе. Имѣяхутъ же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, от них же о единомъ въспомянемъ здѣ, описаниа налѣзше.

Бѣ нѣкто отъ ростовскыхъ житель Александрь, глаголемый Поповичь, и слуга бѣ у него именемь Торопь; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юриевичу. Повнегда же дасть князь великий Всеволод градъ Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александрь начатъ служити Костантину. Егда же преставися великий князь Всеволодъ, Костантину не восхотѣвшу быти въ Володимери, но у пречистиа Ростовскиа и чюдотворцевь излюбы жити. Тѣмь и прошаше Вълодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княжению; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть князь великий Всеволодъ столъ свой меншему отъ Костантина сыну своему Юрию. Тѣмъ Костантинь гнѣвашеся на брата о княжении, а князь великий Юрий многы браны на Костантина въздвиже, хотя съ Ростова съгнати его; и не попусти ему Господь.

Пришедшу бо ему на нь ратию, Костантинъ отъиде къ Костромѣ и тоа съжже. Князь великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, биахутъ бо ся вмѣсто острога объ рѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юриа избиваше. Их же костей накладены могыли великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а инии по ону страну рѣки Усии: много бо людей бяше съ великымъ княземь Юриемь. А инии побиени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами пречистыа. Многажды бо князь великий Юрий на братне достоание прихождаше, но съ срамомъ възвращашеся.

Единою выйде на него изъ Ростова Костантинь, и бысть имъ бой за Юриевымъ на рѣцѣ Гзѣ, и тамо побѣди Костантинь, молитвами пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой

поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юряту, о семъ велми опечалися князь великий Юрий; побѣждень же смирися съ братомъ. Потомъ прииде на Ярослава Переяславьского Мьстиславь Мьстиславичь, тесть его, и инии князи, съ собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава сталъ князь великий Юрий за брата. И бысть имъ бой на Липицахъ и на Юриевѣ горѣ, а ту всѣ полки великого князя Юриа избыти. Въ них же убиень бысть храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалися сѣдлы наметати супротивныхъ. Князя же Юриа побѣдивше, и на столѣ въ Володимерѣ Костантина посадиша. Два же лѣта Костантинъ бывь князь великий, пакы столъ дасть брату Георгию, а дѣтемъ Ростовъ и Ярославль, а самъ кь Господу отходитъ.

Видѣвъ же Александрь князя своего умрьша, а Юриа сѣдша на столѣ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мьщение князь великий, Юряты ради, и Ратибора, и инѣхъ мнозѣхъ отъ дружины его, их же изби Александрь. Вскорѣ смысливь посылаетъ своего слугу, их же знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихь къ собѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ колодземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ. Ту бо събравшеся съвѣтъ сътвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроение и части боеве. Тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Киевѣ. Бѣ же тогда въ Киевѣ князь великий Мьстиславь храбрый Романовичь Смоленского и Володимеръ Руриковичь Ростиславича, въ то же время Мъстиславь Мьстиславичь въ Галичи. И быша челомъ вси тыи храбрыи великому князю Мьстиславу Романовичу, о них же князь великий велми гордящеся и хваляшеся, донеле же сиа злоба съключися, о ней же повѣсть предлежитъ.

Начатъ бо слухъ проходити, яко сии безбожнии многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы, и половець безбожныхъ множество избыша, и приидоша на землю Половеческую. Половци же не могуще противися бѣжаша, и многыхъ избыша, а иныхъ погнаша по Дону въ лукоморя, и тамо избиваеми гнѣвомъ Божиимъ и пречистыа его Матери. Много бо зла сътвориша тѣ окаании половци Руской земли. Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожныа сына Измаиловы, куманы, яко да отъмьстятъ кровь христианьскую;

еже и бысть надъ ними. Приидоша бо ти таурмени на всю страну Куманьскую и гониша ихъ до рѣки Днѣпра близъ Руси.

И прибѣгоша окаяннии половци, иде же зовется валъ Половеческий, остатокъ избытыхъ: Котянь, князь половеческий, съ инѣми князи; а Данило Кобяковичь съ нимъ и Юрий Кончаковичь убьена быста. Сей же Котянъ тестъ бѣ князю Мьстиславу Мьстиславичу Галичьскому, и прииде съ поклономъ съ князи половеческыми къ зятю Мьстиславу въ Галичь и къ всѣмъ княземъ рускымъ. И принесе дары многы, кони, и велбуди, и буйволы, и дѣвки, и одариша всѣхъ князей рускыхъ, кланяяся, ркуще: «Дньсь нашу землю отъяли суть, а вашу пришедше заутра възмутъ, то помозѣте намъ». И възмолися Котянъ зятю своему Мьстиславу; князь же Мьстиславъ посла кь братии своей, княземъ рускымъ, съ молбою рекъ: «Поможемъ симь; аще ли же мы симъ не поможемъ, то сии имутъ предатися къ нимъ, то онимъ болши будетъ сила, а намъ тяготнѣе будетъ отъ нихъ». И тако думавше много о себѣ, и поклона для и молбы князей половеческыхъ яшася Котягу помагати.

Начаша вои пристраивати, кождо свою власть: князь великий Мьстиславъ Романовичь Ростиславича Киевский, и Мьстиславъ Святославичь Черниговский Всеволодича Козельский, и Мстиславь Мьстиславичь Галичьский, сии бо старѣйшии земли Руской; съ ними же и младии князи: Данило Романовичь Мьстиславича, и князь Михайло Всеволодичь Черниговский, и князь Всеволодъ Мьстиславичь Киевьского сынь, и инии князи мнози. Бывшу же съвѣту ихъ въ Киевѣ всѣхъ князей, послаша къ Володимеру къ великому князю Юрию Всеволодичу на помочь; онъ же посла имъ Василка Ростовскаго. Съвѣщаша же князи, яко срѣсти ихъ на чюжой земли (тогда же половецкий князь крестыся Бастый), и съвъкупивше всю землю Рускую, поидоша противу татаромъ. Пришедши же имъ кь Днѣпру на Зарубъ, къ острову Варяжскому, то же слышавше татарове, оже идутъ князи рустии противу имъ, послаша къ нимъ послы своа, глаголюще: «Се слышахомъ, оже идете противъ насъ, послушающе половецъ. А мы вашеа земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ приидохомъ. Но приидохомъ, Богомъ пущони, на конюхи и на холопы свои, на поганыа половци, а вы възмѣте съ нами миръ. А половци, аще прибѣжатъ къ вамъ, то не приимайте ихъ, и бийте ихъ отъ себе, а товаръ ихъ възмите къ собѣ. Зане же слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того ради

и мы биемъ». Князи же русстии того не послушаша, по послы изъ избыша, а сами поидоша противу имъ. И не дошедше Олѣшиа, и сташа на Днѣпрѣ. И прислаша къ нимъ татарове второе послы, ркуще тако: «Аще есте послушали половець, а послы наши избыли, а идѣте противу насъ, то вы поидите. А мы васъ ничимъ не заимали, а всѣмъ намъ Богъ». Они же отпустиша послы ихъ.

Ту прииде къ нимъ вся земля Половецкаа и съ князи своими. Тогда же Мъстиславъ Мъстиславичь Галичский, въ тысячи войска, перебродися рѣку Днѣпръ на сторожи татарскиа, и побѣди ихъ. А останокъ ихъ въбѣже въ курганъ Половецкий съ своимъ воеводою Гемябѣкомъ, и ту имъ не бысть помочи. И погребоша воеводу своего Гемябѣка живого въ землю, хотяще его ублюсти. И ту его налѣзоша, испросивше его половци у Мстислава, и убиша его. То же слышавше князи рустии, поидоша за Днѣпрь на множествѣ людей: Мъстиславь князь великий Романовычь съ кианы, Володимерь Руриковичь съ смолняны, черниговьстии князи, галичане, и волинцы, и куряне, и трубчане, и путивльци, и вся страны руския, и вси князи и множество вой. Приидоша же выгонцы галичьские въ лодиахь по Днѣстру въ море, бѣ же тысяща лодей. Изъ моря выидоша въ Днѣпрь, и възведше порогы, сташа у рѣки Хортици, на бродѣ у Протолчии; воевода же у нихь Юрий Домарѣчичь, а другой Держикрай Водиславича.

Приидоша же имъ вѣсти, яко татарове приидоша къ нимъ посмотрити рускыхъ полковъ; Данило же Романовичь и инии князи, всѣдше на коня, погнаша видѣти рати татарскиа. И видѣвше послаша къ великому князю ко Мстиславу Романовичу, рекуще: «Мьстиславе и Мстиславь! Не стойте, поидемъ противу имъ». И поидоша въ поле, и срѣтоша ихъ татарове, и ту стрѣлци русстии погнаша ихъ въ поле далече, ихъ сѣкуще; и взяша скоты ихъ, и съ стаду утекоша. И оттуду идоша по нихъ осмь дний до рѣки Калка, и послаша въ сторожехъ Яруна съ половци, а сами станомъ сташа ту. И ту срѣтошася съ сторожи, и убиша Ивана Дмитриевича и ина два съ нимъ; а татарове възвратишася. Князь же Мьстиславъ Мьстиславичь Галицкий повелѣ Данилу Романовичу перейти рѣку Калку съ полкы, а самъ по нихъ прииде; перешедъ сташа станомъ. Поиха же и самъ на сторожи Мьстиславъ, и видѣвь полки татарьские, прииха и повелѣ въоружатися воемъ своимъ. А два Мьстислава въ стану бяху, того не вѣдающе: не повѣда бо имъ зависти ради, бѣ бо межи ихъ пря велика.

Тако съступишася полкы, и напередъ иха на татарове и Данило Романовичь, и Семень Олюевичь, и Василко Гавриловичь. Ту Василка събодоша, а Данилу убодену бывшу въ перси, но не чюяше, буести ради и мужества; бѣ бо младъ, осминадесяти лѣть, но крѣпокь бяше на брань, избиваше татаръ мужественѣ полкомъ своимъ. Тако же и Мьстиславь Нѣмый потече на нихъ, и той бѣ крѣпокъ, и видѣвь яко събодоша Данила. Бѣ бо ужика отцу его, любовь имѣа къ нему, ему же и власть по себѣ обѣща. Тако же и Олгу Курскому крѣпко биющюся; тако же и Ярунь съ половци прииде, съступыся съ татары, хотя съ ними бытися. Но пакы половци въскорѣ побѣгоша назадъ, не успѣвше ничто же, и потопташа бѣжучи станы рускыхъ князей. А князи не успѣша исполчитися против имъ; и тако смятошася полци рустии, и бысть сѣча зла, грѣхъ ради нашихъ. И бысть побѣда на князи рускиа, яко же не бывала отъ начала Руские земли.

Князь великий же Мьстиславъ Романовичь Киевьский, внукъ Ростиславль Мьстиславича, сына Владимерова Манамахова, и князь Андрѣй, зять его, и Александрь Дубровский, видѣвше се зло, не двигошася никамо же съ мѣста. Стали бо на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто то каменно, и учиниша себѣ городъ колиемъ. И бишася съ ними изъ города того по 3 дни. Татарове же поидоша по рускыхъ князехъ, гониша ихъ биюще до Днѣпра. А у города того осташася два воеводи, Чегыркань и Тешукань, на Мьстислава Романовича, и на зятя его Андрея, и на Александра на Дубровского; тии бо два князя съ Мьстиславомъ. Быша же съ татары и бродницы, а воевода у нихъ Плоскиня. И той окаянный воевода цѣлова кресть къ великому князю Мьстиславу, и кь обѣма князема, и кь всѣмъ сущимъ съ нимъ, яко не збыти ихъ, но окупь взяти на нихъ, и солгавь окаянный, предасть ихъ татаромъ, связавь. А городъ вземъ людей изсѣкоша, и ту костию падоша. А князей издавиша, подкладше подъ дощки, а сами на верху сѣдоша обѣдати; и тако издохошася и животъ свой скончаша.

А иныхъ князей, опроче того, до Днѣпра гоняще, избиша 6: князя Святослава Каневского, Изяслава Иньгваревича, Святослава Шумского, Мьстислава Черниговского съ сыномъ, Юриа Несвѣжского, а вой толко десятый прииде. И Александрь Поповичь ту убиенъ бысть съ инѣми седмидесятию храбрыхъ. Князь же Мьстиславъ Мьстиславичь Галичский переже всѣхъ пребѣгь за

Днѣпръ, повелѣ лодии пережечь, а иныя отъ берега отрѣа, боячися погони; а самъ едва убѣже въ Галичь. А Володимеръ Руриковичь, братаничь Романовь, внукъ Ростиславль Мьстиславича, сѣде в Киевѣ, мъсяца июня 16 день. А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Еремеа. Войска же остатокъ десятый прииде кождо во своа, а иныхъ половци избыша ис коня, а иныхъ ис порта. И тако за грѣхы наша Богъ вложи недоумѣние въ насъ, и погыбе множество бес числа людий. Татарове же гнашася по Руси до Новагорода Святополчего. Христиане же, не вѣдуще лести татарскыя, выидоша противу ихъ съ кресты, и тако избыша ихъ. Глаголаху же, яко единѣхъ же киань изгыбе тогда 30 тысячь.

И бысть плачь и вопль по всѣмъ градомъ и по селомъ. Татарове же възвратишася отъ рѣки Днѣпра, и не свѣдаемъ откуду были пришли, и камо ся дѣли. Единь Богь вѣсть, откуду приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великого князя Мьстислава Романовича. Глаголють бо, яко прииде слухъ про сихъ татаръ, яко многы земли плѣнуютъ, а приближаются Рускимъ странамъ, и сповѣдаша ему о нихъ; онъ же отрече: «Дондеже есмь на Киевѣ, то по Яико, и по Понтийское море, и по рѣку Дунай саблѣ не махивати». Василка же Костантиновича тогда Богъ съблюде, прииде бо съ полки ко Чернигову въ помочь. Слышавъ се зло, случившеся въ Руси, възвратися въ свой Ростовь, съхранень Богомъ. <...>

Въ лѣто 6745. <...> О плѣнении Рускыа земля отъ Батиа. Слышано бысть на восточнѣй странѣ въ родѣ Измаиловѣ, сына Агарина, рабыни Авраамовы, яко смири Господь Богъ Рускую землю нахождениемъ безбожныхъ иноплеменникъ, таурмень. Еже на Калкы и побѣждение рускыхъ князей прослу, и храбрыхъ онѣхъ 72 избиение вѣдомо тамо бысть, и межиусобныа брани Рускыа земля, и глады, и морѣ велицѣи, и оскудѣние рускаго воинства, и разньствие въ братии, и просто все земское неустроение. Наипаче же обнажися грѣховнаа злоба, и вопль грѣховный въ уши Господа Саваофа вънииде. Тѣмъ и попусти на землю нашу таковую всепагубную рану. Еще бо и сеа крови не отмыхомъ, Калкацкого бою, и пакы народися людий по велицѣмъ мору по всей земли, кромѣ Киева. Но киевьстии людие на Калкахъ съ великымъ княземь Мьстиславомъ Романовичомъ, и съ инѣми 10-ю князи и съ 72-ю храбрыми костию тамо падоша; новгородстии людие отъ гладныя смерти изъмроша, а живыи разыдошася по чюжимъ землямъ; тако же и смоленскаа,

и вси просто гради столнии смерти тоа вкусивше, въскорѣ осиротѣша. Не много бо лѣтъ мину, отъ Калкатцкиа рати до потрясениа земли 8 лѣтъ, тогда же и гладъ бысть, а отъ потрясениа земли до Батыева прихожденіа 8 лѣтъ. Того ради не исполнися земля наша, но и наипаче всѣмъ животнымъ опустѣ.

Мы же приведемъ слово къ повѣсти, како ублюде Богь великого князя Юриа Всеволодича, и Ярослава, брата его, и братанича ихъ Василка Ростовского Костантиновича от Калокъ, тако же и люди оставшая отъ мору, и како не угоньзнуша своеа смерти, обща бо есть всей Руской земли.

Слышавше бо безбожнии татарове таковое смирение руское, и имѣние великое, многыми лѣты събраное, двигнушася съ восточныа страны, и поплѣниша прьвое Болгарскую землю. А на третий годъ на Русскую землю приидоша бесчисленое множество, яко прузи траву поядающе, тако и сии сыроядци христианьский родъ потребляюще.

Въ лѣто 6746. Зимоваша окааныи татарове подъ Чернымъ лѣсомъ и оттолѣ приидоша безвѣстно на Рязаньскую землю лѣсомъ съ царемъ ихъ Батиемь. И прьвое приидоша и сташа о Нузлѣ, и взяша ю, и сташа ту станомъ. И оттолѣ послаша посломъ жену чародѣицу, а съ нею два татарина, въ Рязань къ княземъ рязаньскымъ, просяще у нихъ десятыны: десятого въ князехь, десятого въ людехъ, и въ конехъ, десятаго въ бѣлыхъ, десятаго въ вороныхъ, десятаго въ бурыхъ, десятаго въ пѣгыхъ, и въ всемь десятого. Князи же рязаньстии, Юрий Иньгваревичь и брата его Олегь и Романь Иньговоровичи, и муромские князи, и проньские хотѣша съ ними брань сътворити, не вьпустячи въ свою землю. И выидоша противу ихъ въ Вороножь, и ркоша посломъ Батыевымъ: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все то ваше будеть». И оттолѣ послаша ихъ къ великому князю Юрию Всеволодичу въ Володимеръ, и оттолѣ пустиша татаре въ Воронажи. Послаша же рязаньстии князи пословъ своихъ въ Володимеръ къ великому князю Юрию, просяще помощи, или самому поити и вмѣстѣ постоати за землю Рускую. Князь великий же Юрий не послуша молбы рязаньскыхъ князей, самъ не поиде ни посла къ нимъ; но вьсхотѣ самъ о себѣ съ татары брань сътворити. Но уже бяше Божию гнѣву не възможно противитися, яко же древле речено бысть Господемь Исусу Навгину; егда веде ихъ Господь въ землю обѣтованную, тогда рече: «Азъ послю во нихъ прежде въ васъ недоумѣнное, и грозу, и страхъ, и трепетъ». Тако же

и у насъ отъятъ Господь преже силу, а за грѣхы наша вложи въ насъ грозу, и страхъ, и трепетъ, и недоумѣние.

Погании же татарове начаша воевати землю Рязаньскую, и оступиша Рязань, мѣсяца декабря въ 16 день, на память святаго пророка Аггеа, и острогомъ оградиша его. Князь же Юрий Рязаньский затворися въ градѣ съ людми, а князь Романь отступи къ Коломнѣ съ своими людми. И взяша градъ татарове, в 21 день, приступивше, того мѣсяца, на память святыа мученицѣ Иулианы, князя Юриа Иньгваревича убиша и княгыню его, а люди изсѣкоша, мужа, и жены, и дѣти, и чрьнца, и чрънорызыца, иереа, овыхъ огнемъ, а иныхъ мечемъ; поругание чрьницамъ, и попадиамъ, и добрымъ женамъ, и дѣвицамъ предъ матереми и сестрами. А епископа же ублюде Богъ, отъиха въ то время прочь, егда татарове городъ оступиша. И изсѣкше люди, а иныхъ плѣнивше, зажгоша градъ. И кто, братие, отъ насъ не поплачется о семъ, кто насъ осталъ живыхъ, како они горкую и нужную смерть подъяша! Да и мы, то видѣвши, устрашилися быхомъ и плакалися грѣховъ своихъ день и нощь сь въздыханиемь; мы же творимъ съпротивное, пекущеся о имѣнии и о ненависти братни. Мы же на предлежащее възвратимся.

Князь же великий Юрий Всеволодичь Володимерский посла въ сторожехъ Иеремѣя воеводою, и сняся съ Романомъ Ингваревичемъ. Татарове же, вземше Рязань, поидоша х Коломнѣ, и ту прииде противу ихь сынь великого князя Юриа Всеволодича изъ Володимера и Романъ Ингваревичь съ своими людми. И оступиша ихъ татарове, и ту бысть имъ бой, и бишася крѣпко, и пригониша ихъ къ надолобамъ, и ту убиша князя Романа Ингваревича и Еремеа Глѣбовича, воеводу Всеволожа, и ту паде много людей съ княземъ и съ Иеремѣемъ; а москвичи побѣгоша, ничего же не видѣвше. А Всеволодъ Юриевичь бѣжа в малѣ въ Володимеръ. А татарове пришедше взяша Москву, и князя Володимера, сына великого князя Юриа, поимаша. И поидоша къ Володимеру многое множество кровопролитецъ крови христианскыа.

Слышавъ же то князь великий Юрий, уряди въ себе мѣсто въ Володимери сыны своа, Всеволода и Мстислава, а самъ поиде къ Ярославлю, и оттолѣ за Волгу, а съ нимъ сыновци его Костантиновичи, Василко, и Всеволодъ, и Вълодимеръ, и пришедъ ста на Сити, ждучи къ себѣ брата Ярослава и Святослава. А въ Володимери

затворися сынь его Всеволодъ съ материю, и съ владыкою, и съ братомъ, и съ всею областию своею.

Безаконнии же татарове приидоша къ Володимеру, мѣсяца февраля 3 день, на память святаго Симеона богоприемца, въ вторникъ мясопустныя недѣли. Приведоша же со собою Володимера Юриевича къ Золотымъ воротамъ, глаголюще: «Знаете ли княжича вашего?» Братиа же его, Ослядюковичь и вси людие видѣвше и, многы слезы излиаша, видяще его въ мнозѣ истомлении. Татарове же отступльше отъ вратъ града, и градъ объихавше, и потомъ сташа станы противу Золотыхъ воротъ на зрѣимѣ. Юриевичи же, Всеволодъ и Мьстиславъ, хотѣша выйти на нихъ, не дасть имъ брати Петрь воевода, глаголя: «Нѣсть мужества, ни думы, ни силы противу Божия посѣщениа, за наше съгрѣшениа».

Татарове же шедше взяша Суздаль, и приидоша къ Володимеру, въ пятокь преже мясопуста. Во утрии же, въ суботу мясопустную, февраля 7, на память святаго отца Парфениа, начаша татарове полки рядити, въ нощи той градъ весь тыномъ отыниша. Въ утрѣи же видивше князи Всеволодъ и Мьстиславъ и владыка Митрофань, яко уже граду ихъ взяту быти, ни надѣяхуся не откудо же помощи, и вниидоша вси въ церковь святыа Богородица, и начаша каятися грѣховь своихь. И елици отъ нихъ хотяху вь аггелскый образъ, постриже ихь всѣхъ владыка Митрофанъ: князей, и княгиню Юриеву, и дочерь, и сноху, и добрыа мужи и жены. А татарове начаша пороки рядити, и къ граду приступиша, и выбывше стѣну градную, наметавше въ ровъ сырого лѣса, и тако по примету вниидоша въ градъ, тако же и отъ Лебеди вниидоша въ Оринын ворота, и отъ Клязмы въ Мѣдяные ворота и Волжские ворота, и тако взяша градъ и огнемъ запалиша. Увидѣвше же князи, и владыка, и княгыны, яко зажжень бысть градъ, а людие уже огнемъ скончаются, а инии мечемъ, и бѣжаша князи въ Средний градъ. А владыка, и княгыни съ снохами, и съ дочерью, княжною Феодорою, и съ внучаты, иныи княгыни, и боярыни, и люди мнози въбѣгоша в церковь святыа Богородица и затворишася на полатехъ. А татарове и тотъ градъ взяша, и у церкви двери изсѣкше, и много древиа наволочиша, и около церкви обволочивше древиемъ, и тако запалиша. И вси сущии тамо издъхошася, и тако предаша душа своа въ руцѣ Господеви; а прочиихъ князей и людей оружиемъ избыша.

И оттолѣ разсыпашася татарове по всей земли той, къ Ростову, ины по великомъ князи погнаша на Ярославль, и на Городецъ, и по Волзѣ вся грады поплѣниша и до Галича Мерскаго; а инии Тфѣрь шедше взяша, въ нейже сына Ярославля убиша. И вся грады поимаша по Ростовской земли и по Суздалской въ единъ мѣсяць февраль, нѣсть же мѣсто и до Торжьку, иде же не быша.

Прииде же си вѣсть къ великому князю Юрию на рѣку Сить, сущу ему тамо, а мѣсяцю февралю уже исходящу, яко «Володимеръ взятъ бысть и сущаа въ немъ вся взята, люди вся, и епископь, и княгыни твоя, и сынове, и снохы вся избыти, а къ тебѣ идетъ». Онъ же бысть въ велицѣ тузѣ, яко себе не видѣти, о церковномъ разорению и о погыбели христианской. И посла Дорожа въ просокы въ трехъ тысящахъ пытаты татаръ. Онъ же прибѣже, глаголя: «Господине, княже, уже обошли суть на насъ татарове». Онъ же съ братомъ Святославомъ, и съ сыновци своими, Василкомъ, и Всеволодомъ, и Володимеромъ, и съ полки исполчившеся, и поидоша противу ихъ, и постави полки около себе, но не успѣша ничто же. А татарове пришедше къ нимъ на Сить, и бысть сѣча зла, и побѣдиша рускыхъ князей. Ту же убиенъ бысть князь великий Юрий Всеволодичь, внукь Юриевь Долгорукого, сына Манамахова, и мнози вои его избиени быша.

А Василка Костантиновича Ростовского руками яша, и того ведоша съ собою до Шеренского лѣса, нудяще его въ своей волѣ жити и воевати съ ними. Онъ же не повинуся имъ и ни вкуси ничто же, яже суть въ рукахъ ихъ, но и много хулна изрекъ на царя ихъ и на всѣхъ ихъ. Они же много мучивше его, предаша смерти марта въ 4, въ средохрестие, повергоша тѣло его на лѣсѣ. То же видѣ нѣкаа жена, повѣда мужу богобоязниву; вземше тѣло его, обвиша плащеницею и положиша въ скровеннѣ мѣстѣ.

Они же оттолѣ възвращьшеся, яко же выше рѣхъ, взяша Переяславль, и Москву, и Юриевъ, и Дмитровъ, и Волокь, к Тфѣрь, и оттолѣ приидоша кь Торжку, вь недѣлю 1 поста, мѣсяца февраля вь 22 день, на Обрѣтение мощей святыхь мученикъ иже вь Евгении. И отыниша его тыномъ весь около, яко же инии грады имаху, и бишася ту окааннии по 2 недѣли. Изнемогоша же людие въ градѣ, а изъ Новогорода не бысть имъ помощи, но уже кто же собѣ сталъ бѣ въ недоумѣнии и въ страсѣ. И тако погании взяша градъ, изсѣкоша вся отъ мужеска полу и до женска, иерейский чинь весь

и чрьноризческий. А все изобнажено и поругано, горкою и бѣдною смертию предаша душа своа въ руцѣ Господеви мѣсяца марта въ 5 день, на память святаго Канона, въ среду 4-ю недѣлю поста. Ту же убиени быша: Иванко, посадникъ новоторжеский, Якимъ Влуньковичь, Глѣбъ Борисовичь, Михаилъ Моисеевичь. А за прочими людми гнашася безбожнии татарове Серегѣрьскымъ путемъ до Игнача креста, а все сѣкучи люди, яко траву, и толику не дошедше за 100 верств до Новагорода. Новъ же городъ заступи Богь, и святая и великаа съборнаа и апостольскаа церковь Софиа, и святый преподобный Кирилъ, и святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва, и благовѣрныхъ князей, и преподобныхъ чрънориэецъ иерейскаго събора.

Да кто, братие, и отци, и дѣти, видѣвши таковое Божие попущение се на всей Рустѣй земли, и не плачется? Грѣхь ради нашихъ попусти Богь найты на ны поганыя; наводитъ бо Богь, по гнѣву своему, иноплеменникы на землю, и тако съкрушенномъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ наважденіа диавола. Богь бо не хощетъ зла вь человѣцѣхъ, но блага; а диаволъ радуется злому убийству кровопролитию. Земли же коей съгрѣшивши, казнитъ Богь смертию, или гладомъ, или поганыхъ навидениемъ, или ведромъ, или дождемъ силнымъ, или пожаромъ, или иными казньми; аще ли покаемся, въ немъ же ны Богь велитъ жити, глаголеть бо къ намъ пророкомь: «Обратитеся кь мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ, и плачемъ, и стенаниемъ». Да аще сице сътворимъ, всихъ грѣхъ прощени будемъ. Но мы на злое възвращаемся, яко пси на своа блъвотины и яко свиниа валяющеся въ калъхь грѣховныхъ присно, и тако пребываемъ. Сего бо ради казни приемлемь отъ Бога, – нахождение поганыхъ, по Божию повелѣнию, грѣхъ ради нашихь. Кирилу же, епископу ростовскому, въ то время бывшу на Бѣлѣозерѣ и оттуду идущу ему, пришедъ на Сить, иде же сконча животъ свой князь великий Юрий, Богь вѣсть како скончася, много бо инде глаголеть о немъ. Кирилъ же епископъ обрѣтѣ тѣло его, главы же его не обрѣте въ мнозѣ трупий мертвыхъ; и несе тѣло его въ Ростовь, и положи вь церкви святыа Богородица съ многыми слезами. Потомъ же увѣдѣ о Василкы, шедъ взя тѣло его, и принесе въ Ростовь съ многымъ плачемъ.

Бѣ бо се князь лицемъ красень, очима свѣтелъ, взоромъ грозенъ, паче мѣры храборь, сердцем же легокъ; но, яко же рече

Соломонъ, «въ оскудѣнии людей бываетъ ськрушение силному». Тако и сий храбрый князь и воинство его; много храбрыхъ служаше ему, но что сихъ, яко противу пругомь. Кто же служилъ ему, и отъ тоа рати кто его остался, и кто его хлѣбь илъ и чашу пилъ, тотъ, по его животѣ, не можаше служити ни единому князю за его любовь. Еще же бысть милостивъ на убогыа и на церковный чинъ паче мѣры. По семь же пришедше, нашедше главу князя Юриа, привезше въ Ростовъ, положиша въ гробь къ тѣлу его.

Батый оттуду поиде къ Козелску. Бѣ же въ немъ князь младъ, именемъ Василий. Козличи же горожане сами о собѣ сътворше съвѣть, яко не датися поганымъ, но и главы своа положити за христианьскую вѣру. Татарове же пришедше подъ Козелскь сташа, яко и подъ прочими грады, и начаша бити пороки, и выбивше стѣну, взыидоша на валъ. И ту бысть брань велика, яко и ножи туто съ ними граждане рѣзахуся; а инии враты изшедше на полкы ихъ много избыша, яко до 4-хь тысячь изсѣкоша ихъ. И тако вземъ градъ ихъ, избы и до отрочаты. А про князя ихъ вѣсти не бѣ; глаголаху бо, яко вь крови утопе. И повелѣ Батый оттолѣ не зваты Козелъскомъ, но злымъ городомъ; убиша бо ту 3 сыны темничи, их же не обрѣтоша въ множествѣ мертвыхъ.

Оттуду иде Батый въ Поле, въ землю Половецкую. Избави же тогда Богь отъ нахожденіа поганыхъ: князя Ярослава, сына великого князя Всеволода, и сыновь его: Александра, Андрѣа, Костантина, Афанасиа, Данила, Михаила, и братию Ярославлю: Святослава Всеволодича Юриевского съ сыномъ Дмитриемъ, Иоанна Всеволодича, и Володимера Костантинича, и Василковича два – Бориса и Глѣба, и Василиа Всеволодича. Ярославъ же по плѣнении томъ пришедъ сѣде въ Володимери, очисти церковь отъ трупий мертвыхъ и кости мертвыхъ съхрани, а люди оставшаа събра и утѣши; и дасть брату Святославу Суздаль, а Ивану Стародубь.

Княжение великого князя Ярослава Всеволодича. Въ лѣто 6747. Князь великий Ярославь Всеволодичь повелѣ принести тѣло брата своего, великого князя Юриа, изъ Ростова въ Володимерь. Того же лѣта князь великый Ярослав ходи на литву ратию, смолнянъ бороня; и посади у нихъ на столѣ шурина своего Всеволода Мьстиславича, внука Романа Мьстиславича. Того же лѣта оженися князь Александръ Ярославичь, княжа въ Новѣгородѣ, понялъ дочерь у Полоцкого князя у Брячислава. И вѣнчався въ Торопцѣ; и ту свадбу

игра, а въ Новѣгородѣ другую. Того же лѣта Александрь Ярославичь съ новогородци сруби Городецъ въ Шелонѣ. Того же лѣта посла Батый татарове, и взяша градъ Переяславль Рускый, а епископа Симеона убиша. Сей бысть Семионъ 9 епископъ Переяславлю, то и послѣдний; 1 бо бысть епископь Переяславлю Петръ, 2 Ефремъ, 3 Лазарь, 4 Силивестръ, 5 Иоанъ, 6 Маркель, 7 Еуфимий, 8 Павелъ, 9 Симионъ, иже и послѣдний; отъ того донынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣть какъ тамо епископа нѣтъ, а и градъ безъ людей. А иныхъ татаръ посла Батый на Черниговъ. Слышавь то Мьстиславъ Глѣбовичь, внукъ Святослава Олговича, и прииде на нихъ съ многыми вои кь Чернигову, и бысть брань люта. А изъ града на нихъ камение съ пороковъ метаху за полтора перестрѣла, а камение два человѣка възднимаху. Но и тако татарове побѣдиша Мьстислава, и многыа воа избыша, а градъ взяша и огнемъ запалиша, а епископа ихъ доведъ Глухова отпустиша. А инии татарове Батыеви Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ Радиловь на Волзѣ, и градъ святыа Богородица Владимерскыа. И бысть пополохъ золь по всей земли, не вѣдаху кто камо бѣжаше.

Княжение великого князя Михаила Киевьского. Въ лѣто 6748. Посла Батый Менгукана съгладати Киева. Онъ же шедъ, ста у городка Пѣсочнаго, видѣвь Киевь, удивися красотѣ его и величьству; посла на ны послы кь князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому съ лестию. Князь Михайло же послы избы, а самъ бѣжа ис Киева за сыномъ въ Угорскую землю; а Ростиславъ Мьстиславичь, внукъ Давыда Смоленского, пришедъ сѣде въ Киевѣ. Данило же Романовичь, внукъ Мьстислава Изяславича, пришедъ на Ростислава ятъ его; а Киевь дасть Дмитрови, своему посаднику, дръжати противу безбожныхъ. Тогда же прииде самъ безбожный Батый съ всею своею силою х Киеву. Яша же тогда татарина, именемъ Туврила, и сказа всѣхъ князей, и сущыхъ съ Батыемъ, и силу ихъ; бяху же братиа Батыевы, воеводы его: Урду, Бардаръ, Бичюръ, Кайданъ, Бечонъ, Менгуй, Коюкь (сей же не бѣ отъ рода его, но прьвый воевода его), Себедяй-богатырь, Бурандай, Бастырь, иже поплѣни всю землю Болгарскую и Суздалскую, инѣхъ же бѣ множество воеводъ, их же не написахомъ. Нача же Батый пороки ставити, и бити безпрестани градъ, день и нощь, и выбы стѣну у Лятскыхъ воротъ. И ту гражане на избытыхъ стѣнахъ многу брань сътвориша, но побѣжени бывше, а Дмитрови ранену бывшу.

И взыидоша татарове на стѣну, и отъ многаго истомления стѣны падоша, а граждане въ нощь ту иный градъ сътвориша около святыа Богородица. Наутрия же приидоша на насъ, и бысть ту сѣча зла; възбѣгоша людие на комари церковныя съ товары ихъ, и отъ тягосты стѣны повалишася. Взяша градъ декабря 6, на память иже въ святыхъ отца нашего Николы, въ лѣто 6749. А Дмитра не убиша, мужества его ради, язвень бысть велми. Вземше Батый градъ Киевь, и слыша о великомъ князи Данилѣ Романовичи, яко въ Угрѣхъ, поиде къ Володимеру въ Русь. Тоя же зыми родися великому князю Ярославу сынь Василей.

Плѣнение Вльнынскыа земли. Въ то же лѣто 6749 пришедъ Батый къ граду кь Лодяжну, и би градъ двѣнатцатми пороки, и не може взяти его; и пришедъ х Каменцу Изяславлю, и взя его; Кременца же княже Данилова не може взяти. Оттолѣ шедъ взя Володимерь Руский, на рѣцѣ Бугу; тако же и Галичь взя и вся грады бес числа поима. По съвѣту Дмитрову иде на угры, и срѣте его король Велий и Коломанъ у Солоной рѣкы, на ней же грады велиньские: Изборско, Лвовъ великий, Велинь. На той рѣцѣ бысть имъ бой, и Батый побѣди, и побѣгоша угры, а Батыевы погнавшу до Дунаа. И стоа ту 3 лѣта, и воеваша до Володавы, възвратишася въ поле, вся земля поплѣнивше. Того же лѣта убиша татарове князя Мьстислава Рылскаго, иже градъ его на Сѣмѣ рѣцѣ.

Из «Жития Александра Невского»

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», или «Повесть о житии Александра Невского», – литературное произведение XIII века, агиографического жанра. Главный герой произведения – Александр Невский.

Принято считать, что написана повесть не позднее 80-х годов XIII века в монастыре Рождества Богородицы во Владимире, где был погребён князь Александр Невский.

Автором повести, вероятно, был книжник из окружения владимирского митрополита Кирилла, пришедшего из Галицко-Волынской Руси в 1246 году.

Публикуется по: Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. С. 358–369.

Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголеть Господь: Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожю я». Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его.

Но и взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его – акы труба в народѣ, лице же его – акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его – часть от силы Самсоня, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его – акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и исшедше гражане, побѣдиша плъкъ его. И остася единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ – побѣжая, а не побѣдимъ.

И сего ради нѣкто силенъ от Западныя страны, иже нарицаются слугы Божия, от тѣх прииде, хотя видѣти дивный възрастъ его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати

Рис. 10. Памятник Александру Невскому в Переславле-Залесском. 1958 г. Автор неизвестен.

премудрости его. Тако и сей, именемъ Андрѣяшь, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: «Прошед страны, языкъ, не видѣх таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя».

Рис. 11. П. Д. Корин. «Александр Невский» Центральная часть триптиха. 1943–1944.

Се же слышавъ король части Римьскыя от Полунощныя страны таковое мужество князя Александра и помысли в собѣ: «Поиду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, и наполни корабля многы полковъ своих, подвижеся в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиемь, и посла слы своя, загордѣвся, в Новъгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою».

Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковъ святыя Софиа, и, пад на колѣну пред олътаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великый, крѣпкый, Боже превѣчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ». И, скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”». Сии рѣк, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, князь великый Ярославъ, не бѣ вѣдал таковаго въстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тѣм же и мнози новгородци не совокупилися бѣшя, понеже ускори князь поити. И поиде на ня въ день въскресениа, иуля въ 15, имѣяше же вѣру велику къ святыма мученикома Борису к Глѣбу.

И бѣ нѣкто мужь старѣйшина в земли Ижерстей, именемъ Пелугий, поручено же бысть ему стража нощная морская. Въсприя же святое крѣщение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено же бысть имя его въ святѣмъ крѣщении Филипъ, и живяше богоугодно, в среду и в пяток пребываше въ алчбѣ, тѣм же сподоби его Богъ видѣти видѣние страшно в тъй день. Скажемъ вкратцѣ.

Увѣдавъ силу ратных, иде противу князя Александра, да скажеть ему станы. Стоящю же ему при краи моря и стрежаше

обою пути, и пребысть всю нощь въ бдѣнии. И яко же нача въсходити солнце, слыша шюмъ страшенъ по морю и видѣ насадъ единъ гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждах чрьвленых, и бѣста рукы дръжаща на рамѣх. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣани. Рече Борисъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру». Видѣв же таковое видѣние и слышавъ таковый глас от мученику, стояше трепетенъ, дондеже насадъ отиде от очию его.

Потомъ скоро поеде Александръ, он же, видѣв князя Александра радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рци никому же».

Оттолѣ потщався наеха на ня въ 6 час дне, и бысть сѣча велика над римляны, и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемъ.

Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣм с ним ис полку его.

Единъ именем Гаврило Олексичь. Се наѣха на шнеку видѣв королевича, мча подъ руку, и възъѣха по досцѣ и до самогу короблѧ, по ней же хожаху с королевичем, иже текоша передъ ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доскы. И Божьею милостью невреженъ бысть, и пакы наѣха, и бися с самѣм воеводою середи полку ихъ.

2 – именем Сбыславъ Якуновичь, новгородець. Се наѣха многажды на полкъ ихъ и бьяшется единѣм топоромъ, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣколико от руку его, и подивишася силѣ и храбръству его.

3-и – Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Се наѣха на полкъ с мечемъ, и похвали его князь.

4 – новгородець, именемь Мѣша. Се пѣшь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

5-и – от молодыхъ его, именем Сава. Се въѣха в шатеръ великий королевъ золотоверхий и подъсѣче столпъ шатерный. Полци Олександрови, видѣвше шатра паденье, вырадовашася.

6-и – от слугъ его, именем Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и отсупиша и мнози. Он же от многых ранъ паде и тако скончася.

Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи.

Бысть же в то время чюдо дивно, яко же во древьняя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахиримъ, асурийскый цесарь, на

Иерусалимъ, хотя плѣнити град святый Ерусалимъ, внезапу изиде ангелъ Господень, изби и от полка асурийска 100 и 80 и 5 тысящь, и, въставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля, об онъ полъ рѣкы Ижжеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множъство избьеных от ангела Господня. Останокъ же их побѣже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Александръ возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего Творца.

Старшая ливонская рифмованная хроника о Ледовом побоище

«Старшая ливонская рифмованная хроника» – древний письменный исторический памятник XIII века. Описывает историю действий немецких рыцарских орденов в Прибалтике с середины XII века до примерно 1291 года.

Хроника содержит 12 017 стихов и является единственным западноевропейским источником, который содержит оригинальные известия о Ледовом побоище.

Сохранилась в двух пергаменных рукописях: рижской, которая относится к середине XIV века, и гейдельбергской, выполненной в XV веке. Публикуется по: Ливонская «Старшая» рифмованная хроника // Матузова В. И. Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 35–37.

Ну, оставим эту тему
И поговорим о том,
Как дела у Дома Тевтонского
Шли поначалу в Ливонии.
Епископ Герман из Дорпата
Начал в то время
С русскими враждовать.
Те хотели, как прежде, выступить
Против христианства.
Это принесло им большие неприятности.
Они причинили ему много зла.
Долго он это терпел,
Пока не позвал на помощь братьев.

Магистр прибыл к нему немедленно
И привел многих отважных героев,
Смелых и отборных.
Королевские мужи туда прибыли
С большим отрядом,
Чему был епископ Герман рад.
С этим войском они отправились тогда
Радостно на Русь.
Их дела пошли там очень хорошо.
К замку они подошли,
Где их приходу не были рады.
Пошли на них штурмом.
Захватили их замок.
Изборском назывался замок.
Ни одному русскому не дали уйти
Невредимым.
Кто им сопротивлялся,
Тот пленен был или убит.
Слышались крики и стоны:
Повсюду в той стране
Начался великий плач.

Это очень опечалило
Жителей Пскова.
Так называется город,
Расположенный на Руси.
Там жили люди жестокосердные.
Они были их соседями.
Без промедления
Собрались они в поход.
И поскакали яростно туда,
Одетые в блестящие доспехи.
Их шлемы сияли как стекло.
С ними было много стрелков,
Они столкнулись с войском братьев.
Те дали им отпор.
Братья и мужи короля
На русских смело напали.

Епископ Герман держался
Как герой со своим отрядом.
Начался бой жестокий:
Немцы наносили глубокие раны,
Русские несли большие потери.
Восемь сотен их было убито,
Тех, кто остался на поле брани.
Под Изборском потерпели они поражение.
Остальные обратились в бегство.
Их преследовали в беспорядке
По пятам, тесня их к дому.
Русские сильно погоняли своих лошадей
И плетьми, и шпорами.
Они думали, что все пропали.
Путь им казался слишком длинным.
Лес гудел от горестных криков.
Все стремились добраться до дома.
Братья их преследовали.
Моде называется река:
За ними на другой берег
Братья переправились с большой силой;
Они вели за собой многих смелых воинов.

Псковичи же
Не были рады гостям.
Братья поставили шатры
Перед Псковом на красивом поле.
Епископ и мужи короля
Очень удобно лагерем расположились.
Многие рыцари и кнехты
Полностью заслужили свое право на лен.
Был отдан приказ
Готовиться к бою.
И дали им понять,
Что пойдут они на штурм.
Русские заметили,
Что многие отряды штурмовать готовятся
И замок, и посад.

Русские не оправились еще
После боя под Изборском.
Они сдались Ордену,
Там боялись большей беды.
О мире повели переговоры.
И мир был заключен
С русскими на тех условиях,
Что Герпольт, как звали их короля,
Согласился оставить
Замки и плодородную землю
В руках немецких братьев,
В распоряжении магистра.
И отказались от штурма.

Когда примирение состоялось,
Недолго после этого медлили,
Чтобы собраться в обратный путь.
Все пребывали в большой радости
И воздавали хвалу Господу.
Они благодарили его за очень многое.
Когда войско было готово,
Радостно оттуда отправились.
Там оставили двух братьев, которых
Управлять этой землей назначили,
И небольшой отряд немцев.
Это позже обернулось им во вред.
Их господство продолжалось недолго.
Есть город на Руси,
Новгородом он называется.
Их королю стало об этом известно.
Он выступил со многими отрядами
Против псковичей, это правда.
И пришел он с большой силой.
Он многих русских привел,
Чтобы освободить тех, кто в Пскове.
Этому обрадовались они сердечно.
Увидев немцев,
Он долго не медлил,

Обоих братьев он выгнал,
Покончив с их фогством,
И всех их кнехтов изгнали.
Ни одного немца там не осталось.
Русским оставили они страну.
Так обстояли дела у братьев.
Если бы Псков тогда удержали,
Это было бы на пользу христианству
До самого конца света.
Это – просчет.
Кто покорил хорошие земли,
Но недостаточную защиту их обеспечил,
Тот заплачет, понеся убытки, когда он,
Что очень вероятно, неудачу потерпит.
Король Новгорода ушел в свою землю,
Недолго было спокойно.
Есть город большой и просторный
Также на Руси.
Суздалем он называется.
Александром звали того,
Кто в то время там был королем.
Своим подданным он велел собираться
В поход. Русским их неудачи обидны были.
Быстро они собрались.
И поскакал король Александр,
С ним много других
Русских из Суздаля.
У них было луков без числа,
Очень много блестящих доспехов.
Их знамена богато расшиты,
Их шлемы славились своим сиянием.
И отправились они в землю братьев
С сильным войском.
Тогда братья, быстро вооружившись,
Оказали им сопротивление.
Их, однако, было немного.
В Дорпате стало известно,
Что пришел король Александр

С войском в землю братьев,
Чиня грабежи и пожары.
Епископ без внимания этого не оставил.
Мужам епископства он срочно велел
Поспешить к войску братьев,
Чтобы против русских сражаться.
Что он приказал, то было исполнено.
Долго не медля,
Они присоединились к силам братьев.
Они слишком мало людей привели.
Братьев также было слишком мало.
Всё же вместе они решили
На русских напасть.
Начали с ними сражаться.
У русских было много стрелков,
Они отразили первую атаку, мужественно
Выстроившись перед войском короля.
Видно было, что отряд братьев
Строй стрелков прорвал,
Был слышен звон мечей
И видно, как раскалывались шлемы.
С обеих сторон убитые
Падали на траву.
Те, кто был в войске братьев,
Оказались в окружении.
У русских было такое войско,
Что, пожалуй, шестьдесят человек
Одного немца атаковало.
Братья упорно сражались.
Всё же их одолели.
Часть дорпатцев вышла
Из боя, чтобы спастись.
Они вынуждены были отступить.
Там двадцать братьев осталось убитыми
И шестеро попали в плен.
Так прошел этот бой.

Король Александр был рад,
Тому, что он победу одержал.
Он возвратился в свою землю.
Однако за это ему пришлось заплатить
Жизнями многих храбрых мужей,
Кто никогда больше не отправится в поход.
Что касается братьев, в том бою павших,
О чем я только что читал,
То их позже, как положено, поминали
Вместе со многими бесстрашными героями,
Которые по зову Господа
Среди тевтонских братьев живут

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Опишите как летописец характеризует противостояние монгольскому нашествию жителей русских земель.
2. Соответствует ли образ Александра Невского, созданный автором Жития исторической действаительности?
3. Сравните житийный образ Александра Невского с описанием его деятельности в «Старшей ливонской рифмованной хронике».

Рис. 12. Дзысь И. «Меченосцы».

Тема 9. Псковская земля в XIII–XV вв.

Псковская судная грамота

Псковская судная грамота (ПСГ) – нормативно-правовой акт Псковской земли, памятник русского права XV века.

Составлена в несколько этапов. Первые несколько десятков статей приняты в 1397 году на вече Пскова, остальные – в первой половине и середине XV века, окончательно принята на общенародном сходе в 1467 году.

Состоит из 120 статей, из которых 108 были приняты в 1397 году, а остальные добавлены позднее на вече.

Ся грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковъских пошлин по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божиа священьства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е.

1. Се суд княжей, ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или вь яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70 гривен, а княжая продажа 19 денег, да 4 денги князю и посаднику.

2. И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите.

3. А которому посаднику сести на посадництво, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не метится ни на кого ж, а судом не отчи-тись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а без неправы человека не погубити ни на суду на вечи.

4. А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в правду по крестному целованью. А не въсудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику.

5. А которому княжому человеку ехат на приго (ро) д наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судит прямо по крестному целованью, а коли ему ехати на которое....

6. А которой посадник слезет степени своей, орудиа и судове самому управливати, а иному насед его судове не пересужати.

7. А крим (с) кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати.

8. Что бы и на посад (е) но крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи) в, живота ему не дати, крам кромъскому татю.

9. А коли будет с кем суд о земли о полней, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою

Рис. 13. Горбатов К. И. «Псков. Причалы». 1919 г.

землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосед человек на 4 или на 5. А суседи став, на коих шлются, да скажут как прав пред Богом, что чист, и той человек который послался стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивень в те лета, ни его судил ни на землю наступался, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целованиа ему нет, а тако не доискался кто не судил, ни наступался в ты лета.

10.О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а завдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да

оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество сьимут ино им присужати поле.

11. А которой своего истца перемож (ет) ...

12. А которой истець. там. Ино того человека повинити, и грамоты его посудить, а правому человеку на ту землю и судница дати; а подсудничье князю и посадником и сь сотскими всеми взяти 10 денег.

13. А кто у кого иметь землю отимати выкупком, а старые грамоты у того человека, у кого землю отимают, ино воля того человека, у кого старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкупке покуду отнимает.

14. А кто положит доску на мрътваго о (з) блюдень (е), а имет искати на приказникох того соблюдениа, сребра или платиа, или круты, или иного чего животнаго, а тот умръшей с подряднею и рукописание у него написано и в ларь положено, ино на тых приказникох не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказникох не искати ничего. А толко будет заклад или запись, ино волно искати по записи, и и кто животом владеет по записи или по закладу; а у приказников умръшаго а не будет заклад, ни записи умръ-шаго на кого, ино им не искати ничего ж, ни съсудиа, ни торговли, ни зблюдениа ничего ж.

15. А у котораго умръшаго а будет отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближняго племени, а а животом владеет, а только не сторонний людие, ино им волно искати без заклада, и без записи умръшаго, а на них волно ж искати.

16. А о зблюдении, кому... в пожару или по грехом на кого род ополчится, а у того времяни что кому даст на зблюдение, а имет просит своего, и тот человек запрется, у него взем, ино кому искат, явити ему.

17. чюжой земли приехав или под пожар за неделю или по грабежу, и тот имет записатся, ино тот суд судить на того волю. хочет сам поцелует, или на поле лезеть, или у креста положит своему исцу.

18. А кто по волости ходит закупен, или скотник, а имет искати тако же соблюдениа, или верши, ино г (оспо) дне обыскать правда тако же присужает на ком сочат, хочет сам поцелует, или на поле с ним лезет, а хочет ему у креста положит.

19. А кто имет искати зблюдениа по доскам безимено, старине, ино тот не доискался.

20. А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовници, и князь и посадником и сотцким обыскати как послух, где будет обедал, и (л) и где нача-вал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; такоже и битого опросить, где есть били и грабили, явили кому, и на тех ему слатся, а на кого сошлются, а тот став скажет как право пред Богом, што битый являл бой свой, и грабежь, а послух на суде став а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат, хочет с послухом на поле лезет, или послуху у креста положит, чего искал.

21. А против послуха. стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет.

22. А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался.

23. Или который истец пошлется. на послуха, а на котором сочат... аркучи: тот мене сам бил с тым своим послухом, а нонеча на нево ж шлется, ино тот послух в послух, которого на суде наимянуют.

24. Или пакы тойже истец, на ком соча (т) розбоя, не почнет слатся на послуха, ино што б не слался один истец, ино господе послать с суду своих людей, а каторой не слался, ино его в том не повинити, что не слался, а то господе от Пскова без дива.

25. А которой позовник пойдет исца звати на суд, и той позваный не пойдет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попом; или пакы той ж позваный позывницею, не емля оброку да не станет на суд пред господою, ино господе дать на него грамота на виноватаго на 5 ден позовником.

26. А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочному поймав по грамоте не мучит, ни бить, поставить пред господою; а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотися, а толко имет сечися, или колотися, да учинит головшину, ино быти ему самому в головшине.

27. А где учинитса бой у торгу или на улицы во Пскове, или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бой многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру, а ставши перед нами человеки 4 или 5, а ркучи слово- того бих, ино кто бился,

того человека их душа выдати. битому человеку, а княжая про (дажа). Той же бит учнет клепать грабежом, ино ему ходит исца послухом одним человеком того деля, занеже и поле присужати.

28. А кто на ком имет сочить съсуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит, ино воля того человека, кто имет серебра сочить по закладу, хочет сам поцелует да свое серебро возмет, а хочет заклад ему у креста положит, и он поцеловав да свой заклад возмет, а поле через заклад не присужати, а закладных доек не посужати.

29. А которой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего исца изневести, или перед господою изгадит своего исца, а у того исца, у кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити, нять вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит, хочит сам поцелует на своем серебри, или у креста ему положит и поцеловав да свои заклад возмет.

30. А кто имет дават серебро в заим, ино дати дати до рубля без заклада и без записи а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь. ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

31. Хто на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное, а тот заклад того серебра не судит, чего ищет, отопрется своего закладу, а молвит так: у тебе есми того не закладал, а у тебе есми не взимал ничего ж, ино кто ищет тому человеку тем закладом владети, а тот прав, на ком сочат.

32. А которой человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец по ком рука дана, вымет против своего исца рядницу, а молвит так: аз, брате, тобе заплатил то се (ре) бро за тою рукою, а у мене и рядница што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники, ино тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты ж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал.

33. А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля.

34. А у которого псковитина у какова учинится татба в Пскове или на пригороди, или в сели на во (ло) сти, ино явить старостам, или околным суседом, или иным сторонным людем, а в пиру, ино в пировому старосте, или пивцам явити, а государю пировому... нет,

а псковитину... волости во Пскове на волную роту не взята, весть ему к роте, на кого ему не любовь.

35. Кто из церкви, где татба учинилась, тако ж и пригорожане, или селянин псковитин на пригороде, или на тору не звати, вести ему к роте псковитину, где татба учинилася.

36. А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно нанята, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет.

37. А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы, а на трупу кун не имати, толка ему доспех снята или иное што, в чем на поле лезет, а виноватому платить и княжа продажа и приставное двема приставом, толка побьются, по 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет.

38. А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек проти-ву положит рядницу, а в рядницы будет написано о торговли же, а противу той рядницы не будет во Святей Троицы в лари в те ж речи другой, ино тая рядни-ца повинити.

39. А которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит. свое дело отделает. на государех и взакличь сочит своего найма.

40. А которой наймит дворной пойдет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету, а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши найма сочить как отиде за год сочить, толко будет найма неймал у государя, а толко пойдет болши года, ино им не сочити на государех.

41. А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государи, а дела его не отделает, а пойдет прочь, а ркучи так государю, у тебе есми отделал дело свое все, и государь молвит: не отделал еси всего дела своего, ино государю у креста положить чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет.

42. А которой государь захочеть отрод дата своему (и)зорнику или огород-неку, или кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговеине, також захочет изорник о(т)речися с села, или огороднику,

или (ко)четник, ино тому ж отроку быти, а иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от котечни-ка, ни от огородника, а запрется изорник или огородник, или котечник отрока государева, ино ему правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбно(й) части.

43. А которой котечник заложи весну, или исполовник у государя, ино ему заплатить весна своему государю, как у другоичате доставалося на том же (и) саде.

44. А государю на изорники или на огородники, или на кочетни-ки волно и взакличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярон или озимой, и по отруку государеву или сам отречется.

45. А кто имет сочит торговли, или поруки, или зблюдениа или съсудиа, или выморшини безимянно, ино той не доискался.

46. А которой человек у человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогож есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался.

47. А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу.

48. А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел.

49. А княжим людем или подвоским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга, а штобы двое или трое ехали, а езд им взять один. А княжой человек не поедет ис тово или подвойской, ино псковитину послать ис того волно ис тех же ездов.

50. А княжей писец възмет по силе истьцово от позовницы или от безсуд-ной грамоты, или от приставной, а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать, а не запечатает князь ино у Святей Троицы запечатать, в том измены нет.

51. А коли изорник имет запирается у государя покруты, а молвит так: у тебя есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставить люди сторонние человеки 4 и (ли) 5, а тым людем сказати как прямо пред Богом, как чисто на селе седел, ино государю правда давши взять свое, или озорнику верит, то воля

государева. А толко государь не поставит людей на то, что изорник на селе седел, ино тот человек покруты своей не доискался.

52. А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти.

53. Аже сын отца или матерь не скормит до смерти, а пойдет из дому, части ему не взять.

54. А штобы и по суду, или у креста поставить своего исца у кого купил, ино суд с тем человеком, кто искал, кто снял, а тот пропка, кто извод поставил.

55. А у кого поимаются за отморшину отца его, или приказной, а и суседом будет ведомо, или сторонным людем, а став человек 4 или 5, а молвят как право пред Богом, что чисто у него, отморшина отца его ли приказное, ино у кого поимался, и целованьа ему нет, а тот не доискался; а толко будет человек 4 или 5 скажут, как право пред Богом, ино ему правда дать, как чисто отморшина.

56. А такоже, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а то(т) не доискался.

57. А кто возмет пристава у князя или у посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику приставы отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом где будет татба обыскивати, а толко те приставе рекут то слово, приехали есмы на двор татбы обыскивати, и тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали, и тот человек кого было обыскивати а молвит то слово: у мене господо теи приставы не бывали, или той же человек взмолвит то слово: были той есть у мене те пристави, и яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облыгают, ино князю и посаднику опросить приставов, есть ли у вас исправа какова на том пред ким вас тот человек з двора согнал, ино приставом на се поставить люди человека 2 или 3, а ты люди став на суде рекут, как право пред Богом: пред нами тот человек тех приставов со двора согнал, а обыскивати им не дал, ино тым приставом правда дата, а тот человек в татбе, или пакы тыи пристави, ино тии пристави не в пристави, а тот татбы своей не до искалъся, чии таковии пристави.

58. А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникома, пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца или за черницу, или которой человек стар велми или глух, ино тех пособнику быти; а хто опрочнеимет помогать или силою в судебню поле зет, или подверника ударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князк рубль, а подверником 10 денег.

59. А тым подверником быть от князя человеку а от Пскова человеку же, целовать им на том крест, што праваго не погубити, а виноватаго не оправить, со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки.

60. А татю веры не пять, а на кого возклеплет, ино дом его обыскать и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, он свободен.

61. А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить.

62. А кто на ком имет чего искать по доскам, или по закладом, а с молве у своего исца возмет от много мало по суду, и чтобы у креста, ино в том пени нет, чтобы и даром отпустил своего истца без целованья.

63. А который изорник отречется у государя села, или государь его отрьчет, и государю взять у него все половину своего изорника, а (и)зорник половину.

64. А которие пристави, княжей человек или подвоской, или псковитин, а поедет человека позвать на суд, или росковать, или сковати, а езд имать на 10 верст денга.

65. А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое, платить татю виноватому, а толко не вымет татбы, ино приставное и дверское платить тому, кто пристава взял.

66. А которой пристав, или дворянин а возмет своему узду конь, или иное что у него возмет, ино ему дать на руку стороннему человеку, а не возмет на руку, ино ему собою свести, а взять езды на том, кто его не утяжет.

67. А истец приехав с приставом а возмет что за свои долг силою, не утяжег своего исца, ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платит виноватому.

68. А посаднику всякому за друга ему не тягатся, опрочь своего орудий или где церковное старощение дръжит, ино им волно тягатся.

69. И всякому властелю за друга не тягатись, опрочь своего орудиа.

70. А за церьковною землю и на суд помочю суседи не ходят, итти на суд старостам за церковную землю.

71. А одному пособнику одного дни за 2 орудиа не тягатся.

72. А которому человеку будет кормля написанна в рукописании, и да грамотами владеть землеными учнет или исадскими, а продаст тую землю или (и) сад, или иное что, а доличат того человека, ино ему земля та, или или исад, или иное выкупить, а свою кръмлю покрал.

73. А которому человеку на ком будет имание по записи, да и гостинец будет писан на записи, а приидет зарок, ино ему явит господе о своем гостинце, ино и по зароки ему взять свои гостинець; а толко не явит зарок господе, гостинца ино ему не взять по зароке.

74. А кто почнет имать своего исца в своем сребре до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем сребро имати, и тот человек до зароку учнет сребро отдавать, кому виноват, ино гостинца дать, по счету ему взять.

75. А которой изорник на государя положит в чем доску, ино та доска посудить. А старому изорнику вози вести на государя.

76. А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорнич живот на сели останется государю покрута имать на изорники, ино государю у князя и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич пред приставы и пред сторонными людми государю попродати да и поцмати за свою покруту, а чего не достанет, а по том времени явится изорник шо государю доброволно искать остатка своего покруты, а государю пени нет, а изорнику на государи живота не сочит, а сочит псковским.

77. И судьям псковским и посадником погородским и старостам приго (ро)цким по тому ж крест целовать на том, што им судити право по крестному целованью, а не судеть право, ино суди им Бог вь страшный день втораго пришествиа Христова.

78. А которому княжему человеку ездить на межу с сельскими, ино ему та-коже целовати крест.

79. А коли имуть тягатся о земли или о воде, а полежать двои грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другие грамоты

чести дьяку городскому. А коли приидет грамота с пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

80. А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а только приставом не позовутся а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет.

81. А на приставное и на ссылку княжим людем ездить со псковскими подвоскими по половинам.

82. А княжой писец имет писати судницу о земли, ино ему от судницы взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безсудной и от приставной, все то им им имати … по денги. А толко княжой писец захочет не по силе, ино инде волно написати; а князю запечатать; а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать, а в том измены нет.

83. А которому псковитину имать грамота у князя и у по(садника) о своем деле за рубеж, и от той грамоте княжому писцу взять денга, а печатная денга.

84. А которой изорник поумреть у государя на сели, а не будет у него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю тако ж живот изорнич с приставами и(л)и сторонними людми попродавать, да за свою покруту поимати, а по тому плямени изорничи, ни брату не сочит живота изорнича.

85. А у которого человека у государя изорник помреть в записи в пскрути, а жена у него останется и дети не в записи, (и)но изорничи жене и детем откличи нет от государеве покруты, а та им покрута платит по той записи; а будет не в записи был изорник, ино их судити судом (по) псковской пошлине.

86. А будет у (и)зорника брат или иное племя, и за живот поимаются, ино государю на них и покруты искать, изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки: а толко будет конь или корова, ино волно искати у государя.

87. А изорник поимается за жывот у государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свой жывот у государя, а сторонным людем ведомо будет и окопным суседом, што государево, ино изорник не доискался, а государь прав.

88. А у которого человека помреть жена без рукописаниа, а у ней останется отчина, ино мужу ея владети тою отчиною до своего живота толко не оженится, а оженится, ино корпии ему нет.

89. А у которой жены мужь помрет без рукописаниа и останется отчина или живот, ино жене его кормится до своего жывота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет.

90. А у которого человека помрет жена, а муж ея оженится, и женя мать или сестра или иное племя а имут искать платья, ино мужу ея право по души платья отдать, а на останки мужеви о женни платьи и целованьа нет. Тако ж коли мужь помреть, а имуть мужня платья на жене его отець его или братьа, ино е и отдасть платья право по души, что у него останется; а на останки жене в мужни платьи целованиа нет.

91. А у кого помрет сын, а невестка останется, да учнет на свекри или на девери скруты своеа искати, или платья своего, ино свекру или деверю отдать платье или крута; а чем невестъка клеплет, ино свекру или деверю воля, чим хочет: хочет сам поцелует крест, или у креста невестка положит, чим учнет клепати.

92. А кто на ком учнет искать сябренаго серебра, или иного чего опрочь купетскаго дела, и гостебного, да и доску положит на то, ино то судит на того волю, на ком ищуть, хочет сам поцелует, или своему исцу у креста положит, или с ним на поле лезеть.

93. А у кого студится должник в записи, а на зарок не станет, или изорник в записи будет, а учнет тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповедь, ино все платить виноватому, кто тулится, и железное.

94. А которой вятший брат с меншим братом жиучи в одном хлебе, а скажут долгу отцово, а на отца записи не будет, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатит опчим жывотом, да остатком делится.

95. А которой менши (й) брат или братань, жиучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом, а искористуются сребром у брата своего или у брата, и учнет запиратися, ино ему правда дать, как за ним не будет, а животом делится.

96. А где учинится головшина, а доличат коего головника, ино князю на головникох взять рубль продажи.

97. А што бы сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа.

98. А которой человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка в то время детя

выверже, да пристава учнет головшинной окладати, или исца, ино в том головшины нет.

99. А которой истец на судней роте не станет, ино ему заплатит без цело-ванья, а цена ему, что искали на нем.

100. А которой человек при своем животе, или пред смертию а что дасть своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом, или пред сторонными людми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и ру(ко)писаниа не было.

101. О торговли и о поруке. А кто имет на ком торговли искать, или порукы, или именного чего, ино того судить на того волю, на ком сочат, хочет на поле лезеть, или у креста положит.

102. А которой мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном, или ученику верить.

103. А подсуседник на государи (с) судьи или иного чего волно искати. А которому с ким суплетка была записью или закладом, и потом тот человек, которой в записи был или заклад закладывал кому, да учнет на том же чего искать, ссудья или зблюденья, или иного чего, по доскам, или торговли, ино то судить судом по псковской пошлине.

104. А который исцы вымут на умершаго заклад, грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду, или на один двор, или на одну клеть, а у тех исцов, у кого заклад грамоты сверх того и записи и на того умершаго и на его заклад, и у иных истьцов не будеть записи, толко заклад грамот, ино им правда давши да деля(т) поделом, и по серебру, колко серебра ино и доля ему по тому числу, ожь ближнее племя восхощет заклад выкупить, а у коего исца заклад и записи на умершаго, ино ему целованья не на его дело.

105. А которой чюжеиземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ишуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему у креста положит, чего на нем ищуть.

106. А кто с ким ростяжутся о земли или о борти, да положат грамоты старые и купленную свою грамоту, и его грамоты зайдут многых бо сябров земли и борти и сябры вси станут на суд в одном месте, отвечаючи кто ж за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут, и той отведут

у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части. А целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует.

107. А кто коли заклад положит в пенезех, что любо, а по том времяне имет пенязи отдавати, а своего заклада просит, и он запрется его закладу, а молвит так: тебе есми пенязи не давал, а у тебе есми заклад не взял, ино той суд как зблюдению на три воли тому человеку на ком сочат: захочет сам поцелует, как за ним заклад не будет, или ему закладную цену ценою положить у креста, или с ним на поле лезет.

108. А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот.

109. А попы и дияконы и проскурница и черньца и черница судить наместнику владычьню. Аже поп, или диакон или противу черньца, или черницы ж, а будет обаи не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судиам не судить, занеже суд владычня наместника, а будет один человек простой истец мирянин, аже церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычним наместником вопчи, також и судиям.

110. У которого человека имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тот молвит: то у мене свое рощеное, ино ему правда дати, как чисто рощеное.

111. А кто пред господою ударит на суде своего истьца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа.

112. А боран присужать 6 денег, а за овцу 10 денег государю, а судьи 3 денги старая правда. А за гусак и за гусыню присужать по 2 денги государю, на суде; 3 денги; а за утицу и за селезня, и за кур, и за кокощь присужать по 2 денги.

113. А братьщина судить как судьи.

114. А кто с ким на пьяни менится чим, или что купит, а потом проспятся и одному исцу не любо будет, ино им разменится, а в том целованиа нет, ни присужати.

115. А княжим людем по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продовати.

116. А кто зажоги на ком учнет сочит, а долики ни каковы не будет, ино на волною роту позвать вольно.

117. А кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, ино ему крест целовати и битися на поли, а послух изможет, ино за бороду присудить два рубля, и за бои, а послуху быти одному.

118. А корову купить за слюблено, а по торговли телят не сочить, а толка корова кровью помачивается имет ино тая корова назад воротить, чтобы и денги заплачены были.

119. А жонки з жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону,

120. А кто учнет на ком сочить бою, пять человек или десять, сколко ни буди, на 5 или на одном боев своих, да утяжут, ино им присужать всим за вси боеви один рубль, и княжая продажа одна.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Перечислите источники Псковской судной грамоты.
2. Охарактеризуйте судебную процедуру по Псковской судной грамоте.
3. Опишите положение зависимых людей по Псковской судной грамоте.

Тема 10. Крупное привилегированное землевладение в XIII–XVI вв.

Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю о крестьянских повинностях (1391 г.)

Грамота митрополита Киприана дана в ответ на жалобы монастырских крестьян на тяжесть их повинностей. Константиновский монастырь находился под Владимиром. Грамота напечатана в «Актах Археографической экспедиции», т. I, № 11.

Се яз Киприан, митрополит всеа Руси, дал есмь сю грамоту монастырю своему святому Константину и игумену. Что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи:

наряжает нам, господине, дело не по пошлине; чего, господине, при первых игуменех не бывало; пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали. И игумен митрополиту так рек: яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменех; а здесь, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у святаго Константина наперед мене, того, господине, и въспроси. И митрополит послал Окинфа к Царку к игумену, занеж тогды Царко не издоровел, и велел въспросити: какова пошлина в святом Констянтине и как людям монастырским дело делати? И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в святом Констянтине: болшим людем из монастырских сел церковь наряжати монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь ольи орать възгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор въвезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине пойти, а истоки им забивати.. а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцемиз сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен дасть игумен в села и они прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на празник яловицу (но одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, треми бараны, и яз их пожаловал за яловицу, занеж ми была ненадобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на празник); а в которое село приедет игумен в братшину и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым. И Окинф те речи игуменовы Царковы сказал все митрополиту; и потом Царко игумен омоглъся и пришед самому митрополиту те речи все сказал, что приказал с Окинфом к митрополиту. И потом яз Киприан митрополит всеа Руси въспросил есмь в Володимери своих бояр того монастыря пошлин и о яловице о празничной, Михаила Биреева, Юрья Протопопина. Ивана своего повара; и неми те ж речи сказали, и о озерах и о истокех и о бобровой ловле. И Киприан митрополит всеа Руси так рек игумену и Христианом монастырским: ходите ж вси по моей грамоте игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте, а хотя хто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте. А сю грамоту велел есмь положити в церкви игумену и людем, а никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет: аще ли вынесет, не буди на нем милости

божиа и моего благословенна. А дана грамота на Москве, в лето 6900, месяца октября в 21 день.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Чем вызвано издание уставной грамоты.
2. Опишите повинности крестьян в пользу монастыря.
3. Как митрополит Киприан разрешил спор крестьян с монастырем?

Тема 11. Внутренняя и внешняя политика Ивана III

Судебник 1497 г. (Судебник Ивана III)

Судебник 1497 года (Судебник Ивана III) – свод законов Русского государства, памятник русского права XV века. Принят в сентябре 1497 года великим князем московским Иваном III Васильевичем при участии его сыновей и Боярской думы.

ЛЕТА 7006-ГО МЕСЯЦА СЕПТЕМВРИА УЛОЖИЛ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЯ РУСИ С ДЕТМИ СВОИМИ И С БОЯРЫ О СУДЕ, КАК СУДИТИ БОЯРОМ И ОКОЛНИЧИМ

1. Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком. А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалованиа не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому.

2. А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которымь пригоже. А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати.

3. А имати боярину и диаку в суде от рублевого дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будеть дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому расчету.

4. О ПОЛЕВЫХ ПОШЛИНАХ. А досудятся до поля, а у поля не стояв, помирятъся, и боярину и диаку по тому расчету боярину

с рубля два алтына, а диаку осмь денег; а околничему, и диаку, и неделщиком пошлин полевых нет.

5. А у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж расчету пошлины свои; а околничему четверть и диаку четыре алтыны з денгою, а неделщику четверть, да неделщику ж вязчего два алтына.

Рис. 14. Иван III. Портрет из книги французского путешественника Андре Теве «Всеобщая космография», изданной в Париже в 1575 году

6. А побиются на поли в заемном деле или в бою, и боярину с диакомь взяты на убитом противень противу исцева; а околничему полтина, а диаку четверть, а неделщику полтина да неделщику ж вясчего 4 алтыны.

7. А побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити; да околничему на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны. А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку.

8. А ТАТБЕ. А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изь его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гыбели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому.

9. А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью.

10.О ТАТЕХ. А которого татя поймают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продати. А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажю, а судье не имати ничего на нем.

11.А поймают татя въдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

12.А на кого взмолвят детей боярскых человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человекь пять-шесть добрых христиан целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гыбель бес суда.

13.О ПОЛИЧНОМ. А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человекь пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его статка.

14.О ТАТИНЫХ РЕЧЕХ. А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татбе; а не будет на него прирока з доводом в какове деле в прежнем, ино та-тиным речем не верити, дати его на поруку до обыску.

15.О ПРАВОЙ ГРАМОТЕ. А от правые грамоты имати от печати с рубля по девяти денег, а диаку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.

16.О ДОКЛАДНОМ СПИСКЕ. А докладной список боярину пе-чатати своею печатью, а диаку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги.

17.О ХОЛОПИЕЙ О ПРАВОЙ ГРАМОТЕ. А с холопа и с робы от пра-вые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.

18.О ОТПУСТНОЙ ГРАМОТЕ. А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи, или з городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.

19.О НЕПРАВОМ СУДЕ. А которого обинит боярин не по суду и грамоту правую на него сь диаком дасть, ИНО ТА ГРАМОТА не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы.

20.О НАМЕСТНИЧЕ УКАЗЕ. А наместником и волостелем, которые держат кормлениа без боярьского суда, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, и отпустные холопу и робе не дати.

21.О ВЕЛИКОМ КНЯЗИ. А с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярского суда, с рубля по два алтына, кому князь велики велит.

22.О ПРАВОЙ ГРАМОТЕ. От правыя грамоты иматъ от печати печатнику великого князя и детей великого князя печатнику с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту правую напишет, с рубля по три денги.

23.А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи с головы

по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет, имать с головы по три денги.

24.О ДОКЛАДНОМ СПИСКЕ. А докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя докладу печатати великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; от печати имати от списка с рубля по девяти денег; а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имать с рубля по две денги.

25.О БЕЗСУДНОМ СПИСКЕ. А от безсудныя грамоты имати печатнику с рубля по алтыну, а дьяку от подписи по алтыну же с рубля, а подьячему имать с рубля по две денги.

26.О СРОЧНЫХ. А от срочных от подписи дьяку имать от срочные по две денги. А от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги. А подьячим имати от писма с рубля по две денги. А коли ищея или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от писма, а неделщику хожоное. А которой ищея или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать, и тому все платить одному от срочных от обеих да и хоженое. А срочные дьяком держати у себя.

27.О БЕЗСУДНЫХ. А как давати безсудныя, дияком снести срочныя самим вместо, да разобрав срочные самим дияком, да велети им подьячим бессудные давати и сроки отписывати. А подьячим срочных не давати. А безсудные давати с осмаго дня.

28.О ПРИСТАВНЫХ. А от приставных имати печатнику у неделщиков по езду: с которые приставные рубль неделщику, и дияку от подписи взяти алтын у неделщика с рубля, а печатнику от печати у неделщика взяти алтын же. А будет езду болши рубля или менши до которого города, и дияку и печатнику имать по тому же расчету. А будет в приставной иск менши езду, и дияку тех приставных не подписывати; а без неделщиков дияком приставных не подписывати же. А колко вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставная писана.

29.А хоженого на Москве площеднаа неделщику десеть денег, а на правду вдвое; и от поруки поминков не имати им. А езд неделщик емлет до которого города, а на правду им имати вдвое езд.

30.УКАЗ О ЕЗДУ. А езду от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десеть алтын, до Серпухова полтина, до

Тарусы 20 алтын, до Алексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 алтын, до Можайска полтина, а до Медыни пол-30 алтын, до Вязма пол-2 рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвер-тию, до Белева тож, до Мезецка 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвертью, до Вологды пол-3 рубля, до Белаозера пол-3 рубля, до Устюга пять рублев, до Вечегды 7 рублев, до Двины и до Колмогор 8 рублев московскаа, до Володимеря рубль с четвертью, до Костромы пол-2 рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертию, до Галича пол-3 рубля, до Мурома пол-2 рубля, до Стародубских князей отчины пол-2 рубля, до Мещеры два рубля, до Новагорода Нижнего пол-3 рубля, до Углеча рубль, до Бежицского Верху полтора рубля, до Романова рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зупцева и до Опок рубль, до Хлепни 40 алтын, до Ржевы рубль с четвертью, до Новагорода до Великаго пол-3 рубля московский.

31. А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и людей посылати с приставными. А урочников им не посылати с приставными. А от поруки им с приставными ездячи не имати ничего. О НЕДЕЛЩИКАХ УКАЗ. А в котором городе живеть неделщик, ино ему с приставными в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место ни в какове деле.

32. А кто по кого пошлет пристава в чем, и что ему в том убытка станет в волоките, или что даст от срочные и от правые грамоты или от бессудные, и правому то все взяти на виноватомь.

33. А неделщиком на суде на боярина, и на околничих, и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати.

34. А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого. А пошлют которого неделщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому.

А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяты; а опришних ему людей не имати.

35. А у которого неделщика седят тати, и ему татей на поруку без докладу не дати и не продавати ему татей.

36. А которого татя дадут на поруку в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судиами. А срочные их христианам отписывать и бессудные давати не волокитно, а от безсудных им у христиан не имати ничего. А коли срок отпишут обема истцемь вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего. А в езду своем дати на поруку до обыску, доколе дело скончается, и ему взяти езд на виноватом. А кто ищеа или ответчик ц сам не поедет ко ответу, а пришлет в свое место срока отписывати, и неделщиком хоженое взяти на том на одном, кто поедет вь его место срока отписывати.

37. УКАЗ НАМЕСТНИКОМ О СУДЕ ГОРОДСКЫМ. А в которой город или в волость в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику ил волостелю, или их тиуном. А будут оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны.

38. А боярам или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и по-шлинником от суда посулов не просити. А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищеи по тому ж расчету. А довод ику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. А побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень вполы исцева, то ему и с тиуном. А побиются на поли в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева. А побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или

в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.

39.О ТАТЕХ УКАЗ. А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого исцю вь его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.

40.О ПРАВОЙ ГРАМОТЕ. А от пра ой грамоты имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленья с судом с боярьским, с рубля по полутретья алтына от печати, то ему и с тиуном; а дьяку, которой грамоту правую напишетъ, от писма с рубля имати по три денги. А тиун дасть грамоту правую, и он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьяк его емлетъ с рубля по три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты от отпустные имати боярину или сыну боярьско-му, за которым кормленье с судом з боярским, от печяти з головы по полутретья алтына. А дьяк его от писма з головы по три денги.

41.А тиуну его на корьмление холопу правые грамоты без доклада государя и отпустныя грамоты не дати.

42.О ОТПУСТНОЙ ГРАМОТЕ. А положит кто отпустчую грамоту без боярьского докладу и без дьячьей подписи, или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном боярьским с судом с боярским, и та отпустная грамота не во отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишетъ, и та отпустнаа грамота во отпустную.

43.Наместником и волостелем, которые дрьжатъ кормление без боярьского суда, и тиуном великого князя и бояръскым тиуном, за которыми кормлениа с судом з боярьским, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати; а татя и душегубца не пустити и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити.

44.О ПРИСТАВЕХ. А приством наместничим по городом имати хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по четыре денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое.

45. АЩЕ кто пошлет пристава по наместника, и по волостеля, по боярина и по сына боярского, и по их тиунов, и по великого князя тиунов, и наместнику и волостелю, и их тиуном, и великого князя тиуном, и довотчиком к сроку отвечивати ехати; а не поедет к сроку сам, и ему к сроку в свое место к ответу послати.

46. О ТОРГОВЦЕХ. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались и целованиа ему нет.

47. А кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимался, и целованиа ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати.

48. О ПОСЛУШЕСТВЕ. А кого послух послушествуст в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут, хощет на поле в послухомь лезет, или став у поля, у креста положит, на нем ищут, и истець бес целованиа свое возмет, и ответчикь и полевые пошлины заплатит, а вины ему убитые нет. А не стояв у поля, у креста положит, и он судиамь пошлину по списку заплатит, а полевых ему пошлинь нет.

49. А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет. А что правому учинится убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом.

50. А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи, нет ли, ино на том послусе исцово и убыткы и все пошлины взяты. А с праветчиком о сроце тому послуху суд.

51. А послух не говорит перед судиями в ысцевы речи, и истець тем и вановат.

52. А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или цернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймита наняти волно. А исцем или послуху целовати, а наймитом битися; а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же; а восхочет, и он сам бится на поли.

53. А кто кого поймает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложа судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженого.

54. А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.

55. О ЗАЙМЕХ. А которой купець, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным какым безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу.

56. А холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп.

57. О ХРИСТИАНСКОМ ОТКАЗЕ. А христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит.

58. О ЧЮЖОЗЕМЦЕХ. А которой чюжоземец на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет.

59. А попа, и диакона, и черньца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви божиа, то судить святитель или его судия. А будет простой человек с церковным, ино суд вопчей. А котораа вдова не от церкви божий питается, а живет своим домом, то суд не святительской.

60. А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода.

61. О ИЗГОРОДАХ. А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится протрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел или от

деревень, ино поженному государю не городитися, городит тот всю огороду, чьа земля оранаа пашня к пожни.

62.О МЕЖАХ. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити книтием, да исцу взяти на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассужению.

63.О ЗЕМЛЯХ СУД. А взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре, или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино судити потому ж за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судить. А которые земли за приставом в суде, и те земли досужывати.

64.А пересудчиком пересуд имати на виноватом две гривны, а менши рубля пересуда нет. А с списка с суднаго и с холопа и с земли пересуда нет. А с поля со всякого пересуд. А список оболживит кто да пошлется на правду, ино в том пересуд. А подвойскым правого десятка 4 денги, а имати на виноватом же.

65.А на котором городе будут два наместника или на волости два волостеля, и им имати пошлины по сему списку обе за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам.

66.О ПОЛНОЙ ГРАМОТЕ. По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то не холопи; а по городскому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

67.О ПОСУЛЕХ И О ПОСЛУШЕСТВЕ. Да велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новогородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея

и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествует послух лживо не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы.

68.О ПОЛЕВЫХ ПОШЛИНАХ. А к полю приедет околничей и диак, и околничему и диаку воспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручникы, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отслати прочь. А не пойдут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Объясните, чем обусловлено появление Судебника 1497 года.
2. Охарактеризуйте судебную процедуру по Судебнику.
3. Чему посвящена ст. 57 «О христианском отказе»?
4. Опишите процедуру «поля» по Судебнику.

Тема 12. Россия в первой половине XVI века

Герберштейн о власти Московского государя

«Записки о Московии» – труд Сигизмунда Герберштейна, который представляет собой первое всестороннее описание России иностранным автором. В нём содержатся сведения о военном деле, географии, этнографии, торговле, религии, обычаях, истории, политике и даже теории русской политической жизни. В основу книги Герберштейн положил дипломатический отчёт о России, составленный по итогам своего второго посольства. Также он изучал русские источники, что дало ему сведения, которые ранее не были известны в Западной Европе.

Текст печатается по изд.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 72–74. Перевод А.И. Малеина в редакции А. В. Назаренко.

<…> Хотя государь Василий был очень несчастен в войне, его подданные всегда хвалят его, как будто он вел дело со всяческой удачей. И пусть домой иногда возвращалась едва не половина воинов, однако московиты делают вид, будто в сражении не потеряно ни одного. Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца также то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и прочей знати все крепости и замки. Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-либо быть при дворе его или идти на войну, или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет. Исключение составляют юные дети бояр, т.е. знатных лиц, с более скромным достатком. Таких лиц, придавленных бедностью, он обыкновенно принимает ежегодно к себе и содержит, назначив им жалование, но не одинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалование через два года на третий; те же, кому каждый год дается по 12 золотых, должны быть без всякой задержки готовы к исполнению любой службы за собственный счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольства или несут другие более важные обязанности, назначаются сообразно с достоинствами и трудами каждого или должность начальника, или деревни, или поместья, однако с каждого из них государю платится ежегодная определенная подать. Им же отдаются только поборы, которые вымогают у бедняков, если те в чем-либо провинятся, и некоторые другие доходы. Но такие владения он отдает им по большей части в пользование лишь на полтора года; если же кто-нибудь находится у него в особой милости и пользуется его расположением, то тому прибавляется несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет приходится служить даром.

Рис. 15. Сигизмунд фон Герберштейн в русской одежде. Гравюра из книги Герберштейна. 1526

Был некто Василий Третьяк Долматов, который был любим государем и считался в числе самых приближенных его секретарей. Василий назначил его послом к цесарю Максимилиану и велел готовиться; когда тот сказал, что у него нет денег на дорогу и на расходы, его схватили и отправили в вечное заточение на Белоозеро, где он в конце концов погиб самой жалкой смертью. Государь присвоил себе его имущество как движимое, так и недвижимое, и хотя он получил три тысячи флоринов наличными деньгами, однако не дал его братьям и наследникам ни гроша. Подлинность этого, помимо всеобщей молвы, подтвердил мне писарь Иоанн, приставленный ко мне государем для доставления вещей, необходимых при обычных житейских потребностях. Когда Долматов был схвачен, тот же Иоанн содержал его под своей охраной. Точно также двое братьев Василия, Федор и Захарий, которые при нашем возвращении из Можайска в Смоленск были приставлены к нам в звании приставов, утверждали, что дело было именно так.

Все драгоценности, которые привозят послы, ездившие к иностранным государям, государь откладывает в свою казну, говоря, что окажет послам другую милость, а она такова, как я сказал выше. Например, когда вместе с нами вернулись в Москву послы князь Иван Посечень Ярославский и секретарь Семен, т.е. Симеон, Трофимов, получившие в дар от цесаря Карла Пятого, к которому они были посланы, тяжелые золотые ожерелья, цепи и испанскую монету, и при том золотую, а от брата цесаревича Фердинанда, эрцгерцога австрийского и моего государя серебряные кубки, золотые и серебряные ткани и немецкую золотую монету, то государь тотчас отобрал у них и цепи, и кубки, и большую часть испанских золотых. Когда я допытывался у послов, правда ли это, то один из них, опасаясь выдать своего государя, твердо отрицал это, а другой говорил, что государь велел принести к себе цесарские дары, чтобы поглядеть на них. Поскольку я впоследствии слишком часто вспоминал об этом, то один из них перестал посещать меня, желая избегнуть или лжи, если он будет продолжать отрицать это, или опасности, если случайно признается. Придворные же не отрицали справедливости этого, а отвечали: «Что же, если государь пожалует нас за это кой какою милостью?»

Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божьим и вообще веруют, что он – свершитель Божественной воли.

Поэтому и сам государь, когда к нему обращаются с просьбами о каком-нибудь пленном или по другому важному делу, обычно отвечает: «Бог даст, освободится». Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-либо неверном и сомнительном деле, то обыкновенно получает ответ: «Про то ведает Бог да великий государь». Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким.

От времени Рюрика вплоть до нынешнего государя эти государи пользовались только титулом великих князей... кроме Иоанна Васильевича, именовавшего себя господином всей Руссии и велиикм князем Владимирским и проч. Нынешний же Василий Иоан-нович присвояет себе титул и имя царское, как-то: великий господин Василий, Божьей милостью царь и господин всей Руссии и великий князь Владимирский, Московский <...> и проч.; господин и великий князь Новгорода Низовские земли, <,. .> и проч. Так как кроме того все именуют его императором, то мне представляется необходимым разъяснить как это почетное звание, так и причину ошибки. На русском языке слово «царь» означает короля. Но на общем славянском языке, у поляков, чехов и всех других, на основании известного созвучия в крайнем и притом ударном слоге под словом «царь» понимается император или цесарь.<...>

Из «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского

Вынужденный бежать от царского гнева во враждебную Литву, известный русский воевода князь А. М. Курбский (1528–1583) выступил против своего обидчика с самым страшным и беспощадным оружием – словом. Помимо хорошо известных обличительных

посланий Курбского Ивану Грозному, его перу принадлежит и знаменитая «История о великом князе московском», написанная им в конце 1570-х гг. Главный герой сочинения Курбского – царь Иван Васильевич – о жизни которого от рождения и до начала опричных дел и рассказывает его биограф. Автор был активным участником многих описанных им событий, о других слышал от близких людей, поэтому, несмотря на его эмоциональный настрой «История о великом князе московском» и по сей день сохраняет значение ценнейшего исторического источника, содержащего ценнейшие сведения, в том числе и о периоде, предшествующем созданию «Избранной рады» и началу ее реформ.

Печатается по изд.: Памятники литературы Древней Руси. Вт. пол. XVI в. М., 1986. С. 222–229. Перевод А. А. Алексеева.

<...> Совсем маленьким, лет двух, остался он без отца. Через несколько лет и мать его умерла. Воспитывали его потом важные и гордые паны – бояре, на их языке, – соревнуясь друг с другом, льстя и угождая ему в его сластолюбии и похоти, – себе и детям своим на беду. А когда начал он подрастать, лет в двенадцать, – что раньше вытворял, все опущу, сообщу лишь это: начал сначала проливать кровь животных, швыряя их с большой высоты – с крылец или теремов, как они говорят, вытворять также и многие другие негодные вещи, выявляя будущее свое немилосердное своеволие. <... > Когда же стало ему лет пятнадцать и больше, тогда начал он и людей бросать и, собрав вокруг себя толпы молодежи из детей и родственников названных сенаторов, стал разъезжать с ними на конях по улицам и площадям, скача повсюду и носясь неблагопристойно, бить и грабить простых людей, мужчин и женщин. Действительно, совершал он просто разбойничьи поступки, совершал другие преступления, о которых говорить не стоит, да и стыдно, а льстецы себе на беду все это расхваливали.

А когда исполнилось ему семнадцать лет, эти же надменные стали науськивать его и использовать его для мести в своей вражде. Вначале убили они храбрейшего стратега, влиятельного человека благородного происхождения по имени Иван Вельский, который был из рода литовских князей и находился в родстве с польским королем Ягайлой. <...>

Немного погодя он уже сам приказал убить другого благородного князя по имени Андрей Шуйский, из рода суздальских князей. Года через два после этого убил он трех благородных людей: одного близкого своего родственника, князя Ивана Кубенского, родившегося от сестры его отца и бывшего у его отца великим маршалом. Был он из рода князей смоленских и ярославских, очень умный и тихий человек пожилого уже возраста. Вместе с ним были убиты знатные Федор и Василий Воронцовы, происходившие из немцев, из рода имперских князей. Тогда же был убит Федор, по прозванию Невежа, шляхетный и богатый гражданин. А немного раньше, года на два, был удавлен пятнадцатилетний юноша, сын князя Богдана Трубецкого, по имени Михаил, из рода литовских князей. А после, помнится мне, в тот же год убиты были благородные князья: князь Иван Дорогобужский, из рода великих князей тверских, и Федор, единственный сын князя Ивана, по прозванию Овчины, из рода князей тарусских и оболенских, – как агнцы без вины зарезаны в самом младенчестве.

Но когда стал он потом превосходить меру в бесчисленных своих преступлениях, то Господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар, так что с очевидностью проявил свой гнев.

<...> После упомянутого пожара, громадного и действительно очень страшного, о котором никто не усумнится сказать «очевидный Божий гнев», – что же было тогда? Было великое всенародное возмущение, так что самому царю пришлось бежать из города со всем своим двором. В этом возмущении толпой был убит из дядьев его князь Юрий Глинский, а дом его разграблен. Другой же его дядя, князь Михаил Глинский, который был голова всякому злу, убежал, а угождатели, бывшие с ним, разбежались. В то время чудесно как-то и следующим образом подал Бог руку помощи, чтобы отдохнула христианская земля. Тогда, именно тогда, говорю я, пришел к нему один человек в сане священника, именем Сильвестр, выходец из великого Новгорода, усмиряя его божественным священным писанием, сурово (и жестоко) заклиная его грозным именем Бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знаменья от Бога, – не знаю, истинные ли, или так, чтоб запугать, он сам все это придумал, имея в виду буйство Ивана и по-детски неистовый его характер. Ведь часто и отцы приказывают слугам выдуманными страхами

отпугивать детей от чрезмерных игр с дурными сверстниками. Так и блаженный, я полагаю, прибавил немного благих козней, которыми задумал исцелить большое зло. Так поступают и врачи, по необходимости скобля и разрезая железом гниющую гангрену, то есть вплоть до здорового тела срезают вырастающее на ране дикое мясо. Подобное этому придумал, видимо, и блаженный этот, хитрец ради истины, так что случилось то, что душу великого князя он исцелил было и очистил от ран проказы, а развращенный нрав поправил, наставляя то так, то этак на верный путь.

А с ним вступил тогда в союз на пользу и общее благо один благородный юноша по имени Алексей Адашев. Царь в то время очень любил этого Алексея и находился с ним в согласии; был Алексей очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу. <...>

Что же полезного делают эти два человека для той действительно опустошенной и весьма сильно разрушенной земли? Приклони же слух свой и прилежно слушай! Вот что совершают, вот что делают - самое хорошее начинают: укрепляют царя! И какого царя? Юного, воспитанного без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокого, напившегося уже всякой крови – не только животных, но и людей! Прежде всего из бывших уже с ним в согласии одних они отстраняют от него (тех, кто был зело лют). <...> А кроме того, вот что еще прибавляют они: собирают к нему советников, умных и совершенных людей, пребывающих в маститой старости, украшенных благочестием и страхом Божиим, иных же, хотя и среднего возраста, но также весьма порядочных и отважных, притом, что те и другие вполне опытны в военных и земских делах. Они связывают советников с великим князем союзом и дружбой, так, чтобы без их совета ничего не предпринимать и не решать, вполне согласно с премудрым Соломоном, сказавшим: «Царь хорошими советниками крепок, как город крепкими столпами». И еще он же сказал: «Любящий совет сохранит свою душу1, а нелюбящий его вконец погибнет». Ведь если бессловесные твари согласно своей природе руководствуются как должно чувствами, то все, кто наделен разумом, - советом и размышлением.

Назывались же тогда эти его советники Избранной радой. Действительно, по делам и название им было, потому что все избранное и лучшее осуществляли они своими советами, то есть

справедливый суд богатому и бедному не взирая на лица, что служит к украшению царства, кроме того, умелых и храбрых людей они назначают воеводами против врага и ставят на стратегические должности над конницей и пехотой. И если кто проявит мужество в сражениях и омочит в крови врага руки, тот удостаивался наград как движимым, так и недвижимым имуществом. Согласно этому, самые опытные возводились на высшие ступени. А паразиты или тунеядцы, то есть прихлебатели или застольные дружки, которые живут фиглярством и шуточнами, насмехаясь над пищей, не только не получали тогда наград, но изгонялись вместе со скоморохами и им подобными скверными и коварными людьми. Лишь только мужество и храбрость людей поощрялись различными пожалованиями или вознаграждениями, каждому по заслугам. <...>

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Как Сигизмунд Герберштейн характеризует власть Василия III?
2. Кто оказывал влияние на Ивана Грозного в начале его самостоятельного правления?
3. На сколько объективен князь А. М. Курбский в характеристике членов «Избранной рады»?

Тема 13. Внутренняя политика Ивана IV в 60–70-х годах XVI в.

Из переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским

Первое послание князя Курбского Ивану Грозному и ответ царя.

Одним из наиболее ценных источников по истории России времени правления Ивана Грозного является его переписка с бежавшим в Литву воеводой князем Андреем Михайловичем Курбским.

Текст печатается по изд.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 119–125, 136–139, 140–141, 144,146–147, 162. Перевод Я. С. Лурье и О. В. Творогова.

Царю, Богом прославленному и среди православных всех светлее явившемуся, ныне же - за грехи наши - ставшему супротивным[1]

(пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более сказанного говорить обо всем по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного решусь сказать тебе, царь, хотя бы немногое.

Зачем царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих проливал, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе и ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие, по мудрости их, им от Бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным Судьей – надеждой

Рис. 16. Н. К. Черкасов в роли Ивана Грозного.
Кадр из фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». 1945 г.

христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все прегрешения власти их, как говорится: «Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, - Судья между мной и тобой».

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но обо всем вместе скажу: до конца всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою ~~ непримиримой ненавистью. И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не донял, и не нашел - в чем же я перед тобой согрешил. Полки твои водил и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей же славы и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив - преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет трудился и много пота пролил, и много перенес, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; а как часто ранен был варварами в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю их, что Бог их еще лучше ведает. Он ведь, Бог, за все это воздаст и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь, думаю, лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского владыки Мать – надежду мою и заступницу, Владычицу Богородицу,

и всех святых, избранников Божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли, и истреблены тобою без вины, и заточены, и изгнаны несправедливо, и не радуйся этому, гордясь словно суетною победой: казненные тобой, у престола Господня стоя, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взываем день и ночь к Богу, обличая тебя. Хвалишься ты в гордости своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляя на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских[2], единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, словно жрецы Крона. И обо всем этом здесь кончаю. А письмишко это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, владении государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его королевской, а особенно с помощью Божьей.

Знаю я из Священного Писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист, и ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который и сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже столько сильных в Израиле, что по делам своим он и есть антихрист. Не должно у тебя царь, быть таким советникам. В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммонитянин и незаконорожденный до десятого колена в церковь Божью не входят» и прочая.

Благочестивого великого государя царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича послание во все его великой России государство против крестопреступников, князя Курбского с товарищами, об их измене.

Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются

и властители пишут правду. Богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова Божия победоносная и во веки непобедимая хоругвь - крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги Слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося великой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отмстителя за неправды деда нашего, великого князя Ивана и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас, смиренных скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он доныне, чтобы десница наша обагрялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по Божьему изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божи-им повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали. Этого истинно православного христианского самодержания, многою властию обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же - отступнику от честного и животворящего Креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства, отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все священные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы <...> – князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать Ярославским князем, – да будет ведомо.

Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; ради чего же за тело душой пожертвовал, если устрашился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями, и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных и посему возлагая на нас многочисленные поклепы и оскорбления. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо - разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело - человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело - Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла.

Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием - совершать такие злодейства? Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами - германцами и литовцами, то это – совсем не то. Если бы и христиане были в тех странах, то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов Господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и бессовестной нерадивостью.

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты

низвергся душой и телом! Сбылись на тебе пророческие слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе – злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора по навету, поверив злейшей лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти - противится Богу; а кто противится Богу -тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти – противится Богу! Тот же апостол Павел говорит (и этим словам ты не внял): «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». На это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради преходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом ты попрал, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему, когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все божественные писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня

ради веры, то - жив Господь Бог мой, жива душа моя – в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут на обвинить. Но более всего уповаем - воплощения Божьего слова и Пречистой Его Матери, заступницы христианской милостью и молитвами всех святых -дать ответ не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг христианскую божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать.

Как же ты не стыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и перед всем народом стоя, у порога смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и вызываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков, – ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил крестное целование, присоединился к врагам христианства; и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, нелепости говоришь этими неумными словами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить подобно ему перед своим господином.

Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд ты спрятал под языком своим, поэтому, хотя письмо твое по замыслу твоему и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд, подобно бесу? <...>

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас с юности и до последнего времени. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в Царство Небесное предстоять перед Царем царей и Господином государей, мы остались с покойным братом,

святопочившим Георгием; мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас изменников, пришлось претерпевать разные невзгоды и печали – князь Семен Вельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, – ив Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отвсюду шли войной на православных. Но, слава Богу, ничего из этого не вышло – по Божьему заступничеству, и Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу!), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но, с Божьей помощью, этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое их хвалишь? Не в том ли они за нас душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на престол? Зачем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, – так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками - лишь бы навсегда погубить землю!

Когда же суждено было по Божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами - никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога и на Пречистую Богородицу, и на всех святых молитвы, и на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государех своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе, и перессорились при этом друг

с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная и тыча в них палками, а остальное разделили. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Вельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единородным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет - ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бесчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе

захватили. Потом напали на города и села, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причинили своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее и говорили так или иначе, и делали.

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов; и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал, а при себе велел быть боярину своему Ивану Федоровичу Вельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Вельского и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому; а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр толкали в спину. Это они-то доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр и избивали их, мучали и ссылали? Так ли они готовы душу за нас, государей своих, положить, если приходят на нас войной, а на глазах наших сонмищем иудейским захватывают бояр, а государю приходится сноситься с холопами и государю упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная воинская служба? Вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в Москве пожар,

и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала, и таким образом спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в пределе церкви великомученика Христова Димитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; втащили его в соборную великую церковь и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьево, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, К НИЗ Л Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сгорело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. <... >

Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! <... > Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и право предстоять с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира Агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это попрал коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Священному Писанию. Так как я знал из Божественного

Писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, яему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению: он же желая власти, подобно Илье жрецу, начал подобно мирским людям, окружать себя друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный Собор русской митрополии и получили прощение на Соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр своих и всех прочих людей, за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: вместо духовных, стали обсуждать мирские дела мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. Мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя. <...> И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курляте-ва, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своими единомышленниками осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники , и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как им заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало – все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. <...>

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни перед кем ни отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем; но если и подобает поведать о винах их, об этом сказано выше. <...>

А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. <...> Когда же Бог проявил к нам милосердие и покорилхристианству варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! <...> А разве при взятии города вы не собирались, если бы я вас не удержал, понапрасну погубить православное воинство, начав битву в неподходящее время? Когда же город, по Божьему милосердию, был взят, вы не занялись установлением порядка, а устремились грабить! Таково ли покорение прегордых царств, которым ты, кичась, безумно хвалишься? Никакой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы ~ по принуждению и даже с ропотом. <...>

Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов. <...> Это все о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. <...>

0 германских городах говоришь, будто они достались нам по Божьей воле благодаря мудрости наших изменников. Но как зке ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, когда началась война с германцами и мы посылали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы услышали тогда укоризненных слов от попа Сильвестра, от Адашева и от вас – не стоит подробно и рассказывать! Что бы плохое ни случалось с вами – все это происходило из-за германцев! <...> Как ни вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея Адашева и всех вас против похода на германские города и как, из-за коварного предложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы! Они же, напав на нас перед зимним временем, сколько христианского народа перебили! Это ли старания изменников наших да и ваше добро – губить христианский народ! Потом мы послали вас с нашим начальником Алексеем и со множеством воинов; вы же едва взяли один Вильянд и при этом еще

погубили множество нашегонарода. Как же вы тогда испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду же вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть претвердыми германскими городами? Если бы не ваше злобное сопротивление, то, с Божьей помощью, уже вся Германия была бы под православными. Тогда же вы подняли против православных литовский народ и готский и многие другие. Это ли «старания разума вашего» и так-то вы стремитесь укреплять православие?

А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидает расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, – если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу: если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. <...>

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072-м году, от Создания мира июля в 5-й день.

Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году

Печатается по изд.: «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 15. М., 1969. С. 477–483.

В лето 7078-го году, генваря во 2 день, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии самодержец, ходил со гневом на Великий Новоград и на архиепископа Пимена, и на его владычных бояр, и на изящных именитых людей, и на всех градцких жителей. <...>

Благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец посла в Великий Новоград наперед перед собою, изгоном, предний полк своих государевых бояр... и всяких воинских людей велие и безчисленое множество. Они же приехаша... около Великого Новограда учиниша великия сторожы и крепкия заставы со всяцем утвержением. И повелеша на заставах стражем крепко стрещи всех живущих во граде, кабы ни един человек из града не убежал. А иные государевы князи и дети боярские того же государева перваго полку разъехашася по всем

монастырем, иже есть около Великого Новограда, и монастыри запечаташа и церковные казны, а игуменов и черных священников, и дияконов, и соборных старцов изо всех новогородцких монастырей собраша и привезоша с собою в Великий Новоград, числом их яко до пятисот. <...>

И того же 7078-го лета, генваря в 6 день ...приехал в Великий Новоград благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, а с ним сын его государев, благоверный царевич князь Иван Ивнович, и с ним, государем, многое безчисленное множество полков, князей и бояр, и детей боярских... да с ним з государем, полторы тысящи стрельцов... А назавтрия... благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, повелеигуменов и попов черных, и дияконов, и старцов соборных, да которые прежде государева приезду в первом полку иманы из монастырей и поставлены на правежы, повеле избивати их на правежи палицами насмерть, и, убив их всех, повеле когождо их в свой монастырь развозити и погребати. А в воскресение Господне, генваря 8, государь поехал ... к ...церкви ко Премудрости Божия Софеи... и стретил его, государя ...архиепископ Пимин... И говорит царь и великий князь архиепископу Пимину: «Ты, злочестиве, в руце своей держиши не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим бо оружием хощеш уязвити царьское сердце наше своим неистовым зломыслением и с своими злотворцы и единомысленники, града сего жители. И хощете... Новоград предати сопостатом нашим, иноплеменником, королю литовскому Жигимонту Августу. И отселе впереди не си убо наречешися пастырь и учитель и сопрестольник вели-кия соборныя церкви Премудрости Божия Софеи, но волк, и хищник, и губитель, и изменник, и нашему царьскому багру досадитель»... Повеле государь архиепископову казну и весь двор его владычень, со всеми обиходы и все полаты и келий пограбити, и бояр его владычних и всех слуг его повеле переимати и за приставы отдавати до своего государева указу. А самого ...Пимина ограбить повеле, за приставы его отдати и крепко повеле его стрещи... а дворецкому своему, Лву Андреевичу Салтыкову и протопопу Евстафию и прочим боляром повеле государь идти в... церковь Премудрость Божия Софию, взяти повеле ризную казну, и прочая драгия освященныя церковные вещи, и святыя иконы чюдотворныя...

Прочее же повелевает им государь по всему Великому Новуграду, во всех святых Божиих церквах, имати цер-ковныя казны, и святыя честныя божественныя драгия чюдотворныя иконы, и ризы, и колокола.

Таже благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Руси самодержец, и с сыном своим со благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем седе на судище, иде же государь приехал, стал на Городищи. И повеле государь приводити из Великого Новаграда владычных боляр и иных многих служивых людей, и детей боярских, и гостей, и всяких градцких и именитых изрядных людей, и жен их и детей пред себя, и повеле государь их пред собою горце и люте и безчеловечне различными муками мучити. И во мнозех неисповедимых, горких и различных муках повеле государь телеса их некоею составною мудростию огненою поджигати, иже именуемаго подъжаром, и своим государевым детем боярским повелевает государь тех мученых и поджареных людей за руки и за ноги и за власы опако вязати различно тонкими ужыщи, и привязывати их повеле по человеку с каменем и повеле их быстро за санми влеши на Великий Волховский мост и метати с мосту в реку Волхов. А жен их, мужеск и женеск пол младенцы, и сущий млеком питаемии, и всяк возраст повеле государь привозити их на Великий Волховский мост и возводити их на высоту. Иже ту устроено место, и вязаху за руце и за нозе опако назад, младенцов к матерем своим и вязаху, и с великиия высоты повеле государь метати их в воду, в Волхов. А иные в те поры государевы люди, и дети боярские, и воинские люди вмалых судех ездяху по реце Волхове, со оружием, и с рогатыни, и с копии, и з багры, и с топоры, и которые люди, мужы и жены и всяк возраст, из глубины речной и вверх на воду спловет, и они прихватывают багры, и тех людей копии и рагатынями прободающи, и топоры секуще и во глубину речную без милости сурово погружающе, предаяху их горцей смерти. И бысть убо таковаго неизповедимаго кровопролития человеческому роду, грех ради напшх, неукротима ярость царева по вся дни, безпрестани, яко до пяти седмиц и болши, и на всяк убо день ввергнут и потопят в воде человек всякаго возраста числом яко до тыся-щы, а иногда и до полуторы тысящ. А тот убо день облегчен и благодарен, иже ввергнут в воду до пятисот или до шестисот. И по скончании убо того благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа

Росии самодержец, с своими государевы людми... начат ездити около Великого Новаграда по честным и великим монастырем, и тамо повеле в монастырех грабити церковныя и монастырские казны, и кельи, и служеб-ныя монастырьские домы, и всякие обиходы, в житницах хлеб всякой, стоячей в скирдах и на полях немолоченой хлеб повеле огнем сожигати. А скот их всякой, и лошади и коровы, повеле посекати. И по сих благоверный государь царь Иван Васильевичь всеа Росии самодержец, приехал из монастырей в Великий Новоград, и повеле по всему Новуграду, по всем торговым рядам, и по всем улицам, и в ленивых торжках, у градских торговых людей и в лавках всякой товар грабити, и торговые анбары и лавки повеле разсекати и до основания разсыпати. И потом государь благоверный царь и великий князь со всеми своими людми и со всеми воинскими полки начат ездити по всему Но-вуграду и по всем посадом, и повеле государь у всех градских жителей во всех домех их имения грабити, а самих людей и жен их, безпощадно, без останков, всех грабити, и дворы их, и хоромы ломати, а окна и ворота вскоре повеле без милости высекати. А в те поры государь, во время градскаго грабежу, иных государевых своих людей разсылает около Великого Новаграда на все четыре стороны, на всякую новгородцкую пятину, по станом и волостям и по усадищем боярским и по поместьям, и по всем местом около Великого Новаграда верст за двести и за полтреть-яста и болши, и повеле домы их всячески разхищати и скоты убивати у всяких людей, без пощаденья, чей кто не буди, без разсуждения. И бысть убо того неисповедимаго колебания и великаго падения, труса и кровопролития человеческому роду в Великом Новеграде и по окрестных странах около Великого Новаграда безпрестани шесть недель, грех ради наших. И того же 78-го года, месяца февраля в 3 день... повеле государь вставших новгородцов жителей изо всякой улицы по лутчему человеку поставити пред собя. Они же сташа пред царем с трепетом, дряхли и унылы, отчаяшеся живота своего, быша яко мертви, видяще неукротимую ярость цареву. И благочестивый и христолюбивый государь князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, возрев на них милостивым и кротким оком, издаст им государь царьское милостиво слово и сказа им сице: «Мужие, жителие сего Великого Новаграда!... Молите всемилостиваго и всещедраго человеколюбиваго Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь... и всех святых Его

о нашем благочестивом царьс-ком державстве, и о чадех моих..., о Иване, о Федоре, и о всем нашем христолюбивом воинстве, чтобы нам Господь Бог пода-ровал свыше победу и одоление на вся видимыя и невидимыя враги наша и супостаты...». И сия глаголы изрече и отпусти их с миром во своя домы. А владыку Новгородцкаго архиепископа Пимина, и попов и дияконов, которые не искупилися от правежу, а прочих досталних новгородцов опалных людей повеле государь отсылати за приставы в Олександрову слободу, до своего царева приезду. И как государь приехал ... в... Москву, и повеле со владыки новгородцкого Пимена сан сняти и в заточение послати в монастырь, он же тамо вскоре не по мнозе времени преставися благодарив, а прочих оставших новгородцов, опалних людей, повеле государь на Москве казнити смертною казнию, главы их отсекати. И тако тии ту скончашася. А иных мнозе испытани, повеле государь по иным городам разсылати на жителство. <...>

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. В чем князь А. М. Курбский обвинял Ивана Грозного?
2. Дайте характеристику ответам царя на послание князя А. М. Курбского.
3. Опишите карательный поход опричного войска на Новгород.

Тема 14. Присоединение народов Поволжья, Урала и Западной Сибири к России

Из «Казанской истории»

«Казанская история» (также «История о Казанском царстве», «Казанский летописец», «Повесть о Казанском царстве», «Сказание о царстве Казанском») – историческая повесть, созданная в 1564–1566 гг. (по другой версии, между 1626 и 1640 гг.) и рассказывающая о завоевании Казани Иваном Грозным в 1552 году.

Повествует о возникновении Казани, об истории Казанского царства (ханства) и взятии города войсками Ивана IV Васильевича в 1552 году.

Автор произведения – русский человек, который попал в плен в Казань, служил казанским ханам, принял мусульманство, научился

тюркскому языку и читал татарские книги. Во время взятия Казани он ушёл из города и снова принял православие.

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСѢМЪ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОЕМЪ. ГЛАВА 101

Сицев бѣ той царь князь великий. И многа при себѣ памяти и похвалы достойна сотвори: грады новые созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвиже, и монастыря общежителныя иночествующимъ устрой. И от юны версты не любяше никакия потѣхи царския: ни птичья лова, ни песья, ни звериныя борбы, ни гуселнаго звяцания, ни прегубницъ скрипѣния, ни мусикийскаго гласа, ни пискания свирѣлнаго, ни скомрах, видимых бѣсов, скакания и плясания. И всяко смѣхотворение от себе отрину, и глумники отгна, и вконецъ сих возненавидѣ. И токмо всегда о воинственнемъ попечении упражняшеся и поучение о бранѣх творяше, и почиташе доброконники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаще, и симъ во вся дни живота своего с мудрыми совѣтники своими поучашеся и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганых нашествия и от частаго плѣнения их; к сему же тщашеся и покушашеся, како бы всяку неправду и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбой, и татбы изо всей земли своей извести, правду же и благочестие в людех насѣяти, возрастити. И того ради по всей области великия державы своея, по всѣмъ градомъ и по селом изыска, устави разумныя люди и вѣрныя сотники, и пятдесятники, и десятники на вѣре и к роте приведе во всѣх людех якоже Моисей во израилтянех, да киижду блюдет числа своего, аки пастырь овцы своя, и разсмотряетъ в них, и изыскует всякого зла и неправды, и да обличает виноватаго пред болшими судьями, и, аще не престанет от злаго обычая своего, то да смерть примет о дѣле своемъ неизмолимо. И сим обычаем укрѣпи землю свою. Но ли еси не мощно злыя обычаи, издавна застарѣвшаяся в человѣцѣх, искорени и истребити!

И бысть в царствии его велия тишина во всей земли Рустей, и укротися всяка бѣда и мятеж, и великий разбой, и хищения, и татба не имѣновашеся, яко при отцѣ его бысть, и частое варварское плѣнение преста, убояша бо ся крѣпкия силы его пагании цари, и устрашишася меча его нечестивии короли, и военачалницы нагайския, мурзы, усумнѣшася блещания копей его и щитов,

и вострясошася, и побѣгоша нѣмцы с магистром ото искуснейших ратоборецъ, и сосѣче стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выя черемиская! И стеснившаяся от супостат руския предѣлы на всѣ страны разшири, и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селенми людскими, и многи побѣды на супротивных постави, яко разнымъ точию именъ воеводских боятися и трепетати. И зваху его во всѣх странах крѣпкимъ царем и непобѣдимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаще же его жива еще, и страх его свѣдуще, якоже заточеные самояди македонскимъ царем Александромъ за великия горы на край Чермнаго моря. Колижды же прихожаху агаряне на землю нашу, но не яве, якоже при отцѣ его и прадѣде, яко во всей земли, неисходяще, в руских украинах живяху, но татем прихожаху и нѣчто украдомъ похищаху, и бѣгаху, яко звирие гоними. Воеводы же московския, гдѣ убо ощутивше варвар и на кою украйну пришедших, и тамо, собравшеся, прогоняху их и, яко мышей, давляху и побиваху: то бо есть от вѣка и от рожения дѣло варварское и ремество – кормитися войною.

Тема 15. Закрепощение крестьян во второй половине XVI в.

Указ 1597 года о пятилетием сроке сыска беглых крестьян

24 ноября (4 декабря) 1597 года вышел Указ царя Фёдора Иоанновича об «урочных летах», которым впервые устанавливался пятилетний срок сыска и возвращения владельцам беглых крестьян. Согласно Указу, крестьяне, бежавшие от своих хозяев «до нынешнего… году за пять лет» подлежали сыску, суду и возвращению назад. На бежавших шесть лет назад и ранее Указ не распространялся.

Текст печатается по изд.: Памятники русского права. Вып. 4. М., 1953.

Лета 7106-го ноября в 24 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал. Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей, ис поместей и из вотчин, ис патриарховых, и из митрополичих, и изо владычних, и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет, – и на тех беглых

крестьян в их побеге и по тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав живут, тем помещиком, из-за ково они выбежали, и патриаршим и митрополичим и владычним, и детем боярским, и монастырских сел приказчиком и служкам давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы войти их назад, где хто жил. А которые крестьяне выбежали до нынешняго 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, а те помещики и вотчинники, из-за ково они выбежали... на тех своих беглых крестьян... государю не бивати челом, – и государь указал на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем оне, выбежав, живут, суда не давати и назад им, где хто жил, не вывозити.

Приговор о служилых холопах (из Указной книги Приказа Холопьего суда). 1597 г.

Приговор о служилых холопах помещен в памяти от 25 апреля 1597 г., адресованной в Холопий приказ.

Текст печатается по изд.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 2. Русская феодальная деревня XI–XVI вв. / Сост. Н. С. Борисов, А. Д. Горский; под ред. А. Д. Горского. М., 1987. С. 259–263.

Лета 7105-го апреля в 25 день, по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу, память Михаилу Ивановичу Внукову да дьяку Пятому Кокошкину. Государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры о холопех, о польных, и о докладных, и о кабальных людех, которые люди, на Москве и по городом, служат в холопъстве у бояр, и у князей, и у думных, и у приказных людей, и у детей боярьских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным и по всяким крепостям, и по кабалам по старым, и по новым записным кабалам, и от кого который холопи полные и кабальные люди побежали, и иные, с лета 7105-го февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры.

1. От которых бояр полные холопи, и кабальные и приданые люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей, и на них крепости, прислати в Холопей приказ, да тех холопей имяна,

которые у государей своих служат и которые холопи от кого збежали, и на них крепости старые, полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги. А тем всяким холопьим крепостным книгам быти за дьячею рукою, болшого для укрепления. А пошлин с старых кабал и со всяких крепостей не имати.

2. А приговорил князь со всеми бояры: Московского государьства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложения бессрочно. А ближних городов дворяном и детем боярским, и всяким служивым людем имяна холопьи, и на них крепости всякие, писати в год. А князем и дворяном, и приказным людем, которые на государевых на далных службах, в Астрахани, и на Терке, и на Сушне, и в Сибирских городех, и на Таре, с товарыщи, и тем князем, и дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людем, в ыменах холопьих и в крепостях дати сроку три года. И которыя люди служат в холопьстве у бояр и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по рядным, полные люди, и те люди, и жены их и дети, в холопстве тем своим государем и их детям, по прежнему государеву уложенью по Судебнику.

3. А у кова на холопа или на рабу была полная или докладная, или у ково по рядным и по докладным или по духовным грамотам и по иным старинным крепостям холопи служили, а те будут у них полные и докладные, и рядные, и даные, и духовные и всякие старинные крепости в московской пожар в прошлом 79-м году[1], и после того в ыные пожары погорели, или будет иным каким обычаем те у них крепости утерялись, и в том у них даваны явки, и явки сыщут, а крепостий на тех людей нет, и тем людем на тех своих крепостных и на всяких старинных людей по прежнему государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии приговору сто первого году с марта имати в службе новые крепости. А которых всяких крепостных холопей государи их, отходя сего света, от себя велели отпустить и отпускные им давали, и те холопи по тем отпускным впредь свободны, и женам и детем их впредь до тех холопей дела нет.

4. А которые люди, до государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, в прошлых годех, до лета

7000 девяносто четвертаго году июня до перваго числа, били челом в службу бояром и дворяном, и приказным людем, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы на себя служилые давали, а в книги тогды, в Приказе Холопья Суда, те служивые кабалы не писаны и которые люди, с государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, лета 7000 девяносто четвертаго года июня с 1 числа, били челом в службу бояром и князем, и дворяном, и приказным людем, и дьяком, и детем боярским и всяким служивым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы служивые на себя давали, на Москве с докладу Холопья Суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных в московских в кабалных книгах и в городех, и те служилые кабалы записываны до нынешнево государева нового уложенья, 105-го году февраля по 1-е число. И которые люди впредь с лета 7105-го году февраля с 1-го числа били челом в службу и впредь учнут бити челом в службу бояром и князем, и дворяном, и приказным людем и детем боярским, и всяким служивым людем, и гостям, и всяким торговым людем, з докладу Холопьего Суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в московских записных в кабальных книгах, и в городех у приказных людей, те служилые кабалы будут записаны, и те все люди, и жены и дети, которые жены и дети в тех служилых кабалах писаны в службу государем своим, по тем служилым кабалам, по старым и по новым быти в холопстве, как и по докладным, а от государей своих им не отходити, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам; а выдавать их тем государем по тем кабалам в службу до смерти.

5. А которого записново кабалново человека, которая кабала, старая и новая, по новому уложенью записано в книги, а в том кабалном холопьстве у ково родится сын или дочь, – и тех их дети тем своим государем в холопи, против докладных людей, по государыни их смерть, как и отцы их; и женам после мужей своих и детем после отцов своих, до тех кабальных записных людей и до их детей, которые дети в кабалах будут писаны, которые дети в том кабалном холопьстве родяться, дела нет и денег по тем отцовским кабалам на тех кабалных холопех женам и детем не указывати.

6. А которая служилая кабала на холопа, или на рабу, у которово государя старие, или будет оба государя живут в одном городе, а возмет на тово ж холопа хто, ведая, новую служилую кабалу, будет крадом тое кабалу и в книги запишет, – и тех людей, и жены и детей по тем старым служивым кабалам отда-вати прежним их государем, а по новой кабале денег не имати.

7. А которой государь, поймав, приведет к Холопью Суду своего кабальново холопа или рабу, а кабала будет у Холопья Суда в записных книгах записана, и тово холопа и рабу, по записной кабале, отдавати головою в холопство тому его государю, а в сносе дати суд.

8. А которые кабальные люди учнут на себя полные и докладные давати, и тех кабалных людей отсылати, с памятми и с кабалами, к постелничему и к наместнику трети московские к Истоме Осиповичю Безобразову, которые постелничие впредь будут.

9. А которые кабалные люди став, скажут, что они служили преж сего по кабалам, а ныне на себя дают полные и докладные, да постояв, тут же скажут, что полные и докладные на себя не дают. И Михаилу Ивановичю да дьяку Пятому Кокошкину велети тех кабалных людей присылати к себе и, записав в книги, отдавати тех кабалных людей по прежнему их в холопи, по их кабалам, по которым винятця, старым их государем.

10. А о волных людех приговорил государь со всеми бояры. Которые люди, на Москве и по городом, служат у ково добровольно, и Михаилу Ивановичю и дьяку Пятому тех волных людей велети ставити перед собою, с теми людми, кто у кого служит добровольно, да тех волных людей роспрашивати: сколь давно хто у ково служит добровольно, и кабалу на себя даст ли? И которые люди волные послужили у ково пять-шесть, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущати на волю. А кто, скажет, послужил у ково добровольно с полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот добровольный холоп у того человека служил с полгода, – и на тех водных холопей служивые кабалы давати, и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал. А который государь тово добровольного холопа одевал и обувал и кормил, и тово добровольного холопа однолично никому, мимо того

государя, никак не приимати. А кто того добровольного холопа, мимо нынешнее новое государево царево и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенье, примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати со всем страм их государем, у ково хто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа, по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Какой порядок сыска беглых крестьян устанавливался по указу от 24 ноября 1597 года?
2. Как менялся статус кабальных людей по приговору от 25 апреля 1597 года?
3. В чем значение законодательных мер правительства царя Федора Ивановича, принятых в 1597 году?

Тема 16. Гражданская война начала XVII века

Из «Сказания Авраамия Палицина»

«Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» – историческое произведение иеромонаха Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына. Написано на основе личных наблюдений автора, было завершено в 1620 году.

«Сказание» составляет главы 7–52 более крупного произведения – «История в память предидущим родом...», охватывающего период от смерти Ивана Грозного (1584) до Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618) и состоящего из 77 глав.

Сюжет «Сказания» – история героической обороны Троице-Сергиева монастыря от осаждавших его в течение года и трёх с половиной месяцев (с 23 сентября 1608 года до 12 января 1610 года) войск польско-литовских интервентов и предателей

СКАЗАНИЕ, ЧТО СОДѢЯШАСЯ В ДОМУ ПРЕСВЯТЫЯ И ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦА И КАКО ЗАСТУПЛЕНИЕМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА И ЗА МОЛИТВЪ ВЕЛИКИХ

ЧЮДОТВОРЦОВ СЕРГИА И НИКОНА ИЗБАВЛЕНА БЫСТЬ ОБИТЕЛЬ СИЯ ОТ ПОЛСКИХ И ЛИТОВСКИХЪ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМѢННИКОВ, ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРАМИА ПАЛИЦЫНА

(…) СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ТРОЕЦКОЙ СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ БЫСТЬ ВО ОСАДѢ

Наказуя убо Господь всегда нас не престает и прибѣгающих к нему приемлет, отвращающих же ся з долготерпѣнием ожидает. И сего ради попусти ны в самовластии быти, да, егда в сѣтех, не разсуждая о себѣ, увязнем, и ниоткуду помощи не обрѣтше, въскорѣ к Нему умнии очи возведем и оттуду помощь получимъ. Сице убо попусти Господь Богъ владѣтелствующих нами первѣе попрателя иноческому чину розстригу Григория Отрепиева, возвавшагося царьским сыном Дмитриемъ Ивановичем всея Русии и на царьский степень возше: и не в долго время той Григорий, достойную месть прием от Бога, злѣ скончася.

Потом же в того мѣсто инъ назвася. И достизает и до царствующаго града Москвы, но не приемлем бываетъ. Всюду же в Росии слух о немъ протече, и сего ради вси воры к нему собрашася: не на царский убо престолъ того возвести, но вся древняя царская сокровища истощити. Вся же Росия от ложных царей злѣ стражет, и богатьство от всѣх градовъ на цари отъемлемо бывает. Народ же от околних стран всюду мечь поядает. Росии убо всей царь Василий Ивановичь нарицается, от тушинскаго же вора все Росийское государьство разоряется.

Мали же нѣцыи гради в Помории не соблазнишася, и тии по крестному целованию правяще к Московскому государству. Инии же далняго ради отстояния крѣпостны быша врагом росийскимъ поляком и измѣнником сиверскимъ. Труден же путь бывает отвсюду приходити к Москвѣ всѣмъ доброхотьствующимъ по правдѣ: облегоша бо врази царствующий град воокругъ, и на всѣхъ путѣх хотящеи к нему притекати побиваеми бываютъ. И ради неимѣниа всяких потребъ конечнѣ град Москва во озлоблении бывает. От него же избѣгающеи, и не хотяще, ко врагомъ прилагахуся, и надежно о семъ врази веселяхуся.

Немало же время способствующе граду приходящеи людие, яже от Троица Живоначалныя Сергиева монастыря, ово убо прямо, ово же преимаяся преко тѣсными стезями и лѣсы нужно проходяще

даже и до самого царствующаго града и ту со избранными вои и со извѣстными хранители пред всѣмъ народом всегда обрѣтающеся. Лестцы же, отбѣгающеи от царя Василиа, всегда сицеваа вору с поляки возвѣщают, сих же врагов христианских на дом Пресвятыя Троица завистию сердца растлевают. Долго же время под Москвою стояще и хотяще ю себѣ покорити. Но всевидящему оку недовѣдомая изволившу сотворити. Всяко убо царь Василий симъ сопротивляяся; дани и оброки от царства своего приемля, по Троецкой дороги приходящая, вся воином раздавая. Измѣнницы же от его руки даемая приемаху и въскорѣ сребролюбиа ради и кровопролития ко врагом притекаху. Царствующий же град Москва сих ради измѣны всяко колеблется, но искусившися от Гриши и от Петруши, и того вора не приемлют. И прилежащеи убо отвсюду пути полских ради приходов затвержены бывают: поляки бо часто прихождаху, московские посылки побивающе.

Велика же тогда полза царствующему граду бысть от обители чюдотворца Сергия ради святыхъ его молитвъ. Иже бо к морю на полнощь живущии людие на краех Студеного моря и Окиана къ царству всякъ промыслъ возвѣщаютъ и способляют. От Великого бо Новаграда, и от Вологды, и по Двинѣ рѣцѣ до моря, и на востокъ вся Сибѣрская земля и яже за нею вси способствоваху к Москвѣ. Такоже и от Нижегородския земли и от Казани вси безизмѣнно служаще. И ис тѣх всѣх прежереченных мѣстъ егда кому нѣкуды минути, то вси во обитель чюдотворца притекаху.

Тогда же в той велицей лаврѣ архимариту Иасафу и келарю старцу Аврамию Палицыну, и с прочими доброхотствующими къ царьствующему граду, со всѣмъ усердиемъ велико тщание о сем показующе. И великъ промыслъ бываше от обители чюдотворца всѣмъ людем, к Москвѣ правящим во всяких нужах и в провожениихъ: и всяку вѣсть тѣмъ подаваху и от них восприемляху, себе убо соблюдающе и тѣх сохраняюще, до конца монастырьскую казну истощеваху. Вся Росиа царствующему граду способствующе, понеже обща бѣда всѣмъ прииде. Людие же, окрестъ живущеи обители, не токмо в сѣлех, но и от градов, мнози притекше со всею домашнею чадию ко обители чюдотворца, вѣдяще ту молитвы чюдотворца извѣстное заступление. И вси обще къ царствующему граду в бѣдах спострадуют. Воиньствующии же

людие вси питаеми бывают от трапезы преподобных чюдотворцов; и поелику мощно всяко на смерть предаахуся.

О дѣлѣ же братолюбнѣм созидаемѣм велми сердца враговъ завистию ужасахуся: боящеся окаяннии, да не како, на начальствующее свѣтило зряще, и прочии от них отступят и къ правдѣ имутъ прилагатися. К дому бо великого чюдотворца вся Росиа, яко къ солнцу, зряще, и на его молитвы концы росийстии надѣющеся, противу врагом крѣпляхуся. Но аще и мала искра огня любве Божиа во обители чюдотворца возгорѣся, но напослѣдокъ велик пламень добродѣтелный распалися. На всѣх убо путех злодѣйствующим доброхоты от обители уловляеми бывают. И того ради совѣтомъ их лукавым препона велика состроятся.

Царь же Василий Иванович вскорѣ посла тогда к западным и к полунощным странамъ – въ Дацкую землю, и в Аглинскую, и в Свѣйскую о обидѣ своей на полскаго краля и на своихъ измѣнников с ложным царемъ их, помощи прося. Ему же отдалѣвшеи по морю посланьми и дары велицѣми способствуют. Свѣйской же король Арцы-Карлус, яко близ предѣлу его сущу, и той по суху немало избраннаго воиньства на помощь присла. О сем же бѣднѣ и яростнѣ дышут сердца еретикъ злочестивых. И немедлено посылают к велику врагу христианску Александру, пану Лисовскому, плѣнующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и иныя мѣста, по Росии живущая, дабы со всѣми воиньствы к совѣту их и к поможению вскорѣ пришелъ. Еже и соверши въскорѣ: кровь пиай человѣческую и грядый со огнемъ по пути от Владимиря и от Переславля ударяется стѣнамъ дому чюдотворца. И еже не того ради шествуя сын тмы, нощь едину препроводивъ, мечем окровавливая руцѣ, утѣшается; первое зло къ богоносну мужу показавъ, – началный посад Клемянтѣево и во округъ ту жилища человѣческа в воздух дымом разлия. По его же отшествии народ во обители к мукам уготовляется. Трапеза бо кровопролитная всѣмъ представляется и чаша смертная всѣмъ наливается.

(…) ПРИХОД ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ ПАНОВ ПОЛСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУСКИХЪ ИЗМѢННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПѢГИ ДА ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВЪСКОГО И ИНЫХЪ МНОГИХЪ

В лѣта 7117-ое, въ царство благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии и при святѣйшем патриархе Ермогене Московском и всея Русии, Пресвятыя же и Пребезначалныя Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе и при келарѣ старцѣ Аврамии Палицыне, Богу попустившу за грѣхи наша, сентября въ 23 день, в Зачатие честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна, прииде под Троецкой Сергиевъ монастырь литовской гетман Петръ Сапѣга и панъ Александръ Лисовской с полскими и литовскими людми и с рускими измѣнники по Московской дорогѣ.

И бывшу ему на Клемянтѣевскомъ полѣ, осадные же люди, из града вышедше, конные и пѣшие, и с ними бой великъ сотвориша, и милостию Пребезначалныя Троица многих литовских людей побили, сами же во градъ здравы возвратишася.

Богоотступницы же, литовские люди и руские измѣнники, сия видѣвше, воскричаша нелѣпыми гласы, спѣшно и сурово обходяще со всѣх стран Троицкой Сергиевъ монастырь. Архимаритъ же Иасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вниде во святую церковь Святыя Живоначалныя Троица, и ко образу Пресвятыя Богородица и ко многоцѣлбоносным мощемъ великаго чюдотворца Сергиа молящеся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякиа службы огню предаша, да не когда врагом жилище и тѣснота велия будетъ от них. Гетман же Сопѣга и Лисовъской, разсмотривше мѣстъ, идѣже имъ с воиньствы своими стати, и раздѣлившеся, начаша строити себѣ станы и поставиша два острога и в них крѣпости многие сотвориша и ко обители пути вся заняли, и никому минути мимо их невозможно ни в дом, ни из дому чюдотворца.

О УКРѢПЛЕНИИ ОСАДЫ

Осадные же воеводы, князь Григорей Борисович Долгорукой да Алексѣй Голохвастовъ, и дворяне приговорили с архимаритом Иасафом и з соборными старцы, что покрѣпити бы град осадою и всѣх бы людей привести х крестному цѣлованию, и головамъ быти старцом и дворяномъ, и раздѣлити градския стѣны, и башни, и ворота, и наряд устроити по башням и в подошевных боехъ, да всяк кождо их вѣдает и хранитъ свою страну и мѣсто и вся яже на бранную потребу устрояютъ, и с приступными людми бьются со стены, а из

града и на иную ни на которую службу да не исходят. А на выласку и въ прибавку къ приступнымъ мѣстом людей особь устрояют.

Празднику же свѣтло торжествуему память преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца, сентября въ 25 день, и бѣ тоя нощи ничто же ино от градских людей слышати развѣ воздыхание и плачь, понеже от околних мнози прибѣгше и мнѣвше, яко вскорѣ преминется великая сия бѣда. И толика тѣснота бысть во обители, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози же человѣцы и скоты бес покрова суще; и расхищаху всяка древеса и камение на создание кущь, понеже осени время наста и зимѣ приближающися. И друг друга рѣюще о вещи пометнѣй и от всяких потребъ неимущих всѣмъ изнемогающим; и жены чада раждаху пред всѣми человѣки. И не бѣ никому съ срамотою своею нигдѣ же скрытися. И всяко богатьство небрегомо и татми не крадомо; и всякъ смерти прося со слезами. И аще бы кто и камяно сердце имѣлъ, и той, видя сия тѣсноты и напасти, восплакался, яко исполнися на нас пророческое слово реченное: «Праздники ваша свѣтлыа в плач преложу и в сѣтование, и веселие ваше в рыдание».

(…) О ПОСТАВЛЕНИИ ОКОЛО ГРАДА СТѢНОБИТНЫХ ХИТРОСТЕЙ

Того же мѣсяца въ 30 день богоборъцы, Сапѣга и Лисовской, приимше отписку и видѣвше к ним непокорение градских людей, и исполнишася ярости и повелѣша всему своему литовскому и рускому воиньству приступати ко граду со всѣх стран и брань творити. Градстии же людие биющеся с ними крѣпко, Сапѣга же и Лисовской повелѣша туры прикатити и наряд поставити. И той нощи туры многие прикатили и наряд поставили. Первые за прудом на Волкуше горѣ, другие за прудом же подлѣ Московской дорогѣ; третьие за прудом же на Терентѣевской рощи; четвертые на Крутой горѣ противъ мѣлниць, пятые туры поставили на Красной горѣ против Водяные башни; шестые поставили на Красной же горѣ против погребов и Пивново двора и келарѣвых кѣлей; седмые по Красной же горѣ против келарские и казенных полатъ; осмые из рощи на Красной же горѣ против Плотнишные башни; девятые туры поставили на Красной же горѣ подлѣ Глиняново врага, противъ башни Конюшенных воротъ. И подлѣ туров ископаша ровъ великъ, из рощи от Келарева пруда и до Глиняново врага, и валъ высок насыпали, и по-за тому валу конные и пѣшие люди ходяще.

О НАЧАЛѢ СТРѢЛБЫ ПО ГРАДУ

Мѣсяца октября въ 3 день начаша бити из-за всѣх туровъ, и биюще по граду шесть недѣль беспрестанно изо всего наряду и из верховых, и разженными желѣзными ядры. Обители же Пресвятыя и Живоначалныя Троица покровена бысть десницею вышняго Бога, и нигдѣ же не зажгоша. Ядра бо огненые падаху на празные мѣста, в пруды и въ ямы мотылныа, а разженые желѣзныя ядра из древяных храмин безпакостно изимающе. А иже увязнувших в стѣнах не узрят, тии сами устываху. Но воистинну убо дѣло се промыслъ бысть самого превѣчнаго Бога Вседеръжителя, яже творит преславная имиже вѣсть неизреченными своими судбами. Сущии же на стѣнахъ града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стѣны: изо рвов бо и изъ ямъ меж зубцов прицѣлены быша пищали. И тако людие стояще неотступно, ждуще приступу, и о сем едином и крѣпляхуся. А иже в башнях у наряду, и тѣм велика бѣда бысть и муки от стрѣляния. Стѣнам бо градным трясущимся, и камению разсыпающуся, и вси злѣ страждуще. Но дивно о сем строение Божие бѣ: во время бо стрѣляния зряще вси плинфы разсыпающеся и стрѣлницы и стѣны сътрясаемы, по единому бо мишеню от утра даже до вечера стрѣляние бываше, паки же стѣны нерушимы пребываху. Сповѣдающе же часто о сем врази, яко «зрим всегда в стрѣлянии огнь исходящь от стѣнъ и дивимся о сем, что не от камени, но от глины искры сыплются».

И бысть во градѣ тогда тѣснота велиа, и скорбь, и бѣды, и напасти. И всѣмъ тогда сущим во осадѣ кровию сердца кипяху, но от полезнаго дѣла, еже наченше, не престаху. Смерти же ожидаху, но на Господа Бога упование возлагаху и всяко ко врагом сопротивляхуся. Еще же блядяху богоборцы лютори и песьими своими языки богохулная и никоея же надежи на Господа Бога имѣти глаголюще. «И не возможете, – глаголюще, – избѣжати от рук наших никакоже». Такоже поругающеся имени великого чюдотворца Сергиа и ина многаа богохулная блядяху.

(…) О РВѢ И ПОДКОПѢ

Того же мѣсяца октября въ 6 день поведоша ровъ ис подгорья от мелницы возлѣ надолоб на гору х Красным воротам и к надолобам, слоняюще доски, и к нимъ сыпаху землю. И доведоша ровъ на гору против Круглые башни.

Того же мѣсяца въ 12 день ис того же рва повели подкопы под Круглую науголную башню противъ Подолного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ И О ПИРШЕСТВѢ И О ИГРАХ

Того же мѣсяца въ 13 день Сопѣга сотвори пиръ великъ на все войско свое и на крестопреступников, руских измѣнников. И чрез весь день бѣсящеся, играюще и стрѣляюще, к вечеру же начаша скакати на бахматех своих многиа люди и з знамяны по всѣмъ полям по Клемянтиевъским и по монастырским около всего монастыря. По семъ Сапѣга из своих табар вышел с великими полки вооруженными и сталъ своим полкомъ у туровъ за земляным валомъ противъ погреба и Келарские и Плотнишные башни и до Благовѣщенского врага, а Лисовъского Александра полцы – по Тѣрентѣевской рощи и до Сазанова врага и по Переславской и по Углецкой дорогѣ и за Воловию двору до Мишутина врага. Из наряду же из-за всѣх туров, изо многих пушек и пищалей по граду бьюще беспрестани.

О ПРИХОДѢ ПѢШИХ ЛЮДЕЙ КО ГРАДУ

В нощи же той на первом часу множество пѣших людей, литовских и руских измѣнников, устремишася к монастырю со всѣх стран с лѣствицы и с щитами и с тарасы рублеными на колесех и заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду. Граждане же бияхуся с ними с стѣн градных, такоже изо многих пушек и пищалей, и, елико можаху, много побиша литвы и руских измѣнниковъ. И тако милостию Пребезначалныя Троица и молитвъ ради великих чюдотворцов не даша имъ тогда близ града приступити и никоторой пакости граду учинити. Они же, пьяньством своим изгубивше своих много, отоидоша от града. Тарасы же, и щиты, и лѣствицы пометаша. На утриа же, из града вышедше, вся тая во град внесоша и, тѣм брашна строяще, огню предаша.

Литва же и руские измѣнници, паки тѣм же образом приходяще, стужаху гражданом, ратующе град за седмь дний без опочивания. Овогда же ко граду подъѣжжающе с великими грозами и прещениемъ, иногда же с лестию просяще града, и показующе множество вои, да убоятся граждане. И елико убо врази стужающе имъ, тогда сущии во градѣ паче укрѣпляхуся на них. И тако окаяннии лютори и рустии измѣнницы всуе трудишася и ничто же успѣша, но паче своихъ многих погубиша.

(…) О ПРИХОДѢ ЛИТВЫ НА ОГОРОД КАПУСТНОЙ

Того же мѣсяца въ 19 день приидоша литовские люди на огород капусты имати. Из града же увидѣвши, яко немного людей литовских, и не по воеводскому велѣнию, но своимъ изволениемъ, спустившеся съ стѣн градных по ужищем, и литовъских людей побили, а иных переранили. И в то же время в литовские полки утече служень детина Оски Селевина.

О ВЫЛАСКѢ

Воеводы же, князь Григорей да Алексѣй, устроиша из монастыря на литовских людей выласку конными и пѣшими людми. Одинъ полкъ поиде на огород Капустной по плотинѣ горняго пруда къ Служнѣ слободѣ, другой полк – за токарню на Княже поле и за Конюшенной двор. Пѣшие же люди поидоша с конными на Красную гору за враг к туром. В то же время троецкой служка Оска Селевинъ, забывъ Господа Бога, утече в литовской полкъ. Литва же и измѣнники руские, видѣвше троецкое воиньство изшедших из града, и абие устремишася сурово. И от обою страну мнози пивше смертную чашу. У туров же у литовского наряду побили и поранили стрелцовъ, и казаков, и даточных людей немало, и голову у них, троецкого слугу Василия Брехова, ранили, и еще жива в монастырь внесоша и с прочими битыми и раненными. Архимарит же Иасаф живых пострищи повелѣ и причастити Святых Тайнъ, Тѣла и Крове Христа Бога нашего. И тако со исповѣданиемъ предаша душа своя в руцѣ Господеви. И, освященным собором отпѣвше надгробная, погребоша их честно.

(…)

О ВЫЛАСКѢ И О ПОИМАНИИ ПАНА БРУШЕВЪСКАГО

Воеводы, князь Григорей и Алексѣй, со всѣм христолюбивым воинством, пѣвше молебенъ соборнѣ, учиниша выласку на Княже поле в Мишутинской враг на заставы рохмистра Брушевского и на Суму с товарыщи. И Божиею помощию заставу побили и рохмистра Брушевского Ивана взяли, а рохмистра Герасима на Княжом полѣ и роту его побили, а Сумину роту топтали до Благовѣщенского врага. Врази же, видѣвше своих падение, и вскорѣ приидоша многими полки конные и пѣшие. Градстии же людие, мало-помалу отходяще, внидоша вси во град здравы и ничим же вреждены. Архимарит же со освященным собором, пѣвше молебны съ звоном, благодарственныя хвалы воздающе Всемогущему Богу. Брушевъской же панъ в роспросе

и с пытки сказал, что подлинно ведутъ подкопы под городовую стѣну и под башни. А под которое мѣсто ведут подкопы, того, сказал, не вѣдает. «А хвалятся дѣ наши гетманы, что взяти замок Сергиев монастырь и огнем выжечи, а церкви Божиа до основания разорити, а мнихов всякими различными муками мучити, а людей всѣх побити. А не взявъ монастыря, прочь не отхаживати. Аще и год стояти, или два, или три, а монастырь взяти и в запустѣние положити».

Богоборцы же тогда разъяришася велми и начаша гражданом стужати злѣ и залегоша по ямам и по плотинам прудовым, не дающе градским людем воды почерпсти, ни скота поити. И бѣ во градѣ тѣснота и скорбь велиа, и мятеж бѣ великъ осаднымъ людемъ.

О СЛУХѢХЪ

Воеводы же, совѣтовавше с архимаритом Иасафом и з братиею и со всѣми воинскими людми, повелѣша во градѣ и под башнями и в киотѣх стѣнных копати землю и дѣлати частые слухи [48] троецкому слугѣ Власу Карсакову: той бо тому дѣлу зѣло искусенъ. И за се дѣло ятся. В внѣ града от Служни слободы повелѣша глубочайший ров копати. Литва же, видѣвше ровъ копающих, в началѣ перваго часа дни абие прискочивше ко рву множество людей пѣших вооружены зѣло и начаша побивати православных християн лютѣ. Из града же прицѣлены быша к тому мѣсту пушки и затинные многие и побиша литвы много. К сему же и из града поспешиша многие воинские люди и множество их побили и многих живых взяли и во град введоша. Литва же, не возлюбивше от града частых поминковъ, тыл показавше, вспять возвратишася.

О ИСТЯЗАНИИ ЯЗЫКЪ И О ЧИСЛѢ ВОИНИСТВА ЛИТОВСКАГО И ИЗМѢННИЧЬЯ

Воеводы же новопоиманых языков повелѣша пытати и истязати распросы и пытками о думѣ их и о числѣ воинства их. Они же сказаша, что подлинно гетманы их надѣются град взяти подкопы и тяжкими приступы. А подкопы уже повели под башни и под городовую стѣну октября во 12 день. А которое мѣсто ведут, того не вѣдают. А пановъ радных: князь Констянтинъ Вишневецкой, да четыре брата Тишкѣвичи, панъ Талипской, панъ Велемоской, панъ Козоновской, панъ Костовской и иных 20 панов; а рохмистровъ: Сума, Будило, Стрѣла и иных 30 рохмистровъ; а воинских людей: с Сопѣгою полские и литовские люди, желныри, подолские люди, гусары руские, прузкие, жемоцкие, мозовецкие, а с Лисовским

дворяне и дѣти боярские многих розных городов, тотарове многие, и черкасы запорозские, казаки донские, волоские, сѣверъские, астороханские. И всего войска с Сапѣгою и с Лисовским до 30 000, кроме черни и полоняниковъ.

О ПОБИЕНИИ ГРАДСКИХ ЛЮДЕЙ И О УЖАСТИ ВЕЛИЦЕЙ ВО ГРАДѢ

Мѣсяца ноября въ 1 день, на память святых безсребреник Козмы и Дамиана, во втором часу дни из града устроиша выласку конными и пѣшими людми на литовских людей. Богу попустившу грѣх ради наших, и сего ради охрабришася на нас врази и многих градских людей побили и поранили, подщавшихся положити главы своя за святую православную вѣру и за обитель преподобнаго отца нашего чюдотворца Сергия. И на том бою убили слугу нарочита Копоса Лодыгина ис пушки, и соверши его Богъ во иноческом чину преставитися. Тогда же на выласкѣ грѣх ради наших побили и поранили троецких всяких людей 190 человѣкъ, да въ языки взяли на подкопном рвѣ старца священника Левкию, да трех служних людей, да московского стрелца, да дву клемянтѣевскихъ крестьянских дѣтей.

Архимарит же раненых постричи повелѣ, и причастившеся Тѣла и Крове Христа Бога нашего, и преставишася в вѣчныя обители. И погребоша их честно, соборнѣ отпѣвше над ними надгробныя пѣсни. А живых раненых лечити повелѣ и покоити монастырскою казною. Еретическое же исчадие и измѣнницы руские горше перваго ратоваху град. Тогда же бысть во граде всѣмъ православным христианом скорбь велика, и плачь велик, и ужасть ради подкопов, понеже слух во ушеса всѣх людей разыдеся, что ведут литовские люди подкопы, а о том достигнути не могут, под которую стѣну или башню ведутъ. И тако вси смерть свою коиждо пред очима видяще, и вси притичюще къ церкви Живоначалныя Троица и к цѣлбоносным мощем теплых заступниковъ наших, великих чюдотворецъ Сергиа и Никона, и вси на покаяние к Богу обратишася, исповѣдающеся Господеви и отцемъ своим духовным. Ови же и причастишася Тѣла и Крови Господня, къ смерти готовящеся.

О УТѢШЕНИИ ИНОКЪ

Добродѣтелнии же суще иноцы, обходяще по всему граду, молящеся христолюбивое воинство и всѣх людей, глаголюще: «Господие и братие, прииде час прославити Бога и Пречистую его

Матерь, и святых великих чюдотворцовъ Сергия и Никона, и нашу православную христианскую вѣру! Мужайтеся и крѣпитеся и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надежею, яко да и нас помилуетъ и прославит Всещедрый Господь Бог! Не унывайте убо в скорбѣхъ и бѣдах, нашедших на ны! Но упование возложим на Бога и на молитвы великих наших заступников Сергиа и Никона, и узрим славу Божию! Той бо может избавити нас от рукъ всѣх врагов наших. Аще ли, братие, кто и постражет нынѣ во время се, той мученикъ будет Господеви своему, понеже пострада за превеликое его имя!» И тако укрѣпляюще всѣх православных христианъ, сущих на стѣнах града. И сего ради вси паче охрабришася, биющеся крѣпце со враги своими.

Воеводы же повелѣша стрелцом и всяким охочим людем исходити из града нощию тайно ради языковъ по ямом и во рвѣх, что они ископали близ града. И милостию Божиею языков много емлюще и водяще во град. Подкопнаго же мѣста никакоже возмогоша у них довѣдатися: вси глаголюще, что есть подкопъ, а под которое мѣсто ведут, того не вѣдают.

О ПРИСТУПѢ

Того же мѣсяца въ 2 день въ 3-м часу нощи в литовских полцѣх бысть шум велик и заиграша во вся игры, поидоша на приступъ ко граду, яко и преже. Градские же людие бьяхуся с ними крѣпко, не дающе имъ ко граду приступити.

О ЯВЛЕНИИ СЕРЬГИА ЧЮДОТВОРЦА АРХИМАРИТУ ИАСАФУ

В то же время въ церкви Пресвятыя Троица архимариту Иасафу воздрѣмавшу, и се внезапу видит святаго и блаженнаго отца нашего Сергия, великаго чюдотворца, стояща против чюдотворного образа Святыя Живоначалныя Троица и руцѣ свои горѣ воздѣвша и молящася со слезами Святѣй Троицы. И обращся святый ко архимариту и глагола ему сице: «Брате, въстани, се время пѣнию и молитвѣ час, „бдите и молитеся, да не внидете в напасть». Господь Всесилный многих своих ради щедрот помилова вас и прочее время подастъ вамъ, да в покаянии поживете». Архимарит же Иасафъ о семъ явлении, одержим страхом многим, исповѣда всей братии.

Гордостию же надмени, литовские люди тяжко и беспрестанно ратующе град Троецкой, прокативше туры и тарасы многие ко граду. Из града же удариша изо многих пушекъ и пищалей по щитом

и тарасом ихъ, которые быша близ града, и много литовских людей побили. Дню же наставшу, из града вышедше конные и пѣшие люди и от града литовских людей отогнаша. Они же побѣгоша, гонимы гнѣвом Божиим. Градстии же людие приступныя козни их вся огню предаша, а иныя во град внесоша.

В четвертый же день того же мѣсяца в нощи паки литва своим дѣлом промышляюще, но издалеча, а ко рву и къ стѣнам близко приходити не смѣюще. Из града же вышедше пѣшие люди к литовъским людем к Нагорнему пруду за надолобы близко подкопново рву. Литва же и руские измѣнницы восташа изо рвовъ и изъ ямъ, яко дѣмоны, нападоша на градских людей и сотвориша бой велик. На бою же том убили троецкого слугу Бориса Рогачева и многих слугъ, и стрѣлцов, и казаков поранили; тогда же емше казака Дѣдиловского ранена. Онъ же в роспросе и с пытки сказал, что подлинно подкопы поспѣвают, а на Михайлов день хотят подставливати под стѣны и под башни зелие.

Воеводы же водяще его по городовой стѣнѣ, он же все подлинно указал мѣста, под которую башню и под городовую стѣну подкопы ведут. И изнемогаше от многих ранъ и начат умирати. И вопияше великим гласомъ со слезами и рыданиемъ: «Сотворите мнѣ, винному и бѣдному человѣку, великую милость, дайте мнѣ, Бога ради, отца духовнаго, сподобите мя быти причастника Святым Христовым Тайнам!» Архимарит же Иасафъ повелѣ его, поновив, причастити Святых Христовыхъ Тайнъ.

Воеводы же во градѣ против подкопов от Подолныя стѣны до Святых ворот велѣли острог поставити и тарасы насыпати и наряд устроити.

О ИВАНЕ РЯЗАНЦЕ

Тоя же нощи прииде в Троецкой монастырь выходецъ из Лисовских табаръ казакъ Иван Рязанец станицы атамана Пантелѣймона Матерово, а сказал, что подкопы подлинно поспѣли под нижнюю под Круглую башню.

Да тот же казакъ Иванъ Рязанецъ сказал сицеву повѣсть: «Дѣялося де в прошлую нощь с суботы на недѣлю: было явление атаманомъ и казаком, а сказывал атаман нашъ Пантелѣймон Матерой, такоже и от нас мнози видѣли своима очима, и иных станицъ атаманы и казаки многие то же видѣние видѣли и глаголы старца слышели жестоки з запрещением. Видѣша бо около града по

поясу ходящих дву старцов – брады сѣды, свѣтозарны образом, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чудотворцом Сергию и Никону. Един же в руцѣ имѣяше кадилницу злату, а над кадилницею Животворящий Крестъ и кадяще обитель свою и ограждаше Честнымъ и Животворящим Крестомъ стѣны града. Другий же имѣяше в руцѣ своей правой кисть, яко кропило, въ другой же руцѣ чашу. И, кропя святою водою стѣны и прочая вся во обители и поюще своими усты велегласно тропарь „Спаси Господи, люди своя», кондак „Вознесыйся на крестъ", – оба до конца. И обращся к нашим полком преподобный, – от лица же его неизреченный свѣт сияше, яко огнь паля, – и глаголаше ярым гласомъ и жестоко претя: „О злодѣю законопреступницы! Почто стекостеся разорити дом Пресвятыя Троица, и в ней Божиа церкви осквернити, и иночествующих и всѣх православных христианъ погубити? Не дастъ вам жезла на жребий свой Господь!" Нашим же окаянным казаком и литовским людем по них стрѣляющим из луковъ и из самопалов, стрѣлы же и пулки наши от них отскачюще, к нам возвращахуся и многих уязвляху; и многие люди ранены от тех пулекъ в наших полцех помроша на извѣщение и на болшее чюдо прославляющу Богу угодников своих». И тоя же нощи во снѣ явися преподобный чюдотворец Сергий атаманом и многим казаком.

Тѣм же образом явися и гетману и радным паном, и рохмистромъ, претя жестоко и глаголя сице: «Молбу на вас, злодѣевъ, сотворю Вышнему Царю, и во вѣки осуждени будете мучитися в геонских муках». И быша, яко молниа и громи страшни, и от востока истече рѣка велика, а от запада и полудне два езера велики, и снидошася вси трие во едино; и взыде вода, яко гора велика, и потопи всѣ полки литовския и всѣх безвѣстно сотвори. На утрия же сшедшеся Сопѣга и Лисовъской и со всѣми рускими измѣнники вкупѣ и сказывающим имъ сны своя друг другу и глаголюще: «Что се хощет быти? Воды многи потопиша полки наша!» Тогда же предстоя пред ними донской атаман Стефан Епифанец станицы Смаги Чертенского, имѣя под собою войска пятсотъ казаков, и глагола имъ: «Великиа гетманы, аз скажу вамъ: сны сия не на добро бывают. Се убо знамение являет преподобный Сергий чюдотворецъ: яко не водам повелѣваетъ потопити, но множество православных христианъ вооружитъ на нас. И велико падение нашим людемъ будет». Литовские же люди великою

кручиною объяти бывъше, сиа слышавше, и совѣщаша его с казаки побити, глаголюще, яко «сей возмущает полки наша и ужасаетъ люди воиньскиа». Стефан же и казаки, увѣдевше сиа, и собравшеся вси пятьсотъ человѣкъ и тоя же нощи побѣгоша, обѣщавшеся ко Святѣй Живоначалнѣй Троицѣ и Пречистой Матери Божии и великим чюдотворцом Сергию и Никону потомъ таковаго зла не творити, ни царствующему граду, но с православными христианы стояти за один на иновѣрныя; и призывающе в помощъ великих чюдотворцов. Полцы же литовъскиа догнаша их в Троецкой волости в Вохне на рѣкѣ на Клязмѣ. Они же помиловани быша от Бога молитвъ ради преподобных отецъ Сергия и Никона, отоидоша от литовских людей ничим же невреждены. Такоже и Оку рѣку превезошася ниже Коломны и приидоша на Донъ к своему атаману вси здравы.

О сем же знамении и о Стефанѣ Епифанцѣ атаманѣ принесоша ми писаниицѣ оставшиися иноцы во обители чюдотворца, ово же словом повѣдающе ми о семъ. Аз же и сиа повелѣх здѣ вписати, аще истинна есть и сия, яко да не обрящуся от Бога раб нерадив и презоривъ о чюдесѣх преподобных отецъ. Сия же до здѣ.

Воеводы же совѣтовавше со архимаритом Иасафом и з старцы и со всѣми воиньскими людми, чтобы очистити испод городовыя стѣны в ров потайные ворота для скорые выласки. Каменосѣчцы же, сыскавше старой вылаз подлѣ Сушилныя башни, и очистили и трои двери придѣлаша к ним желѣзные.

О СТРЕЛБАХ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же мѣсяца въ 8 день на праздникъ собора святаго архистратига Михаила. День той пребысть плача и сѣтованиа, яко уже преиде 30 дней и 30 нощей и беспрестанно со всѣх стран из-за всѣх туров изо штидесят трех пищалей биюще по граду и из верховых.

В той же день иде въ церковь Святыя Троица клирикъ Корнилей, и внезапу прилетѣ ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колѣно, и внесоша его в паперть. И по Божественей литоргии причастися Животворящих Тайнъ Христовыхъ и глаголаше архимариту: «Се, отче, Господь Богъ архистратигом своимъ Михаилом отомстит кровь православныхъ християн». И сия рекъ старецъ Корнилей, преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу, оторвало руку правую и с плечем.

Воеводы же и вси осадные люди во градѣ, избравше старцовъ добрых и воиских людей, которым ити на выласку и на подкопъные рвы, и разрядивше войско и учредиша по чину. В Михайлов же день святого архистратига поющим вечерню, и вси сущии во обители людие с воплем и рыданием и в перси биеньми просяще милости у Всещедраго Бога, и руцѣ воздвижуще горѣ и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны, погибающихъ, скоро предвари и избави нас от погибели сея имени твоего ради святаго. И не предай же достояниа твоего в руцѣ скверным симъ кровопийцам».

Врази же Святыя Троица дѣломъ своимъ коварствено промышляюще о градоемъствѣ и беспрестанно стрѣляюще изо многих пушек и пищалей. Во время же псалмопѣниа внезапу ядро удари в болшой колоколъ, и сплы во олтарное окно Святыа Троица, и проби в дѣисусѣ у образа архистратига Михаила дску подлѣ праваго крыла; и ударися то ядро по столпу сколзь и сплы въ стѣну, отшибеся в насвѣщник пред образом Святыя Живоначалныя Троица и наязви свѣщник, и отразися в лѣвой крылос и развалися. В той же часъ иное ядро прорази желѣзныя двери с полуденныя страны у церкви Живоначалныя Троица и проби дску мѣстнаго образа великого чюдотворца Николы выше лѣвого плеча подлѣ венца; за иконою же ядро не объявися.

Тогда убо в церкви Святыя Троица нападе страх великъ на вся предстоящая люди, и вси колеблющеся. И полианъ бысть мостъ церковной слезами, и пѣнию медлящу от множества плача. И воздѣюще руцѣ свои горѣ къ Пребезначалнѣй Троицѣ и ко Пречистѣй Богородици и великим чюдотворцом Сергию и Никону и молящеся о помощи и заступлении от враговъ.

Во время же стихеръ пѣниа архимарит Иасафъ в велицѣй печали сѣтуя и сведен бысть в забытие мало, и се видит великого архистратига Михаила; лице же его, яко свѣть, сиаше, и в руку своею имѣяше скипетръ и глаголаше к сопротивным: «О врази лютори! Се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа доиде. Всесилный же Богъ воздастъ вам въскорѣ отмщение». И сия рекъ святый, невидим бысть. Архимарит же повѣда се видѣние всей братии. И облекошася во священныя ризы и пѣша молебны Всесилному Богу и архистратигу Михаилу.

На Терентѣевской же рощи бѣ у них пищаль люта зѣло, зовома Трещера. Воеводы же повелѣша стреляти на Терентѣевскую гору по

литовскому наряду из башни Водяных ворот. Удариша по болшой их пищали по Трещерѣ и разбиша у нея зелейникъ. Такоже и от Святых ворот с Красныя башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устие. И видѣша с Троицкого града сущии людие, благодариша Бога, яко разруши злый той сосуд.

Архимариту же Иасафу келейное правило правящу и взирающу на образ Пресвятыя Богородица и со слезами прося помощи и заступления, и воздрѣма. И видит в келию вшедша преподобнаго отца нашего Сергиа и глаголюща: «Въстани, не скорби, но в радости молитвы приноси, предстоит бо и молится Богу о обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодѣва Мариа со аггелскими лики и со всѣми святыми». Паки же и иныя старцы повѣдали различная знамения – священноинок Генадей, и священноинокъ Гурей, и священноинокъ Кипреян, и иныя мнози черноризцы и миряне, яко видѣша святаго Сергиа чюдотворца, ходяща по монастырю и будяща братию и глаголюща сице: «Идѣте, иноцы, немедлено во святую церковь и обрящете благодать». И потом видѣша вшедша въ церковь Святыя Троица Серапиона, архиепископа новгородскаго, во святительстей одежди и во святѣмъ олтари пред образом Святыя Богородица ставша. И обратився к нему святый чюдотворец Сергий, рече: «Отче Серапионе, почто умедлилъ еси принести моление ко Всесилному Богу и Пречистѣй Богородицы?» Святый же архиепископъ Серапионъ, воздѣвъ свои руцѣ, и возопи: «О Всепѣтая Мати, рождшиа всѣх святых святѣйшее Слово! Нынѣшнее приношение приемши, от всякия напасти избави всѣх и грядущая изми муки, вопиющая: аллилуйа!» И абие начаша благовѣстити к заутреннему пѣнию. Старцы же, сиа видѣвше, исповѣдаша архимариту и воеводам.

Сиа же старцы вси отидоша къ Богу еще во осадѣ тогда бывшии. Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничей. Аз же, исправив сие, повелѣх написати.

О ВЫЛАСКѢ И ОБРѢТЕНИИ ПОДКОПОВ И О ЗАРУШЕНИ ИХ

Воеводы, князь Григорей Борисович и Алексѣй, урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь Святыа Живоначалныя Троица, знаменавшеся к чюдотворным образомъ и къ целбоносным мощемъ преподобнаго отца нашего Сергиа чюдотворца. И пришедше ко вратом потайным, повелѣша выходити по малу и во рву укрыватися. В то же время с Пивного двора вышли головы

в воеводское мѣсто туляне Иванъ Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриковъ переславецъ с своими сотнями и з даточными людми на Луковой огород и по плотине Красного пруда. Также и ис Конюшенных ворот вошли со многими знамены головы дворяне: Иванъ Ходыревъ олексинецъ, Иванъ Болоховской володимерецъ, переславцы Борис Зубовъ, Офонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы троецкие во всѣх полках.

И егда начаша из града выходити за три часа до свѣта, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, яко ни человѣка видѣти. Таково Господь Богъ тогда и время устрои своими неизреченными судбами.

Людие же вышедше из града и ополчишася. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки, и очисти воздух, и бысть свѣтло. И егда удариша в осадные колокола потрижды, тако бо повелѣно имъ вѣсть подати, Иван же Ходырев с товарыщы, призвавше на помощь Святую Троицу и крикнувше многими гласы, нарекше ясакъ Сергиево имя, и вкупѣ нападоша на литовских людей нагло и мужественно. Они же, услышавше ясакъ той, и абие возмятошася и, гнѣвом Божиимъ гонимы, побѣгоша.

В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарыщы и со всѣми людмиприиде противъ подкоповъ на литовских людей, возвавше той же ясакъ, збивше литву и казаковъ под гору на Нижней монастырь и за мелницу. А Иван Есипов с товарыщы своимъ полком бьющеся с литвою по Московъской дорогѣ по плотинѣ Красного пруда до Волкуши горы. Старцы же Сергиева монастыря ходяще в полкахъ, бьющеся с литвою, и укрѣпляюще люди не ослабляти в дѣлех. И тако вси охрабришася и бьяхуся крѣпко, глаголюще друг другу: «Умрем, братие, за вѣру христианскую!»

И благодатию Божиею тогда обрѣтоша устие подкопа. Въскочьше же тогда во глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне клемянтиевские Никон, зовомый Шилов, да Слота; и егда же зажгоша в подкопѣ зелие с калы и смолу, заткавше устие подкопа, и взорва подкопъ. Слота же и Никон ту же в подкопѣ згорѣша.

Градстии же людие приступающе крѣпко к Волкушѣ горѣ к наряду литовскому; они же стрѣляюще из-за туровъ. Тогда же ранили голову Ивана Есипова и троецких людей прогнали до Нижняго монастыря. Голова же Иванъ Внуковъ, обратився съ своими

людми от Нижнево монастыря по плотинѣ и по пруду, и прогна литву и казаков на Терентѣевскую рощу и до Волкуши горы, побивающе ихъ нещадно. Троецкой же слуга Данило Селевинъ поносим бываше отъѣзда ради брата его Оски Селевина, и не хотяше измѣнничья имени на себѣ носити и рече пред всѣми людми: «Хощу за измѣну брата своего живот на смерть променити!» И с сотнею своею прииде пѣшь к чюдотворцову Сергиеву кладязю на измѣнника атамана Чику с казаки его. Данило же силенъ бяше и гораздъ саблею и посѣкая многих литовъских людей, к сему же и трех вооруженых на конех уби. Литвин же удари Данила копиемъ в груди, Данило же устремися на литвина того и уби его мечем, сам же от раны тоя начатъ изнемогати крѣпце. И вземше его, отведоша в монастырь, и преставися во иноческом образѣ.

Головы же Иванъ Ходыревъ, Борис Зубовъ со своими сотнями прогнаша литву и казаковъ за мелницу на лугъ. А Иван Внуков остася на Нижнем монастырѣ. Атаман же Чика уби Ивана Внукова из самопала. И отнесоша его в монастырь. И бысть троецким людем скорбь велиа о убитых дворянех и слугах, понеже быша мужествени и ратному дѣлу искусни.

Троецкое же воиньство паки исправяся убили дву полковников, дворян королевских, Юрья Мозовецкого да Стефана Угорскаго, да четырех рохмистровъ желнырьских и иных панов, и всяких людей многих побили и поранили. А живых поиманых языков во град введоша.

О ВЗЯТИИ ЛИТОВСКОГО НАРЯДУ

Того же дни градстии людие, овии убо от многаго труда во град внидоша, овым же еще дерущимся с литвою и с рускими измѣнники, нѣкоим же боголюбивым иноком вложи Богъ благую мысль, и приидоша на Пивной дворъ к чашнику старцу Нифонъту Змиеву глаголюще: «Отче Нифонте! Врази наши одолѣвают намъ, но Святая Троица дарова нам бѣдным велику помощь над враги: подкопы их отняли и зарушили; и к тебѣ сего ради приидохом: даждь намъ о сем совѣтъ, чтобы еще отняти у литовских людей на Красной горѣ туры и своему воиньству помощь и отраду сотворити». Старец же Нифонтъ, и с прочими старцы посовѣтовав, и вземше с собою двѣстѣ человѣк ратных и старцовъ тридесят и поидоша с Пивново двора на выласку; и прешедше прудовую ручевину, и взыдоша на Красную гору к туром и к наряду литовскому.

Вѣсть же в манастырѣ учинися, яко троецкое воиньство на литовской наряд поидоша. Осадные же люди скоро пришедше ко вратом градным х Конюшеннымъ и нужею воеводу Алексѣя Голохвастова и приставов вратных премогоша и градная врата сами отвориша и устрѣмишася спѣшно к туром, взыдоша на Красную же гору. Литва же и руские измѣнники из-за туров своих стрѣляюще изо многих пушек и пищалей и из мѣлково оружиа, и збиша людей троецких под гору к Пивному двору. Множество же народа паки второе устремишася нуждею и взыдоша ис-подгория великою силою, приступающе к туром, к наряду литовскому. Богоборцы же начаша стрѣляти изо многих пушекъ с Волкуши горы поперегъ троецкого воиства и в тыл с Терентиевъские рощи и мног мятеж учиниша и ужасть в троецких людех. Они же видѣвше, яко устрашишася троецкое воиньство от стрѣляниа их, и абие полки их литовские и руские измѣнники вси, въскорѣ вышедше из-за туров своих, и градских людей всѣх под гору согнаша. С стѣн же градских стрѣляюще по них, возвратиша их вспять. Они же возвращьшеся и заиграша во вся игры, яко градьских людей прогнаша от наряду своего.

Градские же люди совѣтовавше отоити во враги: в Благовѣщенской, да в Косой, да въ Глиняной враг, инѣм же троецким еще бьющемся с литвою за Круглым прудом и за Капустным огородом близ Келарева пруда. И озрѣвшеся и не видѣвше градских людей на горѣ, ни у Пивного двора единого человѣка, и ужасошася, мнѣвше всѣх побитых от литовских людей, но токмо видяще у Святых ворот и на Нижнем монастырѣ перьвых людей вылазных дерущихся с литвою и с казаки.

Градские же люди утаившиися во врагѣх: в Благовѣщенском, и в Косом, и в Глиняном. От них же Иван Ходыревъ да троецкие слуги, Ананья Селевин с немногими людми, всѣдше на кони и устремившеся полем позади туров литовского наряду; и бѣ полчекъ их малъ зѣло, пред полчком же тѣм троецким, глаголют, видѣша з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистаяся. И в той час въскочивъ с людми троецкими в первые туры, такоже и во вторые, и в третие, и в четвертые, и в пятые, и обьявителна видѣша его Божиа посланника и помогающа православному христианству, дондеже

и наряд взяша. И тако невидимъ бысть, даровав помощь и одолѣние на враги.

Троецкое же воиньство, конные и пѣшие, скрывшеися, вскорѣ изо враговъ вышедше, приступльше к первым туром к литовскому наряду. Литва же и казаки руские побѣгоша к другим туром. Градские же люди, побивающе их лютѣ, такоже из других и ис третьихъ выгнаша; о четвертых же и о пятых турах наряду своего литва и казаки укрѣпишася и бияхуся крѣпко. И ту под Борисом Зубовым убиша коня. Литва же многие люди скочьше хотяху Бориса жива взяти. Троецкой же слуга Ананья Селевин мужествен и с прочими воиньскими людми устремишася на литовских людей, и прогнаша их за туры. Вскоре же подоспѣша к ним многие люди, Иван Ходырев и с ним дѣти бояръские, и слуги, и все множество народа, и внидоша в четвертые и пятые туры к литовскому наряду. Слуга же Мерькурей Айгустов первѣе всѣх поспѣ к туром. Пушкарь же литвин уби Меркурья ис пищали. Тому же пушкарю отсѣкоша главу.

И тако помощию Живоначалныя Троица многих литовских людей побили и языков нарочитых панов живых взяли с литаврами и с трубками и со многими знамяны во град введоша. Да тут же взяли восмь пищалей полуторных и полковых и всякого оружиа литовского, затинных и изрядных сампопалов и рушницъ, копей же и кордовъ, палашей и сабель, пороху же бочки и ядеръ, и всяких запасов множество во град внесоша. Останцы же с турами и с тарасы и со оставшимся зелиемъ вся огню предаша. Людей же троецких убитых и раненых побраша и во град внесоша. Пламени же разливающуюся и поядающу зданиа еретикъ, гетман же Сапѣга, видѣвъ заимающася огнем твердѣйшая станища своя, побѣже в табары своя, такоже и злый еретикъ лютор Лисовской.

Вся же сиа содѣяся во един день в среду, мѣсяца ноября въ 9 день, на память святых мученикъ Анисифора и Порфириа. За три убо часа до свѣта начаша битися и до самого вечера кровь лияшеся. В той день подкопы зарушили и наряд литовской взяли. И благодатию Пресвятыя Троица бысть в Троецком Сергиеве монастырѣ радость и веселие всему православному христианьству о величии Божии, яже сотвори Богъ преславная в той день.

Боголюбивый же архимарит Иасаф с братиею повелѣ звонити даже и до полунощи. Сам же со освященным собором и со всею

братьею в храмѣ Трисоставнаго Божества молебны поюще, хвалу и благодарение возсылающе Богу, и Пречистѣй Богородицы, и великим чюдотворцом, Сергию и Никону, и всѣм святымъ, иже от вѣка Богу угодившим.

Изочтоша же троецких всяких побитых людей того дни 174 человѣки да раненых 66 человѣкъ. Архимарит же убьенных погребе честно соборнѣ, а раненых постричи повелѣ. От них же первый Иван Внуковъ – во иноцех Иона, Иван Есиповъ – во иноцѣх Иосиф, Данило Дмитрѣевъ сынъ протопоповъ с Москвы от Покрова со рву – во иноцѣх Давыдъ, троецкие слуги Данило Селевин, Меркурей Айгустов – в иноцех Мефодей, и иные многие. И причастишася Святых Таинъ Христа Бога нашего, преставишася ко Господу.

Воеводы же и дворяне, и все воиньство Сергиева монастыря, изшедше за град соглядати трупиа мертвых литовских и руских измѣнников на Красной горѣ у наряду их во рву и въ ямах побитых, и у прудовъ у Клемянтѣевъсково, и у Келарева, и у Конюшенново, и у Круглово пруда, и около церквей Нижнево монастыря, и около мелницы, и против Красных ворот у подкопных рвовъ, и смѣтивше литвы и измѣнников болши полуторых тысяч, да сказали полоняники и выходцы, раненых до 500. Воеводы же и все христолюбивое воиньство приговорили со архимаритом и з братьею послати к Москвѣ къ государю съ еунчем сына бояръсково переславца Ждана Скоробогатово.

О ЗАВОДНЫХ ЛИТОВЪСКИХ ЛЮДЕХЪ

Гетман же Сапѣга и Лисовъской паки умыслиша совѣт лукав над троецким воиньством. В нощи заведоша множество ротъ конных и скрыша у рыбных садов и в Сазанове и в Мишутинѣ врагѣ, дабы имъ от града отъѣхати троецкое воиньство. И, приѣжжающе к надолобам, начаша манити людей из града. Людие же во градѣ, не вѣдуще безбожных лукаваго пронырства, и изшедше на выласку конные и пѣшие. Литва же лукавъствующе и на бѣгъство обратишася. Из града же людие за ними устремишася. Стражие же, увидѣвше с церкви заводных людей во врагах стоящих, начаша бити в осадной колоколъ. Тогда же возвратишася къ стѣнам градным. Видѣвше же лукавии, яко не улучиша желаемаго, и тако из лѣсов и изо враговъ, яко лютыя лвы ис пещер и из дубравъ, на православное христианство устремишася и притиснуша къ стѣнамъ градным.

Градстии же людие тогда с стѣн многих литовских людей побили и живых взяли желныр четыри человѣки. Не возлюбиша же окаяннии из града частых подарков и ктому же приложиша близ стѣн приходити, и изо рвовъ своих и из ямъ, ископанных ими, разыдошася в табары своя.

О ВЫЛАСКИ НА СТОРОЖИ ЛИТОВЪСКИЕ И РУСКИЕ

Во един же от дний тѣх, еще убо тогда во градѣ Троецкомъ Сергиеве монастырѣ множество воиньства храбрьствующих на враги и борющеся, дни освѣтающу недѣлному, бысть велика мгла в зимнее время. Воеводы же паки устроиша выласку на заставы литовские, в Благовѣщеньской враг и на Нагорнюю заставу къ Благовѣщенскому лѣсу, а иных людей послаша к Нагорнему пруду за сады на заставы руских измѣнниковъ. Изшедше же конные люди и заставу в Мишутинѣ врагѣ побили; вскорѣ же поспѣвше и на Нагорнюю заставу, и тое топташа по Красной горѣ вдоль и до Клемянтѣевского пруда и многих побили. Из Сопѣгиных же табаръ многие роты приидоша, и бысть бой великъ. Из града же вышедше на помощь многие люди, конные и пѣшие, и прогнаша литву паки до пруда Клемянтѣевского. Александръ же Лисовской, яко змий возсвиставъ со своими аспиды, хотя поглотити православных воиньство, и въскорѣ прииде с конными и с пѣшими людми и с рускими измѣнники с Терентѣевской рощи противъ Красных ворот на вылазных троецких людей, бьющихся с полком его, с рускими измѣнники, и, яко лютый левъ ревый, хотя всѣх поглотити. Троецкое же воиньство бьющеся с ними крѣпце, не могуще одолѣти, отоидоша от них в городовые рвы.

Литовских же людей с стѣн градныхъ многих побиша. Воеводы же из града еще к ним устроиша на помощь выласку конную, а голов с ними отпустили старцов Ферапонта Стогова, Малафѣя Ржевитина и прочих старцовъ двадесят человѣкъ. Они же изшедше и мужественно устремишася на литовских людей. К сим же поспѣвше с Красной горы бьющиися с литвою и с поляки, прочии же скрывшеся на Красной горѣ в Глиняном врагѣ. И преподобнаго и великаго аввы Сергиа и блаженнаго Никона молитвами их устраши Богъ, беззаконных. И видѣся Лисовскому, яко из монастыря тмочислено многое воиньство изшедших; и абие устрашися злый враг кровопийца и побѣже, гоним силою Божиею, со всѣм своим воиньством под гору за мелницу на лугъ и на Тѣрентеевскую рощу.

Троецкое же воиньство побивающе их мужественно. Тогда же взяша жива рохмистра Мартьяша, славнаго ратоборца, и иных панов во оружии во град введоша.

Лисовской же ста в раздолии за горою за Волъкушею, к нему же приидоша вскорѣ Сопѣгины роты конные. Он же лукавый, яко змий меташеся, какъ бы срамоты своея избыти, не вѣдый, яко против Вышняго силы ратовашеся. И се видит еретик и с ним многия поляки, яко близ полку их ѣздит старецъ, имѣя в руцѣ своей мечь обнажен и претя ему жестоцѣ . И невидим бысть от очию их.

Гетман же Сапѣга прииде на Красную гору на троецких людей по всему Клемянтѣевскому полю всѣми своими полки; Лисовъской же о пришествии Сопѣгинѣ возвеселися и хотя совѣту одолѣти Господа Бога Вседержителя, и повелѣ в полку своемъ в трубки и в сурны играти, и в накры и по литаврам. А абие въскорѣ с Сопѣгою устремишася на Красную гору поперегъ всѣх троецких людей, хотяще во единъ час всѣх потребити. И согнаша троецких пѣших людей под гору к Пивному двору. И бѣ воистину чюдно видѣти милость Божию троецкому воиньству и заступление и помощь на враги молитвъ ради великих чудотворцовъ Сергия и Никона. И сотвори Господь преславная тогда. И нератницы охрабришася, и невѣжди и никогда же обычай ратных видѣвшеи, и ти убо исполинскою крѣпостию препоясашася. От них же единъ нѣкто даточных людей, села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силенъ велми, подсмѣваем же всегда неумѣниа ради в боех, и рече: «Се умру днесь или славу получю от всѣх!» В руках оружие держаше бердыш. И укрѣпи Господь Богъ того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше православных христьян стати от бѣгъства и глаголя: «Не убоимся, братие, врагов Божиих, но вооружимся крѣпце на них!» И сѣчаше бердышем своимъ на обѣ страны врагов и удержавая полкъ Лисовъского Александра; и никто же против его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многих тогда вооруженных и во бронях уязви. Мнози же крѣпцыи оружницы сташа на него за срамоту и жестоцѣ на него наступающе. Суета же сѣчаше на обѣ страны; не подающе же его пѣшие люди, иже от бѣгства своего укрѣпившиися о надолобах.

Беззаконный же Лисовской совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився, окаянный, от того мѣста вдоль по горѣ Красной х Косому Глиняному врагу на заводных троецких людей.

Тогда же с слугою с Пимином с Тененевым сущии людие сташа крѣпко против врагов на пригоркѣ у рву, бьюшеся с литвою и с казаки. Видѣвъ же мало троецкаго воиньства, злонравный люторъ Лисовской устремися жестоко на них, и смѣсившеся вси людие вмѣсто, литовские и троецкие, и бысть бой великъ близ врага Глиняново. Врази же, боящеся подсады, начаша отбѣгати. Троецкое же воинство помалу отходяще от литовских людей и скрывшеся в Косой Глиняной врагъ.

Александръ же Лисовской хотя во отводѣ жива взяти слугу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александра и устрѣли его из лука в лице по лѣвой скрании. Свирѣпый же Александръ свалися с коня своего. Полчане же его ухвативше и отвезоша в Сопѣгинъ полкъ. Троецкое же воинство удариша изо множества оружия по них, и ту побиша много литвы и казаков. Литва же видѣвше и скоро на бѣгъство устремишася врознь по Клемянтѣевъскому полю.

Сердца же кровию у многих закипѣша по Лисовском и на месть паки мнози воздвигнушася зань, яко лютыя волцы, литовские воеводы, князь Юрьи Горский да Иван Тишкѣевич, да рохмистръ Сума со многими гусары и желныри, и нападоша на сотника Силу Марина да на троецких слугъ, на Михаила да на Федора Павловых, и на все троецкое воинство. И бысть брань велика зѣло и люта. И сломльшии оружиа, емлющися другъ за друга, ножи рѣзахуся. И конечно отчаана та брань, понеже в троецком воинствѣ немного конных и не во бронѣх, но покровени милостию Живоначалныя Троица и молитвами великих свѣтил Сергиа и Никона; помощию же ихъ и заступлением многих вооруженых поляков и литвы побивающе. Слуга же Михайло Павлов, видѣ князя Юриа Горскаго усты меча ядуща неповинных, к прочим от брани преста, ловляше самого воеводу, и уби того князя Юрья Горскаго, и з бахматом его примча под город мертва. Много же ту отместниковъ поляков за тѣло его погибоша и не исхитиша его от руку Михайлову.

На том же бою мнози от литовских людей видѣша двою старцовъ, мещущих на них плиты и единемъ вержением многих поражающе, камение же из нѣдръемлюще, и не бѣ числа метанию их. От поляковъ же выходцы о сем возвѣстиша в дому чюдотворца.

Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишася и иных храбрых своихъ растесаных лежащих, и, гонимы гнѣвом Божиим, побѣгоша от троецкого воиньства. И тако разыдошася вси

полци Сопѣгины и Лисовского. Троецкое же воинство внидоша во обитель с великою побѣдою.

О ПОБИЕННЫХ У ДРОВЪ

По сем же окаяннии лютори заведоша многие роты в Мишютинской враг в рощу, вѣдаху бо всегда исходящих из града в тое рощу дровъ ради з бережатаи, с конными и пѣшими людми. По обычаю же вышедше из града многие люди в тое рощу ради дров. Внезапу же нападоша на них преже реченнии они литовские роты и руские измѣнники. Троецкое же воинство и всякие осадные люди сотвориша с ними бой великъ, и грѣх ради наших одолеша врази. И в той день убили литовские люди троецких всяких людей боле 40 человѣкъ и многих ранили, а инѣх в плѣн живых взяли. Тогда же взят бысть троецкой служебник нарочит Наумъ оконничникъ. Пребысть же у Сопѣги служа и до отшествиа от Троецкаго монастыря. И о сих во граде печаль бысть велика зѣло всѣм православным християномъ.

(…) О ВТОРОМ БОЛШОМ ПРИСТУПѢ

Мѣсяца майа въ 27 день паки в Сопѣгиных табарѣх и Лисовского бысть шум великъ, играюще во многиа игры и до полудни. С полудни же начаша литовския люди подъежжати под град, сматряюще стѣн и часто подзирающе. Такоже начаша готовити мѣста, гдѣ быти пушкам ихъ и пищалем. И скачюще на бахматѣх, машуще мечи своими на град, яко грозяще. К вечеру же начаша скакати конные многие люди и з знамены по всѣм полям Клемянтѣевским. По семъ же и Сопѣга вышелъ со многими полки вооруженными и паки скрышася в табары своа.

Оставшее же ся троецкое воинство, видяще на град лукавое позирание, уразумѣша лютый совѣт их къ пролитию крови и непщеваху быти приступу. И тако готовящеся на брань. Бѣша бо мали числом суще. И готовяху на стѣнах вар с калом, смолу, камение, и прочее, иже к тому времени пристрояюще, и подошевной бой очистиша.

И егда бысть вечеръ уже, окаяннии же литовские люди и руские измѣнники лукавствующе хотяще к стѣнам градным приити тайно и ползающе, аки змия по земли молком, везяху приступныя козни: щиты рубленые, и лѣстницы, и туры, и стѣнобитныя хитрости. Градстии людие вси взыдоша на стѣны, мужеска полу и женьска, и такожде западше, ждаху приступу.

И абие с Красной горы возгремѣша изъ огневово верхового наряду. И тако, воскричавше, все множество литовских людей и руских измѣнников и устрѣмишася на град со всѣх стран с лѣствицы, и щиты, и с тарасы, и со иными козньми стѣнобитными. И заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду всѣми силами, всякими дѣлы и хитростьми. Мняху бо окааннии во един часъ похитити град, вѣдяше же во граде зѣло мало людей и тии суть немощни, и сего ради крѣпце належаху на град.

Но благодатию Божиею подкрѣпляемо троецкое воинство бияхуся с стѣн градных крѣпко и мужествено. Литва же тщашеся вскорѣ на град взыти и придвигнуша щиты на колесѣх и лѣствицы многия, и нуждахуся силою приставити и взыти на стѣны. Христолюбивое же воинство и вси градстии людие не дающе им щитов и тарасовъ придвигнути и лѣствицъ присланивати, бьюще ис подошевново бою из многих пушек и пищалей, и в окна колюще, и камение мещуще, и вар с калом льюще, и сѣру и смолу зажигающе метаху, и известью засыпающе скверныя их очеса. И тако бьющеся чрез всю нощь.

Архимарит же Иасафъ со всѣм освященным собором вниде въ храм Пресвятыя Троица, молящеся Всещедрому в Троицы славимому Богу и Пресвятѣй Богородицы и великим чюдотворцом Сергию и Никону о избавлении града и о помощи над враги.

Егда же бысть день, видяще окаяннии, яко не успѣша ничтоже, но паче своихъ множество изгубиша, начаша со студомъ отступати от града. Градстии же людие вскорѣ отвориша град, овии же с стѣн скочивше, учиниша выласку на оставшихся ту литовъских людей у стѣнобитных хитростей своих. Инии же во рвѣх бродяще и не могуще изыти. И тако тѣх многих побили, а живых взяли пановъ и руских измѣнников 30 человѣкъ. И повелѣша имъ в жерновы играти, работающе на братию и на все троецкое воиньство и до отшествия врагов от града. И тако милостию Пребезначалныя Троица и заступлениемъ Пречистыя Богоматере и молитвъ ради великих чюдотворцовъ Сергиа и Никона побиша тогда множество приступных людей; и тарасы их, и щиты, и лѣствицы, и прочиа козни вземше, во град внесоша. Сами же вси здравы отшедше, яко победители над враги показашася.

О ЗАСТУПЛЕНИИ БОЖИИ: КАКО ГОСПОДЬ НЕМОЩНЫХ УКРѢПИ ПРОТИВО СУПОСТАТЪ

По оскудѣнии же всего чина воинъскаго и еще тою злою болѣзнию мнози скончевающеся, зряще же остающии, не вѣдуще, что сотворити или что смыслити противу толика множества враговъ обстоящих ихъ: и яко воду морскую всюду зрят облиявшуся воокругъ Сергиева корабля. Надѣюще же ся на добраго кормъчию, на молитвы чюдотворца, и разумѣша в руку его держимо кормило оставших душъ ко спасению. И к тому «не надѣющеся на князя ни на сыны человѣческия, в нихже бо не бысть спасениа», и прочая. И уже бо препростии вземлют оружиа, аки весла, и готовятся к великим волнамъ разсѣчению и исходят противу храбрых ратоборецъ растесанию. И разумѣша вси чюдотворца молитвы и поспѣх, и уже нази не боятся блещащихся доспѣх. И хотящеи дом Пресвятыа Троица гордостно низложити осадою всегда, обагряеми кровми, бѣгают от немощных низлагаеми подсадою. И ждущеи прияти различныя муки в руки своя приаша крѣпкия луки. И лениви быша к жерновом востающеи мелцы внезапу быша на сопротивных удалые стрѣлцы. Не часто уже ударяются к стѣнам носящеи на главах шлемы, смерти бо ищущеи во очеса тѣм верзающеся, яко пчелы. Къ язвам же сынове беззаконнии всегда суть терпки, но звѣрски низлагаются кормящимися серпы.

Что много глаголю? Толико Богъ охрабри оставшихся сидѣлцов троецких на противных: не тако бо сопротивнии исперва боящеся приходити близ града и ратовати его, егда бысть во градѣ множество всякого чина воинскаго и мужей ратоборецъ, якоже боящеся послѣдних малых числом сущих невѣждь. И якоже спасе Господь Авраама и Гедеона и град Иерусалимъ от руку асирян не силою, ни бронми, ни твердыми стѣнами, но мышцею своею, такоже и дом Пресвятаго имени своего не крѣпкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не множайшими, но малѣйшими. И за гневъ мало порази, но за милость много возлюби, якоже въпреди явлено будет.

О ТРЕТЬЕМЪ БОЛШОМЪ ПРИСТУПѢ И О ОБМАНКѢ НАД ТРОЕЦКИМИ СИДѢЛЦЫ

Ждуще же иже во осадѣ сѣдящеи в Троецком въ Сергиеве монастырѣ князя Михайла Васильевича Скопина. И се извѣстно бысть всѣм людем, яко собрашася вси вкупѣ от тушинского ложнаго

царика, и Сопѣги ис под Троицы, и из ыных градов многия поляки и руские измѣнники поидоша против князя Михайла и против немѣцких людей. Богу же отмщающу кровь рабъ своих, вопиющих к нему день и нощь, и тако всеоружных сотре Господь силою своею, и возвенѣ о сем слух во всей Росии. И трезвы и вооружены поляки на одрѣх почити возлегаютъ и уже ктому другомъ своим, руским измѣнником, ни в чем не вѣрят, и разделѣнныя домы и имениа оставляют, и плѣненых жен и девицъ вся помещут, и в подарцѣх тѣх мнози не приимают, но вси ко брани оружиа очищают, готовящеся звѣрски к напитию крови. И оставляют ради задержаниа князь Михайлову воинству во градѣх надежных борзобѣгцов, сами же злѣйши от всего воинства отлучаются, изыскивающе, кто еще вѣренъ имъ от руских измѣнников; и с тѣми совѣт укрѣпляют о семъ, что, оставя прочая грады, взяти Троецкой монастырь: и всѣ пути к царствующему граду тѣм заимутся. Но смущающеся о том, занеже множество их погибло под Троецким Сергиевым монастырем.

Но что творитъ вселукавый? Влагает мысль руским сыновом от ближних градов, и о каковѣ безумии прелстишася и совѣтующе рекоша: «Аще убо стояще пребудем с поляки вкупѣ на Москву и на Троецкой монастырь, то помѣстья наши не будут разорены». О прелести вражиа! Тлѣнная имѣниа соблюдающе, нетлѣнныя же душа в вѣчныя муки отсылающе; богатство храняще, главы же своея не щадяще.

И тако совокупльшеся з Зборовским полком и с тушинскими литовъскими людми, и с рускими измѣнники и от многих градов дворяне и дѣти бояръские. И тако вси приидоша под Троецкой Сергиевъ монастырь и обьявивше множество силы своея избранныя и множеством богатства своего хвалящеся, играюще же во многие игры и посылающе ко обители чюдотворца руских людей, простую чадь, с вѣстью и научающе глаголати, что нѣмецъ и руских людей побили и воевод поимали, а князь Михаилъ добилъ челом на всей воли панъской. И зовуще из града на зговор Михайло Салтыков да Иванъ Грамотин троецких людей и сказываху, что «и Москва уже покорилася, и царь Василей и з бояры у нас же в руках». Такоже и дворяне с клятвою лжуще во едину рѣчь с поляки, и ни в чем же не разньствоваху, глаголюще: «Не мы ли бѣхом с Федором с Шереметевым? И се вси мы здѣ. И каа вам надежа на силу понизовъскую? Мы же познавше вѣчного своего государича, и сего

ради вѣрно служим ему. Царь же Дмитрей Иванович посла нас пред собою. Да аще ли ему не покоритеся, то сам за нами приидет со всѣми полскими и литовскими людми, и со князем Михайлом и с Федором Шереметевым и со всѣми рускими людми; тогда же челобитья вашего не приимем». И ина многая приѣжжающе блядяху льстяще. Таковѣми бо змииными лестьми многие грады пельстивше погубиша.

Милостию же Пресвятыя Троица не токмо умнии, но и простии не внимающе сему никако же, но единѣми усты вси отвѣщеваху: «Господь с нами, и никто же на ны! Добро убо и красно лжете, но никто же имет вамъ вѣры. И нань же пришли, творите, мы же готови есмы к вам на брань. Аще бы есте сказали нам, что князь Михайло под Тверью бреги поровнялъ тѣлесы вашими, и птицы и звѣри насыщаются мертвости вашея, то добрѣ быхом вѣрили. Нынѣ же, вземше оружиа, пронземъ сердца другъ другу и растешемся полма и разсѣчемся на части. И егоже во вратѣх небесных оправдит Господь, той есть творяй и глаголяй правду».

Видѣвше же злии врази, что не ищут троецкие сидѣлцы живота, но смертнаго пирьшества любезно желающе, и тако ко второму дни на приступъ строятся. Пан же Зборовской, ругаяся и понося Сопѣге и Лисовъскому и всѣм паномъ, глаголя: «Что бездѣлное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти да ворон передавити? Се убо вы нерадѣниемъ творите и хощете чернью збитою взяти». И уготовавше же ся сами къ приступу, а чернь отослаша от себе, развѣ казаковъ Лисовских. И положивше совѣт на сонных приити в ту же нощь, какъ пришел Зборовской от брани со княземъ Михайлом, и с ним прииде Левъ Плещѣевъ да Федор Хрыпуновъ. Глаголют бо, яко на ту нощь видѣша литовские люди с небеси велику звѣзду спадшу среди монастыря и разсыпашася от нея по всему монастырю огненыа искры.

Бысть же сей приступъ третий великий июля въ 31 день, канон Госпожиных заговѣнъ. Во обители же чюдотворца тогда здравых отнюдь боле двою сот человѣкъ не бяше. В нощь же ту, егда к приступу уготовашася литовские люди и руские измѣнники, тогда на воздусѣ луны, яко огнь, скакаху, и всю нощь от небесных звѣздъ свѣтъ сиаше великий, и яко видящеся падаху над монастырем и въ округ монастыря. Троецкое же воиньство и вси православнии

християне, мужи и жены, бьющеся со враги чрез всю нощь беспрестанно, яко и на прежних приступѣх.

И ино же прежним подобно явление бысть, якоже прежде многим началникомъ кровопийцам во снѣ, и тии в суету сонную вмѣниша. Ныне же на увѣрение истинно не во снѣ, но наявѣ показася текуща рѣка. Но в то время о семъ ничтоже во обители чюдотворца увѣдено бысть; по престатии же ранъ праведных наказания от Господа и уже в покаянии с клятвами имени Божиа истинно свѣдѣтелствовася сице.

Повѣда Андрѣй, зовомый Болдырь, атаман казачей, и с сущими под нимъ казаки. И сии по обычаю своему готовящеся къ приступу и позападше около прудов, ждуще времени. И се видят явно, яко течет рѣка велми быстра между ими и монастырем, в волнах же сломленое великое колодие, и выскидие, и лѣс мног несет, и с кореniа же несет великое древие, камень и песокъ изо дна, яко горы велики восходяще. Бога же свидѣтеля представляа тому, яко видѣша два старца, сѣдинами украшена, яко снѣгом, и кличюща съ града ко всѣмъ, видящим сиа, вопиа же гласом великим: «Всѣм вам бѣдным такъ плыти! Что о себѣ не разсудите!» Нам же друг з другом шепчющим: «Что ся вам видит и слышит, братие?» И вси единогласно друг ко другу глаголахом: «Се не привидѣние, но яве видимъ реку грозну текущу и страшно ломлющу древеса и выскитие и камень мещущу изо дна». И сия глаголюще, на старца же вси зрѣхом вкупѣ. Вѣдуще же вси, яко нѣсть меж нами и монастырем рѣки и нѣсть древес великих, и начахом вси скорбѣти, глаголюще: «Се знамение быти всѣм нам побитым». И еще слышахом глас глаголющъ многих по граду: «Ложитеся спати, нѣсть убо и не будет ничтоже». И медлящим намъ в совѣтѣ, и не видѣхом рѣки, и все бысть, аки и прежде. И егда хотѣхом бѣжати, и внезапу поидоша со всѣхъ стран к приступу и мы убо, аки связани и гонимi, идохом къ смерти и не удержавшеся с прочими двигнувшеся. И слышахом, з города прежде двожды или всего трижды стрелиша, и за измѣну нашу вражию с сторону нашу много побитых обрѣтшеся, а не вѣдомо, хто их побилъ. И стремъглавъ вспять неустройно вси мещущеся, от приступа того разбѣгошася, и к тому прочее на приступы не приложиша приходити. На стѣнѣ же градстѣй едину жонку убиша и никого же кромѣ ея не раниша.

Зборовской же избранное воиньство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зряще, Сопѣга и Лисовской съ своими воинствы подсмѣваху: «Что ради не одолѣлъ еси лукошку? Исправися еще, толикъ еси храбръ, не посрами нас – разори, шед, лукошко сие, учини славу вѣчную королевъству полскому. Нам не за обычей приступы; ты премудръ, промышляй собою и нами».

И ихже сиа от видѣвших насъ остави Господь на покаание и на обличение самѣм себѣ. Аз же, Андрѣй, с ними. Всегда плакахомся и размышляюще, да не како живых нас пожрет земля, и улучивше время, таи отбѣгохом.

О ОТЧАЯНИИ ПОМОЩИ ЧЕЛОВѢЧЕСКИА И СКОРБѢНИЕ ПОБИВАЕМЫХ У ДРОВЪ И У ПРОЧИХ ПОТРЕБ

Многу же бѣду и многу напасть и кровь проливаему всегда зряще мучающеися во обители чюдотворца, паче же по послѣднем семъ третеемъ приступѣ, на выласках, и побивающе множество градских у добытия дров за градом, и искушаются сердца и разумы нетерпѣливых, и в неблагодарении уста отверзаютъ и возмущают крѣпость твердостоятелных, и мнози глаголют стропотная и развращенная сицевая: «Се колико время продолжается пролитие крови нашея, и еще что конецъ бѣдѣ сей? Что ложно упование наше о царѣ Василии? Се день ото дне ждем помощи и изруцениа, но вся суть ложна. Уже бо гради росийстии вси соблазнишася и вси к вором приступиша, и ниоткуду нѣсть нам на помощь ратных воинствъ, всѣм бо до себе прииде. И како совершатся главы наша мечным поядениемъ?»

И мнозѣм руцѣ от брани престаху, всегда о дровѣх бои злы бываху. Исходяще бо за обитель дровъ ради добытиа, и во град возвращахуся не бес кровопролития. И купивше кровию сметие и хврастие, и тѣм строяще повседневное ястие, к мученическим подвигомъ зелнѣ себѣ возбуждающе, и друг друга сим спосуждающе. Идѣже сѣченъ бысть младый хврастъ, ту разсѣченъ лежаше храбрых возрастъ. И идѣже рѣжем бываше младый прутъ, ту растерзаемъ бываше птицами человѣческий трупъ. И неблагодаренъ бываше о сем торгъ, сопротивныхъ бо полкъ со оружием прискакаше гордъ. Текущим же на лютый сей добыток дровъ, тогда готовляшеся имъ вѣчный гробъ.

Во вратѣх же убо града всегда входящеи и исходящеи сретающе глаголаху сице: «Чимъ, брате, выменил еси проклятыя

дрова сиа, другом ли или родителем, или своею кровию?» И ихже Господь еще закры, тии благодарствоваху, а их же суд постиже, тии злѣ рыкаху. Отецъ бо исхождаше, да препитает си жену и чада, и брат бата и сестры, такоже и чада родителей своих. И вкупѣ вношаеми бываху дрова и человѣческая глава. И брашну состроряему злѣйшею цѣною, и всяк, зря на огнь, «ох-ох, – глаголаше, – о, отче мой, почто мя роди: да кровь твою изъѣм и испию?» Матерем же вопиющим: «О, чадѣ мои, се не брашно строится, но аз за вами въ смерть готовлюся!» Братиа же братию обрыдаху глаголюще: «О, утроба матере нашея, почто не заключи наю, да не изъѣмы друг друга!» Инии же от жестости вопреки тѣм глаголаху: «Ни, братие, не скорбите: мы днесь тѣх поты и кровию напитахомся, заутра же и нашими поты и кровию оставшии напитаются. Нѣсть бо мы тому винни, но судит Всесилный злодѣем нашим о семъ».

И таковому убо бывающу унынию, от царя же никако же надѣяхуся изруцениа. И о том скорбяще, что у врагов Божиих сторожи крѣпки и вѣсти къ государю царю учинити немощно о великих прежереченных приступѣх и о оскудѣнии во градѣ воинскими людми.

(…) О БОЮ СО КНЯЗЕМ МИХАЙЛОМ ПОЛСКИМ И ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ И РУСКИМЪ ИЗМѢННИКОМЪ

Разрушителю же бранем, князю Михайлу, приближшуся х Колязину монастырю, сопротивницы же, полские и литовские гетманы, и полковники, и рохмистры, коиждо своими полки: Александръ Зборовской, и Сопѣга, и Лисовской, и Иван Заруцкой, поидоша паки против князя Михайла Васильевича Шуйского Скопина и нѣмец Переславъскою дорогою, мѣсяца июля въ 5 день на память преподобнаго отца Афонасиа Афоньскаго и преподобнаго отца нашего Сергиа Радонежскаго чюдотворца на обрѣтение честных мощей его, во втором часу нощи. Приидоша же на Волгу под Колязин монастырь в село колязинское Пирогово. Князь Михайло же Васильевич и со благочестивым московъским воинствомъ, и сь Яковом Пунтосовым, и с Велгоремъ, и со многими немецкими людми ополчивъшеся на Волгѣ противу их.

И посла князь Михаилъ воевод Семена Головина, князя Якова Борятинсково, Григорья Волуева, Давида Жеребцова со многими людми за Волгу на перевоз к Николѣ чюдотворцу в слободу на рѣчку Жабну под литовских людей, чтобы за тое рѣчку не перепустити их.

Рѣчка бо та топка зѣло и ржависта. Литовские же увидѣвше московских людей, и абие, яко лютыя звѣри, устремишася на лов. Благодатию же Божиею на томъ бою многих полских и литовских людей побили и поранили, мнози же от них, на грязѣх погрязше, погибоша, прочии же в бѣгство устремишася к болшим людем в село в Пирогово. Воеводы же о семъ послаша вѣсть ко князю Михайлу, чтобы вскорѣ рѣку перевезся, еже и бысть.

Литовские же гетманы и их полковники всѣми полки своими устремишася на руское воинство. И съступишася обоих полцы, и бысть сѣча зла, и сѣчахуся на многих мѣстех, бьющеся чрез весь день. От оружейново стуку и копейного ломаниа и от гласовъ вопля и кричания обоих людей войска, и от трескоты оружиа не бѣ слышати друг друга, что глаголет, и от дымного куреииа едва бѣ видѣти, кто с кѣм ся бьет. И яко звѣрие рыкающе, злѣ сѣчахуся.

Солнцу же достизающу на запад, и возопиша вси православнии къ Богу, со умилением вопиюще от сердец своих: «Виждь, Владыко, кровь рабъ твоих, неповинно закалаемых! Такоже и ты, преподобне отче, Макарие, помолися за ны къ Богу и помози нам!» И уже близ вечеру сущу, услыша Господь молитвы раб своих, и нападе страх велий на врагов Божиих, и ужасом великим одержими, в бѣгство устремишася. И побѣгоша друг друга топчюще, гоними гнѣвом Божиим. Руские же полцы гнаша литовских людей и сѣкуще до Рябова монастыря; и многих литовских людей побили и поранили, и нарочитыхъ панов многих живых поимали. И с великою побѣдою и одолѣнием возвратишася под Колязин монастырь со многою корыстию.

Полские же и литовскиа люди и руские измѣнники, яко же ис под Твери, тако ис под Колязина монастыря не путьми возвращьшеся вспять и конечнѣ хотяще разорите дом Пресвятыя Троица, и люте належаще бранию. Оставши же мали суще числом и друг друга водяще, со враги боряхуся.

По сем же из Сопѣгиных табаръ в Троицкой Сергиевъ монастырь выѣхал пан Янъ, а с ним 4 пахолки, да два человѣки руских и сказали, что под Колязиным монастырем князь Михайло литовских многихъ людей побилъ и поималъ.

Того же дни воеводы устроили ис Троицкого Сергиева монастыря выласку на рѣчку Коншуру, на бани литовские, и многих

у бань побили черкасов и казаков, и бани их сожгли, и шесть человѣкъ живых взяли. И языки сказали, что подлинно литовских людей князь Михаилъ под Колязиным монастырем побил. О сем же вси людие благодаръствоваху Бога, и возвладовашася и благонадежни быша, чающе избавлениа от Бога, и со враги крѣпко боряхуся.

(…)

О ПРИХОДѢ ГРИГОРИА ВОЛУЕВА

Мѣсяца генваря въ первый день въ 4 час нощи прииде из слободы Александровы от князя Михайла Васильевича в Троецкой Сергиевъ монастырь воевода Григорей Волуевъ, а с ним избранных вой 500 мужей храбрых, и вси во оружии. Сии убо приидоша извѣдатися с литовскими людми и с рускими измѣнники и войско их смѣтити. Егда же освитающу дни, и совокуплъшеся с Давыдом и с троецкими сидѣлцы, и исходят из града храборски, и наглѣ нападают на полские и литовские роты. И втопташа их в Сопѣгины табары, и станища их около табаръ зажгоша. И милостию Пребезначалныя Троицы литовъских людей многих побили и языки поимали. Сопѣга же и Лисовской со всѣми полки своими изшедше противу их, и бысть имъ бой великъ на Клементѣевском полѣ, на Келаревѣ прудѣ, и на Волкуше, и на Красной горѣ. И много бивъшеся и мнози от обою страну пивше смертную чашу, множайше же сугубо погибе полку еретического. И разыдошася обои. И день той препроводивше во обители чюдотворца, сотворше заповѣданное имъ, паки возвратившеся ко князю Михайлу Васильевичю. На полских же и литовских людей и руских измѣнников тогда страх великъ нападе и в недоумѣнии быша, якоже оставшии сказаша.

О ПОБѢГЕ ГЕТМАНА СОПѢГЕ И ЛИСОВСКОГО

И генваря въ 12 день гетман Сопѣга и Лисовской со всѣми полскими и литовскими людми и с рускими измѣнники побѣгоша къ Дмитрову, никим же гонимы, но десницею Божиею. Толико же ужасно бѣжаша, яко и друг друга не ждущя и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путѣх обрѣтаху, не от хуждьших вещей, но и от злата, и сребра, и драгих портъ, и коней. Инии же, не могуще утечи, и возвращающеся вспять, и лѣсы бѣгающе, прихождаху во обитель к чюдотворцу, и милости просяще душам своимъ, и повѣдающе, яко «мнози видѣша от нас велики зѣло два полка гоняща нас даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко

от обители не бяше за ними никакой посылкѣ. Князь Михайлов же приход уже и отчаян, и моление от обители к нему презрѣ.

По отшествии же сынов беззаконных преждавше осмь дней, посылается къ царствующему граду къ государю от обители чюдотворца со святою водою старецъ Макарей Куровской генваря въ 20 день. Еще же опасение бяше в дому чюдотворца от врагов, и с людми считающеся и ихже к питанию восхотѣвше смѣтити. И еще муки обрѣтше в хлѣбне четвертей з десять, такоже и сухарей четвертей с пятдесят. Всѣх же во удивление чюдо сие введе, како от малых сихъ запасов на толико время простреся до преизобильства, и не токмо же человѣком, но и скотом. Вяще бо числа здѣ реченнаго преизбысть: дающе бо тогда конемъ овса на все воинство по 90 четвертей на день, да монастырским и воеводским лошадем по 10 четвертей на день; и кормим бѣ весь скот за сто дней от овса того. По разшестъвии же ратных всѣх изо обители и еще останцы того овса мнози осташася на потребу великими бѣдами искушенным от Бога. Егда же и князь Михаилъ, не мало время преминувъ, прииде из слободы в дом чюдотворца со всѣм воиньством с рускими людми и с нѣмцы, и все воинство от тѣх же малых останков доволствовашася, такожде и весь скот свой от житницъ же чюдотворца довольнѣ питаху. И по отшествии его и всего воиньства многимъ препитание бысть. (…)

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Охарактеризуйте движущие силы событий, описанных в источнике.
2. Как долго продолжалась оборона монастыря?
3. Объясните, почему осада монастыря оказалась неудачной.

Тема 17. Соборное уложение 1649 г.

Соборное Уложение 1649 г.

Соборное уложение 1649 года – кодекс законов, регламентировавший государственное, административное, гражданское и уголовное право в России.

Разработано комиссией во главе с боярином князем Н. И. Одоевским после Соляного бунта 1648 года в Москве и ряда восстаний в других городах. Принято 29 января (8 февраля) 1649 года на Земском соборе, в том же году опубликовано общим тиражом 2,4 тыс. экземпляров.

Состоит из предисловия, оглавления и 25 глав, которые разделены на 967 статей.

Глава II. О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать

1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщетса допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию.

2. Такъже будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государьством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государьством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию...

5. А поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя.

6. А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию...

13. А будет учнут извещати про государьское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верить. И учиня им жестокое наказание,

бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делех таким изветчиком не верить...

18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичи^ всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем...

21. А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады...

Глава III. О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчиньства и брани не было

1. Будет кто при царском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаючи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрму на две недели, чтоб на то смотря иным неповадно было впередь так делати...

3. А будет кто при царьском величестве вымет на кого саблю, или иное какое оружье, и тем оружьем кого ранит, и от тоя раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойца за то убойство самого казнити смертию же...

4. А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружье, а не ранит и не убиет, и того казнити, отсечь рука...

6. Такоже царьского величества во дворе на Москве, или где изволит царьское величество во объезде быти, и ис пищалей и из луков и из ыного ни ис какова оружья никому без государева указу не стреляти, а с таким оружьем в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве, или в объезде кото ранит, или кого убиет досмерти, и того казнити смертию же.

7. А будет кто на государеве дворе, на Москве, и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрелбы, и ис того

оружья никого не ранит и не убиет, и тем за ту вину учинити наказание, бити батоги и вкинути на неделю в тюрму...

Глава XI. Суд о крестьянех

1. Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей, живут за патриархом, или за митрополиты, и за архиепископы, и епископом, или за монастыри, или за бояры, или за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, а в писцовых книгах, которые книги писцы подали в Поместной в иные приказы после московского пожару прошлого 134-го году, те беглые крестьяне, или отцы их написаны за государем, и тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи «по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет.

2. Такъже будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из-за них, живут в государевых в дворцовых селех, и в черных волостях, или на посадех в посадских людех, или в стрельцах, или в казаках, или в пушкарях, или в ыных в каких-нибудь в служилых людех в Замосковных и в Украинных городех, или за патриархом, или за митрополиты, или за архиепископы и епископы, или за монастыри, или за бояры, и за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жилцы, и за городовыми дворяны и детми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовым книгам, которыя книги писцы в Поместной приказ отдали после московского пожару прошлого 134-го году, будет те их беглыя крестьяне, или тех их беглых крестьян отцы, в тех писцовых книгах за ними написаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне, или их дети, по новым дачам написаны за кем в отделных или в отказных книгах. А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет...

Рис. 17. Портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный художник. Конец 1670-х – начало 1680-х годов.

9. А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых 154-го и 155-го годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах

написаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людем, из-за кого они выбежат, по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд(ь) никому чюжих крестьян не приимать, и за собою не держать...

22. А которые крестианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися, и тех пытати...

32. А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу, по записям, и без записей, повол(ь)но. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имати и ничим их себе не крепити, и как от них те наймиты отработаются, и им отпущати их от себя безо всякого задержания.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Объясните, что в Уложении понимается под честью государя?
2. Какие наказания по Уложению применялись к преступникам, покушавшимся на честь государя?
3. Что означала отмена урочных лет? Какие категории крестьян по Уложению она затрагивала?

Тема 18. Социальные движения в России середины – второй половины XVII в.

Отписка головы московских стрельцов В. Лаговчина

В ПРИКАЗ ТАЙНЫХ ДЕЛ О ВЗЯТИИ С. РАЗИНЫМ АСТРАХАНИ.

21 июля 1670 г.

...Богоотступный вор и изменник Стенька Разин сошелся... с стольником и воеводою с князь Семеном Львовым и с астараханскими ратными людьми, которые... шли из Астрахани на него... Стеньку

Разина, в Черном Яру. И астараханские де, государь, ратные люди тебе, великому государю, изменили и стольника и воеводу князь Семена Львова ему, богоотступнику вору и изменнику Стеньке Разину, руками отдали и сами пристали к нему, вору, и с ним, вором, бою не учинили. Да в тех же числех он... Стенька Разин, город Черной Яр взял и в Черном Яру посадил своих воровских казаков и изменников астараханских стрельцов и донских казаков, и... от Черного Яру пошел к Астарахани. А боярин и воеводы князь Иван Семенович Прозоровской с товарищи, проведав подлинно про ево воровской приход к Астарахани, около Астарахани обеих каменных городов и деревянного города крепости построил для ево воровского приходу великие. И как он... Стенька Разин, пришел к Астарахани и приступал к Астарахани 2 дни, и астараханские де, государь, стрельцы своровали, тебе, великому государю, изменили и... Астарахань ему... Стеньке Разину, здали, и ворота ему... отворили... А боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровский убит от него, вора, с роскату, а товарищ [воеводы], брат ево, стольник и воевода князь Михаила Семенович Прозоровской убит в Белом каменном городе у Решеточных ворот... А которые, государь, по твоему... указу были в Астарахани... головы московских стрельцов, и дворяне московские, и жильцы, и головы астараханских стрельцов, и астараханцы дворяне дети боярские... тебе, великому государю, радели и с ним, богоотступным вором, бились,– и он... тех твоих великого государя ратных людей побил многих...

«Прелестные Грамоты» С. Т. Разина и его сподвижников

1. Грамота от Степана Тимофеевича от Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Хто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичи), и я выслал казаков, и вам бы за [о]дно измеников вывадить и мирских кравапивцев вывадить. И мои казаки како промысь станут чинить, и ва[м] бы итить к ним в совет, и кабальныя и апальныя шли бы в по [л] к к моим казакам...

2. Великого войска Данского и Еицкого и Запорожского от атаманов от Михаила Харитоновича, да от Максима Дмитревича, да от Михаила Китпевича, да от Семена Нефедьева, да от Артемья Чирскова, да от Василья Шилова, да от Кирилы «Лаврентьева, да

от Тимофея Трофимовича в Челиавскои атаманом молотцом и всему великому войску.

Послали мы к вам Козаков лысогорских Сидара Леденева да Гаврилу Болдырева для собранья и совету великого войска. А мы ныне в Танбове ноября в 9 день в скопе, у нас войскова силы с 42 000, а пушак у нас 20, а зелья у нас полпятаста и больши пуд. И кой час к вам ся память придет, и вам бы пожаловать, атаманы и молотцы, собрався, ехоть к нам на помочь с пушками и з зельем безо всякого мотчанья днем и ночью наспех. А писал нам из Орзамасу донской атаман, что наши козаки князь Юрья Долгаруково побили со всем ево войским, а у него была пушак 120, а зелья 1500. Да пожаловать бы вам, породеть за дом пресвятые богородицы и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю провославную християнскою веру. Потом вам, атаманы молотцы, атаман Тимофей Трофимов челом бьет...

Отписка полкового воеводы П. Урусова о боях Ю. Барятинского под Симбирском

Октябрь 1670 г.

...В нынешнем во 179 году сентября в 15 день писали к тебе, великому государю... что послал я, холоп твой Петрушка, с устья Казани реки товарища своево... воеводу князя Юрья Никитича Борятинского с твоими... ратными... людьми для выручки Синбирска...

Сентября де в 20 день за Свиягою рекою под сельцом Куланги дожидались ево воровские казаки, татаровя и чюваша и черемиса и мордва больши 3000 конных и пеших людей, и был у нево с ними бой.

И тех воров побили и языков взяли 67 человек, и тех де языков велел посечь и перевешать. Да на том же бою взят Яковлева приказу Соловцова стрелец Ефрем ко Провоторхов, и того де стрельца велел он росчетвертовать и на колье россажать.

И сентября ж де в 23 день пришол он к реке Карле, и у реки де Карлы, собрався, встретили его воровские казаки и татарова и чюваша и черемиса и мордва, учинили с ним бой. И на том бою тех воровских казаков побил и языков взято 18 человек, и тех языков велел посечь и перевешать...

Да сентября ж де в 29 день пришел он к черте в городок Тогаев, а ис Тагаева де все люди выбежали к вору Стеньке Разину в Синбирск. И ис того городка пошел он во Мшанеск, а изо Мшанску пошел к Синбирску по Крымской стороне октября в 1 день, и пришел к Свияге реке до Синбирска за 2 версты. И вор де Стенька Разин, собрався с ворами з донскими казаки, и с астараханскими, и с царицынскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и сызменники с синбирскими... с ворами из розных городов... с великими силами почел на него наступать... И он де со всеми твоими великого государя ратными людьми разобрався и устроясь, против вора Стеньки Разина пошел и с ним сшелся сажень в 20-ти, и учинили бой и на том бою ево, вора Стеньку, сорвали и прогнали. И собрався он, вор Стенька, со всеми силами, с конными и пешими людьми и с пушками... и учинил с ними бой, что люди в людех мешались и стрельба на обе стороны из мелкова ружья и пушечная была в притин. И милостию божиею... тех воров побили бесчисленно много. А ево, вора и крестопреступника Стеньку, самово было жива взяли, и рублен саблею, и застрелен ис пищали в ногу, и одва ушел... А было де с вором Стенькою воровских людей и казаков с черты и из уездов з 20 000...

Отписка полкового воеводы Ю. Долгорукова
о распространении восстания в Поволжье и смежных областях
12 октября 1670 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...

Велено мне, холопу твоему, посылать посылки для промыслу на воров в Нижегородцкой и в Курмышской уезды, и к Лыскову, и к Мурашкину и в-ыные села, и в Темников и в-ыные места, где пристойно, чтоб за милостию божиею воров от воровства унять и искоренить воровство... И против твоего великого государя наказу, собрався у Арзамасу с твоими... ратными людьми, хотели итти к Олатарю вскоре.

И у Арзамаса учали стоять, потому что во многих местех учинилось воровство: в Саранске и в Орзамаском и в Олаторском уездех, и в Лыскове и в Мурашкине и в-ыных местех, а в другой, государь, стороне, от украйны, в Темникове, в Кадоме и к Шацкому...

Грамота из приказа Казанского дворца кадомскому воеводе с извещением о выдаче Разина и расправе с разинцами.

11 мая 1671 г.

В нынешнем во 179-м году мая в 10 день писали к нам, великому государю, з Дону атаманы и казаки Корней Яковлев с товарыщи... что они, казаки, совокупясь единомышленно во всех городках и служа нам, великому государю, ходили ис Черкаского городка под Когольник для промыслу на воров и изменников на Стеньку Разина с товарыщи. И милостию всесильного господа бога... они... под Когольником воров многих побили и тово вора и изменника Стеньку Разина и ево единомышленников, которые с ним пришли в Кагальник с Царицына и на Дону к ево воровству пристали, взяли. И ево, Стеньку, привезли в Черкаской и заковали в кайдалы и отдали стеречь за крепкую сторожу. А товарыщев ево единомышленников воров же в Кагальнику и в Черкаском всех побили и перевешали, а ево, вора Стеньку, послали... к Москве с атаманом с Корнеем Якозлевым с товарыщи апреля в 24 день нынешнего 179 году...

Рис. 18. Г. П. Захаров. В. М. Шукшин в образе Стеньки Разина. 1978.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Почему документы о разинском восстании исходят главным образом от правительственного лагеря?
2. К чему призывал С. Разин в своем «прелестном письме»?
3. Какие карательные меры применялись к восставшим?

Тема 19. Социально-экономическое положение России во второй половине XVII в.

Грамоты боярина Морозова приказчикам

Грамоты боярина Б. И. Морозова приказчикам – сохранившаяся часть вотчинного архива феодала-землевладельца XVII века, которая содержит грамоты, памяти и наказы Морозова, отписки приказчиков, челобитные крестьян, книги земельных владений.

Извлечения публикуются по изданию: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1945. Ч. П. С. 63–64, 88–89, 143, 159, 172.

ГРАМОТА Б. И. МОРОЗОВА ПРИКАЗЧИКАМ НИЖЕГОРОДСКИХ И АРЗАМАССКИХ ВОТЧИН, 1650 г.

От Бориса Ивановича людям моим Ивану Дмоховскому, Левонтью Гросу, Андрею Фролову. Как к вам ся моя грамота придет, и вам бы со всех моих нижегородцких и орзамаских вотчин со крестьян и з бобылей денежной мой оброк взять весь сполна без недобору по окладу, да и всякие мои денежные доходы с мельниц, и с лавок, и с полков, и с кузниц, и с рыбных ловель, и с пашни, и с сенных покосов взять все же сполна, и никакие б мои денежные доходы в забыти нигде не были. А свиных мяс взять по полупуду с выти, да з дыму взять по курице, да по 3 яйца, по полугривенке масла коровья. И куры имать добрые и велеть сушить, и яйца свежие, а масло имать доброе ж и свежее, и в кади велеть масло наливать или набивать, как лутче, с солью; а соли б класть в меру, чтоб не добре было солоно, и масло б было чисто, не порошно, и подонья б не было. А куры прислать к Москве сушеные, старые и не петухи и жирные; а яйца – мерзлыми, и чтоб были свежие...

Да по прежнему же моему указу прислать 30 пуд сала говяжья доброва и чистова, плотного. А которое у вас будет сало самое доброе, чистое, которое в еству годитца, и вам бы на той кади ерлык приложить... Да 500 языков говяжьих соленых, да 50 четвертей муки пшеничной самой доброй, да 30 чети пшеницы самой же доброй; в которой моей вотчине самая добрая есть пшеница, оттуды и, взяв, прислать, чтоб годилась на крупичатую муку. И ядра ореховые, собрав со крестьян по указу все сполна, прислать к Москве.

И з бортных ухожеев медвеной оброк велеть имать з бортников и с мордвы, мед самой доброй улазной; и что будет от моих пчел,

и тот весь мед и воск прислать к Москве ж. И япанчи, и войлоки, и сукна, и сундуки, по указу построя, прислать к Москве ж.

И против сей моей грамоты в денежных оброках и во всяких денежных доходах и в столовых обиходах учинить бы вам ведомость во все мои нижегородские и орзамаские вотчины ко всем приказщикам...

А с которых моих крестьян, с низовых промышленников, идет рыба и соль и вязига, и с тех бы вам крестьян рыба и соль и вязига взять по указу. Да велеть бы вам кузнецом сковать 100 удил к уздам, да 100 седельных снастей пряжек; а сковать в мяхком железе, – половину веретенных пряжек, а другую – завареных. Да в которых моих вотчинах есть горох и мак, и вам бы прислать мак весь, а гороху прислать 30 четвертей. Да велеть бы вам, в которых моих вотчинах есть мой хлеб, зделать 30 чети толокна да 30 чети круп овсяных; а толокно бы и крупы было самое доброе и не перезжено; а к Москве толокно прислать, просея, а крупы, выполов и вычистя. Да в которых вотчинах есть гречиха, и в той гречихе велеть крупы переделать и прислать к Москве, только аставить на семена; а крупы б были добрые и чистые.

Да в которых моих вотчинах готовлены какие ягоды н постилы, и вам бы прислать велеть к Москве же. Да которые мои оброшные деньги на крестьянех и на бобылях за прошлые годы не донеты... и на тех за те прошлые годы доимочные оброчные деньги велеть выбирать по тамошнему росмотренью и писать велеть особь статьею.

Да тот бы вам час прислать ко мне роспись, сколько в которой моей вотчине на мойданах, бог послал, уломано пудов поташу, и что бочек набито... Да и ничто б у вас по прежним моим и по сей моей грамоте в забыти не было...

ГРАМОТКА Б. И. МОРОЗОВА СОБОРНЫМ СТАРЦАМ МАКАРЬЕВСКОГО ЖЕЛТОВОДСКОГО МОНАСТЫРЯ. 1660 г.

Пречестные и великие обители пресвятые живоначальные троицы и чюдотворца Макария Жолтовотцкого господам моим, келарю старцу Похомию и соборным старцом и всей еже о Христе братии Борис Морозов челом бьет. Пожалуйте, господа, велите ко мне писать о своем душевном спасении и о телесном здоровье, и о всем своем благом пребывании, как вас бог милует. А про меня, пожалуете, похотите ведать, и я при государских пресветлых очех

апреля по 4 день, дал бог, здорово, а впереди бог волен. Послал я к вам на церковное строение со старцем Серепионом железа свитцкого 1 729 пуд с полупудом, и вам бы то железо велеть принять и перевесить. По сем вам челом бью.

ГРАМОТА Б. И. МОРОЗОВА ПРИКАЗЧИКУ с. ЛЫСКОВА. 1660 г.

От Бориса Ивановича в нижегородскую мою вотчину в село Лысково человеку моему Левонтью Гросу. В нынешном во 168-м году апреля в... день писал ты ко мне, что де ты послал к Москве беглых даточных 14 человек села Лыскова с крестьянином с Сенькою Асокиным. И к Москве пришло даточных людей 11 человек, а з дороги де забежало 3 человека даточных, Фетька Степанов, Сафка Федотов, Кондрашко Федотьев Ковало. И как те беглые даточные люди в селе Лыскове объявятца, и тебе б их велеть принять и бить их кнутом нещадно, водя по улицам, и бив кнутом, вкинуть в тюрьму и о том ко мне отписать.

РОСПИСЬ БЕГЛЫМ КРЕСТЬЯНАМ И БОБЫЛЯМ с. БУРЦОВА. 1660 г.

Роспись села Бурцова беглым крестьяном. Филька Игнатьев з женою и з детьми збежал; тягла после ево осталось треть осьмухи.

Васька Наумов з женою и з детьми; тягла после ево осталось четверть осьмухи. Васька Степанов збежал, покиня жену и дети; тягла после ево осталось полосьмухи.

Ивашко Романов збежал, покиня жену и дети; тягла после ево осталось полосьмухи.

Бориско Матфеев збежал, покиня жену и дети; тягла после ево осталось полосьмухи.

Федотко Андронов збежал, покиня жену и дети; тягла осталось треть осьмухи.

Да 2 бобыля: Онтошко Спиридонов з женою и з детьми збежал; Митька Осипов збежал, покиня жену и дети.

РОСПИСИ ХЛЕБУ, ВЗЯТОМУ КРЕСТЬЯНАМИ «ВЗАЙМЫ» У Б. И. МОРОЗОВА. 1657 г.

165-го году майя в 26 день вотчины государя нашего боярина Бориса Ивановича Морозова села Мурашкина дер. Краснова

крестьяня, взяли мы государя нашего Бориса Ивановича хлеба взаймы на ссуду бедным крестьяном, и сколько хто взял какова хлеба на емена и на семена именем, и тому роспись. А отдать нам тот хлеб на срок на покров святыя богородицы во 166-м году с первого овина. А имать нам тот хлеб в боярскую меру. Выборной Гордей Микитин взял чети пшеницы, ржи осьмину; Петр Осипов взял осьмину пшеницы, ржи чети; Яков Еремеев взял пшеницы чети, ржи 2 чети; Прокофей Иванов – осьмину пшеницы, 2 чети ржи; Данило Федоров взял 2 чети ржи; Иван Осипов взял 2 чети ржи... А порука в том хлебе мы, крестьяня, друг по друге. А роспись писал Якушко Дементьев по их крестьянскому веленью...

165-го году августа в 17 день вотчины государя нашего боярина Бориса Ивановича Морозова дер. Тынова взяли бедные скудные крестьяне боярского выморошнова хлеба на семена на ссуду взаймы, и хто именем взял, и тому роспись. И отдать нам тот хлеб с первого овина в боярскую меру. Иван Иванов – 6 чети; Илья Григорьев – 6 чети; Алексей Лукоянов – 6 чети; Оверкей Емельянов – 3 чети;

Василей Емельянов –3 чети; Ипатей Степанов –3 чети; Тихан Федоров –4 чети; Спиридон Семенов –3 чети; Яков Мосеев – 3 чети;

Офонасей Онисимов –3 чети; Ортемей Васильев – 6 чети; Степан Кормилов –3 чети; Степан Игнатьев – 3 чети; Ермак Перфильев – 3 чети; Фома Васильев –4 чети; Купреян Дементьев – 3 чети;

Алексей Онисимов – 3 чети; Сергей Яковлев – 3 чети; Сергей Парфенов – 4 чети; Лука Сафонов – 3 чети. И всего 20 человек взяли 72 чети. А порука в том хлебе мы, крестьяне, друг по друге. А роспись писал Якушко Дементьев по их веленью.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Какими отраслями сельского хозяйства и промыслов занимались крестьяне в вотчинах Б. И. Морозова?
2. Какие меры наказания применялись к беглым крестьянам в вотчинах Б.И. Морозова?
3. Объясните, почему крестьяне из вотчин Б. И. Морозова вынуждены были брать хлеб «взаймы» у боярина?

Список сокращений

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ВИ – Вопросы истории

ВОИДР – Временник Общества истории и древностей российских

НІЛ – Новгородская первая летопись

ПВЛ – Повесть временных лет

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею

РП – Русская Правда

СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности АН

СЭ – Советская этнография

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР

УВ – Устав Всеволода

УЯ – Устав Ярослава

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских

ИСТОРИЯ РОССИИ
(до конца XVII века)
Хрестоматия

Составители:

Долгов Вадим Викторович
Котляров Дмитрий Алексеевич

Авторская редакция

Подписано в печать 23.03.2026. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 12,3. Уч. изд. л. 12,9.
Тираж 44 экз. Заказ № 407.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.:+ 7 (3412) 263-751, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18